

НАСТОЯЩИЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ДЕТЕКТИВ

misterium

БУАЛО- НАРСЕЖАК

ЛЮБИМЕЦ ЗРИТЕЛЕЙ

БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА КНИГИ БУАЛО-НАРСЕЖАКА ИЗДАЮТСЯ ОГРОМНЫМИ
ТИРАЖАМИ КАК В ЕВРОПЕ, ТАК И В АМЕРИКЕ.

ЭКСМО

Два классических криминальных романа о том, что зачастую мир искусства напрямую связан с преступным миром.

«Конечная остановка» — рассказ о том, как муж, начав расследование обстоятельств автокатастрофы, в которую попала его жена, понимает, что та вела двойную жизнь и под чужим именем была любимой моделью у популярного парижского художника. Но это лишь небольшая часть замысловатой головоломки, которую придется разрешить герою.

«Любимец зрителей». Еще совсем недавно он был кумиром миллионов женщин. Но теперь все в прошлом. Осталась лишь неудовлетворенная жажда славы и желание любой ценой с триумфом вернуться на экран. Судьба дает ему этот шанс. Но герой, в прошлом игравший только рыцарей без страха и упрека, должен сделать выбор между новой ролью и возможностью упрятать в тюрьму невинного человека. Человека, которого он ненавидит всей душой, — своего заклятого врага.

Буало-Нарсежак
Любимец зрителей

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА

Нашему другу Жану Марку Робертсу посвящается

Глава 1

Восемь часов. На кузовах машин кое-где еще белел снег. Утренняя толпа перетекала из пригородных поездов к входу в метро, как зерно ссыпается с элеватора. Лионский вокзал пробуждался. Облокотившись о стойку бара в буфете, Шаван не спеша пил кофе. Люсьена, должно быть, еще спит. Она обнаружит письмо только часика через два. Тогда почему же он так дергается, вскипая от гнева, как если бы уже столкнулся с опасностью? Вместо того чтобы говорить себе: «Сегодня такое же утро, как любое другое. И потом, ведь я сам все затеял; к тому же это такая заурядная ситуация!»

— Ко всем чертям! — пробормотал Шаван.

Он расплатился, подхватил свой дорожный чемоданчик и отправился за ключами от вагона-ресторана. Обычно ему нравился тот краткий миг, пока он неторопливо шел наперерез волнам пригородных пассажиров. Он купил, как обычно, утреннюю газету, пачку «Голуаз». В толчее он чувствовал себя вольготно. И шагал с сознанием важности собственной персоны. Зачем отравлять себе удовольствие от этого утра?

— Привет, Поль, — поздоровался Тельер, вручая ему ключи. — Видел термометр?.. Минус четыре!.. Тебе-то хорошо: вечером ты уже в Ницце, счастливчик...

— Но завтра вечером я снова в Париже, — парировал Шаван и подумал об отвратной семейной сцене, которая ждала его по возвращении.

— Привези нам веточку мимозы, — отшутился Тельер.

Шаван чуть не передернул плечами. Ему хотелось крикнуть в лицо всему миру: «Оставьте меня в покое!» В метро он дремал до станции «Либерте», лениво переносясь от картинке к картинке. Малыш Мишель подменил гриппующего Амблара... Нужно его подучить ловчее обслуживать пассажиров... Вагон-ресторан — прежде всего ресторан — не следует это забывать...

Какое меню у нас на сегодня... Отлично: кнели из щуки на пару, *osso buco*^[1] по-неаполитански со спагетти или же, на выбор, антрекот по-тирольски с гарниром из панированных в муке корней сельдерея... Она не способна приготовить даже спагетти. А ведь это уж проще простого... Стоп! Нежелательная картинка!.. До чего ему повезло с таким опытным поваром, как Амеде. У нынешних нет той сноровки, навыка, вкуса к настоящей работе. Им подавай полуфабрикаты. Сплошное жульничество. Когда Люсьена...

Хватит! Он дал маху. Эта дурацкая затея с письмом! Люсьена еще вообразит, что он испугался открытого объяснения. И повернет дело в свою пользу... разыграет из себя жертву... В сущности, в чем он может ее упрекнуть?.. Состав с грохотом проследовал через туннель. На стене, как на экране, он перечитал свое письмо. *Моя дорогая Люсьена...* Первый промах. К женщине, которую намерен бросить, не обращаются со словами «моя дорогая». Это звучит признанием собственной вины... *Пишу тебе без озлобления, как другу...* Но то-то и оно, что Люсьена не была ему даже другом. Кем же она была? Кем-то вроде соседки по квартире... милой — тут уж ничего не скажешь. И даже услужливой. Точь-в-точь как девушки-проводницы, никогда не проходившие через вагон-ресторан без улыбки и любезного словца. Тогда как жена, настоящая...

Шаван не больно-то знал, что именно подразумевал под этим. Но часто, обслуживая, к примеру, новобрачных, совершающих свадебное путешествие на Лазурный Берег, он думал, заглядываясь на молодую женщину, которую счастье украшало, как рождественскую елку —

блестки: «Настоящая! Вот она — настоящая!» Или же, глядя на пожилую даму с сиреневатыми волосами, руки — в перстнях, ногти наманикюрены: «Вот и эта настоящая». Одним взглядом он оценивал туалеты, изысканность манер. Нет ничего труднее, чем поднести вилку точно к губам, избегая резкого поворота кисти, пока тряский вагон минует стрелки. Изящество, класс! То, чего Люсьена была лишена напрочь. И все же не это послужило для него причиной, чтобы...

Вот и станция «Либерте». Шаван с чемоданчиком в руке выходит из метро. Пронизывающий ветер под низким небом разгонял колючие снежинки. Люсьена такая мерзлячка — она все утро проваливается в постели... Сопротивляться бесполезно — мысли о ней его не оставят. Уж лучше с этим смириться.

Шаван дошел до огромного ангара — или, как все тут его звали, гаража, куда убирали на конечной остановке «Мистраль»^[2]. Пустой, темный железнодорожный состав вспыхивал там и сям резкими металлическими отблесками. Мишель уже поджидал его у подножки вагона-ресторана.

— Привет, начальник. Погодка — сущее наказание. Посмотрите, пассажиров будет раздва — и обчелся!

Обмен рукопожатиями. Шаван трепать языком не настроен. Открыв дверь, он поднес руку точно к рубильнику, и вагон ярко осветился. Давно уже привычные движения в заданной последовательности, неспешные, но и не небрежные. В узком проходе, где каждый предмет занимал определенное место, Шаван извлек из чемоданчика белый китель — для поездки к станции назначения; чтобы освежить блеск эполетов с витыми золочеными шнурами, потер их рукавом и прикрепил кнопками, затем повесил на плечики пальто, выходной пиджак и другой белый китель, на обратную дорогу.

Платяной шкафчик, очень глубокий, вмещал примерно пятнадцать вешалок для верхней зимней одежды поездной бригады, куда входили восемь раздатчиков, шеф-повар и директор вагона-ресторана. Сюда же вешали, кроме пальто, фирменные кители, а в холодную пору — теплые куртки на меху.

Шаван провел по волосам расческой и застегнул китель. Алюминиевые перегородки с четырех сторон посылали его отражения: синие брюки с безупречной складкой, двубортная фирменная куртка, галстук-бабочка и, подчеркивая линию плеч, золотая полоска знаков отличия.

С платформы донесся шум голосов. Пассажиры всегда являлись одновременно, обменивались рукопожатиями, докуривали, пританцовывая от холода, потом гасили сигареты и наконец проворно поднимались в вагон.

— Привет, начальник.

В конторе начиналась толкотня.

— А ну-ка, расходись! — кричал Амеде.

Сам он собирался быстро: белый поварской колпак, широкий передник, салфетка за поясом. В девять часов начинали «накрывать на стол». Официанты раскладывали приборы — сначала в главном зале, а затем в двух вагонах с панорамным обзором, они числились под номерами 14 и 10 и были прицеплены один впереди, а второй позади вагона-ресторана. Двери между ними пока оставались раскрытыми. Шаван краешком глаза посматривал на анфиладу из трех роскошно отделанных комнат: гравюры на стенах, преобладание строгих тонов, атмосфера богатства. Он раздал меню, удостоверился, что Тейсер положил по булочке на каждую тарелку.

Валентен принес бутылки. Компания наряду с ординарными винами потчевала пассажиров бордо высшей марки, которое в конце маршрута частенько приходили отведать и контролеры. Шаван чувствовал себя хозяином четырехзвездочного ресторана. Он был бы горд радушно принять здесь Люсьену. Как бы не так! Она не пришла сюда ни единого раза. Ничто не возбуждало ее любопытства. Она не любила путешествовать. «Опять эти твои вечные дорожные истории», — реагировала она на его рассказы про мелкие происшествия своего очередного рейса. Так что он помалкивал. А поскольку сама она целыми днями торчала дома, болтаясь по квартире в халате, наполняя пепельницы окурками, хватаясь то за роман, то за журнал под неумолчный аккомпанемент магнитофона, ей самой рассказывать было нечего. Так что им не оставалось ничего иного, как говорить о зиме, росте цен или же комментировать происшествия, подобно случайным знакомым в зале ожидания вокзала, которые убивают время за болтовней. Так тянулось годами. По правде говоря, так повелось у них с самого начала. Их брак оказался неудачным. И зачем только дядя Людовик так настаивал! «Вот увидите, вы оба будете счастливы... Из Люсьены получится славная жenuшка... Она умеет создавать уют. И потом, у нее легкий характер. Она смирится с тем, что тебя вечно нет дома... Четыре дня в неделю — не пустяк, и я знаю, многих женщин это бы не устроило!»

— Шеф, вас спрашивает Амеде.

Шаван отправился на кухню, где Амеде завел свару с шофером пикапа, снабжавшего их провизией. Кнели были уложены одна к другой в металлический контейнер.

— Гляньте-ка на продукт, какой они мне доставили! — вскричал Амеде. — Вот! Я положил вам одну на пробу.

— Черт побери! — протестовал шофер. — Без соуса у них, конечно же, никакого вкуса.

— Речь не об этом, — сказал как отрезал Амеде. — У нас в меню стоит «кнели из щуки». Так вы попробуйте, шеф. Пусть меня повесят, если здесь есть щука!

Шаван медленно жует — снимает пробу.

— Вкус рыбы ощущается, — говорит он. — Может, и не щука, но, честно говоря, совсем не плохо.

— Ах! Вот видите! — обрадовался поставщик. — А вы все время поднимаете шум...

— Ладно, ладно, — брюзжит Амеде. — Лично мне все до лампочки. Но будь я клиентом... Где мороженое?

— Получайте.

И поставщик передает повару четыре большие картонные коробки.

— Оно не успеет у вас растаять, — отшучивается он. — Счастливого пути, ребята.

Шаван проходит по залу, высматривая, что не так. Не мешало бы украсить столы цветами. Но обед и без того стоит шестьдесят восемь франков, придется обойтись без цветов. В скором времени вагоны-рестораны отживут свой век. Возможно, лет так через пять-шесть и наступит пора подносов с жестким куриным бедром, черствым хлебом, брусочком масла, наподобие кусочка мыла, и бокалом дешевого красного вина. Уходит со сцены не только профессия ресторатора, но сама жизнь... Когда развод будет оглашен...

Шаван застыл на месте, заложив руки за спину и опустив голову. Развод!.. Да, так больше продолжаться не может. А потом... Как будто за ним должно что-то последовать... «Да что со мной происходит?» — подумал Шаван. Это погода нагоняет хандру. Люсьене сейчас двадцать восемь, а мне стукнуло тридцать восемь. Выходит, ничего еще не потеряно. У каждого из нас еще есть время начать жизнь сначала. Сейчас еще можно расстаться по

взаимному согласию. Мы совершили ошибку — вот и все. С чего бы это она стала за меня цепляться. Я буду платить ей приличное пособие. И ничто не мешает мне жениться вторично. Разве я не вправе иметь жену — настоящую!

— Шеф! Кушать подано.

Что? Неужто одиннадцать? Официанты усаживались за двумя столами, поближе к кухне. Обедают всегда на скорую руку, поскольку меню персонала гораздо проще меню пассажиров. Колбасы. Чаще всего бифштекс с чипсами. Сыр и чашка кофе. Обслуживает самый младший из них.

— У вас усталый вид, шеф, — замечает Тейсер. — Вам нездоровится?

— Должно быть, простыл, — раздосадованно ответил Шаван.

Он слыл молчаливым. Тот не стал допытываться. Валентен заговорил о назревающей забастовке. Разговор становился все оживленнее. Время от времени Шаван подавал голос, чтобы не показаться им безучастным и дать понять, что считает требования профсоюзов законными, но мысли его заняты другим. Он сунул письмо в толстый том, который Люсьена читает в данный момент. Она любила толстые романы, конца которым не видно. Последние несколько дней она погружена в «Унесенных ветром». Вынув закладку, он вложил на ту же страницу свое письмо, заклеил конверт и написал: «Мадам Люсьене Шаван», желая придать своему посланию настораживающую важность. Когда Люсьена откроет роман? Обычно, разделавшись с грязной посудой, она прочитывала несколько страниц, попивая маленькими глотками свой кофе, пока сам он слушал дневную сводку новостей. Ну а оставаясь в одиночестве? Люсьена уверяла, что ничего не меняет в распорядке их жизни, но Шаван был почти уверен, что она ленится готовить для себя одной. Скорее всего, избавляясь от ненавистного ей, как она выражается, наряда по кухне, она питается всухомятку. Ведение домашнего хозяйства, мелкая починка, походы по магазинам, любовь... Последнее как раз и составляло самый горький предмет их несогласия... Шаван перечислял жене все свои претензии, на что у него ушло несколько недель скорбного обдумывания. Он вел их реестр на старых счетах железнодорожной компании для большей уверенности, что ничего не упустит. И лишь вчера, когда она слушала последнюю пластинку Энрико Масиаса, наконец решился и в едином порыве, от которого дрожала рука, написал сладковатое и ужасающее письмо.

Моя дорогая Люсьена... Читая его, это письмо, она вынуждена будет признать, что они являются всего лишь компаньонами. Впрочем, он расставил для нее все точки над «i». А именно, он писал: «Настанет момент, когда безразличие перейдет в ненависть». Да, Шаван не побоялся такого слова. Потому что он начинал уже испытывать это чувство. Когда Люсьена битый час подпиливала ногти... Когда бесконечно занимала туалет... или же, ссылаясь на мигрень, валялась в постели... А еще когда требовала денег, постоянно жалуясь на безденежье. И все это с неизменно отсутствующим видом, отделенная от него стеной отчуждения.

Шаван глянул на часы. Полдень. Вот сейчас она встает. Для книги с заложенным в нее письмом еще слишком рано. Мишель убирал со стола. Легкий толчок дал знать, что маневровый локомотив подцеплен к поезду и отвезет его на Лионский вокзал. Состав скользил бесшумно, пасмурный от тумана и дождя свет прилипал к стеклам окон. Шаван так любил этот момент... скрежет буферов на стрелках... однообразная и всегда словно увиденная впервые вереница заводов, жилых домов муниципальной застройки, переплетения железнодорожных путей, которые сходились и расходились, словно ожившие и полные

неясной угрозы. Уехать! Стать на несколько часов полным хозяином самому себе, как моряк на борту судна, вдали от семьи, от дома, от родной земли, от всего того, что связывает и порабощает!

Шаван почувствовал себя лучше. Одюро, помощник Амеде, готовил тележку с аперитивами. Он укладывал миниатюрные бутылочки с таким расчетом, чтобы можно было оценить их марки по этикеткам, но истинных знатоков становилось год от года меньше. Бывало, пассажиры приходили в вагон-ресторан приятно провести время, поболтать, переговорить о делах, расслабиться, а заодно и пообедать. Теперь же они приходили поесть, вечно второпях, и, случалось, сетовали на медленное обслуживание, хотя оно и проходило в нормальном темпе. Они готовы были удовольствоваться грилем, как в закусных. Это заявляло о себе новое поколение людей, которых устраивало второпях перекусить и бежать дальше по делам.

Состав со скрежетом прокладывал себе дорогу. Очень скоро «Мистраль» выведут на первый путь и медленно подкатят к буферу в конце рельсового пути. Время двенадцать двадцать. Необъятный зал ожидания привычно гудел. Его непрерывное гудение перекрывал голос из репродукторов, объявлявший об отправлении поездов Париж — Милан и Париж — Шамбери.

Опаздывает на пять минут, отметил Шаван.

Он знал расписание поездов назубок. Проводницы явились первыми — мило одетые, изящные, улыбочивые. Он спустился на платформу приветствовать их.

— Наверное, заскочу к вам днем выпить грога, — сказала ему Мариан — проводница, в чью обязанность входило присматривать за детьми. — Я умудрилась все-таки схватить простуду.

Уже прибывали первые пассажиры. Как правило, раньше всех являлись старые дамы. Они шли в головные вагоны, по всей вероятности направляясь в Канн и Ниццу. В ресторане их увидишь редко — они побаивались переходить из вагона в вагон на ходу и грызли в дороге печенье и шоколад. Около часа появлялись мужчины с дипломатами в руках — бизнесмены, возвращавшиеся из Парижа домой — в Лион или Марсель. Некоторые из них были завсегдатаями ресторана, но не сосредоточивали внимание на трапезе, а между сменой блюд изучали цифры или книжечки заказов. Шаван предпочитал им коммерсантов, которые охотно усаживались за столики на четыре персоны, умели выбрать доброе винцо, а после кофе заказывали и чего-нибудь покрепче. Они держались с ним на короткой ноге, оставляли на столе щедрые чаевые; некоторые из их числа говорили с южным акцентом, который согревал Шавану душу. Нередко уже перед самым отправлением поезда прибегала какая-нибудь начинающая киноактриса в белых сапожках, темных очках, зажав под мышкой косматую шавку, стараясь не отставать от носильщика, который нес ее багаж только что не в зубах.

У Шавана больше не оставалось времени на то, чтобы думать о Люсьене. По репродуктору уже объявили об отправлении «Мистраля», обращая внимание пассажиров на необходимость соблюдать осторожность, так как двери поезда закрываются автоматически. Состав плавно тронулся с места. Вокзальные здания медленно отступали, а сразу за ними, казалось, начинался пригород, вереницы автомобилей задерживали у переезда красные огни светофоров. Зазвучала музыка, которая снимала предотъездное напряжение, но ее заглушал перестук колес на стрелках; она предшествовала объявлению Мартины — она желала пассажирам приятного путешествия и приглашала их посетить вагон-ресторан,

расположенный в середине состава.

Мартина вещала из конторы в уголке вагона, и ее голос, который, похоже, лился с потолка, не спутаешь ни с каким другим, так запиналась она, повторяя свое краткое объявление и приветствие по-английски. Запоздалые пассажиры, зажав в руке билет, в последний момент выкупленный из невостребованной брони, продолжали перебираться из хвоста поезда в нужный им вагон. Ланглуа сопровождал их в вагон номер 10, а Мерсье — в номер 14. В вагоне-ресторане свободных столиков хватало.

После Вильнев-Сен-Жорж состав мало-помалу набирал обычную для него скорость курьерского поезда. Шаван записывал заказы, кивком одобряя выбор вина. У него выработалась устойчивая походка бывалого моряка, и тряский пол никогда не мог застать его врасплох. Он передвигался решительным шагом, не отступаясь, и не простил бы себе, если бы посмел ухватиться за спинку сиденья. Мишель следовал за ним, ненавязчиво демонстрируя тележку с аперитивами, как сборщица пожертвований в церкви свою кружку. Поскольку обслуживание каждой смены длилось не более полутора часов, нельзя было транжирить ни минуты, однако при всем этом надлежало создавать у каждого клиента такое впечатление, будто его вовсе не торопят.

Из кухни один за другим вышли Тейсер и Ланглуа. Каждый непринужденно держал длинное блюдо с рыбными кнелями под густым соусом. Они умело сохраняли равновесие блюда, установленного на предплечье и ладони левой руки, и с неподражаемым жестом вышколенных официантов, орудуя правой, захватывали каждую кнель ложкой и вилкой, осторожно опускали на тарелку гостя хрупкую трубочку теста и непринужденно следовали дальше.

Шаван был доволен своей бригадой. Только малыш Мишель не научился держать равновесие. «Шире шаг, — нетерпеливо наставлял его Шаван, — ведь это элементарное правило. И потом, не заглядывай в окно. Пейзажи существуют для пассажиров».

Сам он давным-давно перестал обращать внимание на проносящиеся мимо виды. Краешком глаза он замечал только нечто вроде живого ковра, раскрашивающего окна в разные цвета. Мелькали тени, огни, силуэты. Он распознавал местность по шумам, лязгу мостов, реву туннелей, канонаде составов, мчащихся им навстречу.

Были у Шавана и другие ориентиры. Он знал, что после кнелей «Мистраль» оставит позади Плесси-ле-Руа. Затем *osso buco* или антрекот приведут их в Санс. Мороженое должно быть съедено между Ларош и Сен-Флорантен. После кофе и ликеров будет два часа пятьдесят минут. Время предъявлять счета и получать деньги. И это уже начало второй смены. Но в данный момент им приходилось, не подавая виду, бороться со спагетти и одним взмахом руки подхватить каждому достаточную порцию и при этом не допустить, чтобы они свисали с тарелки — этакие пряди растрепанных волос. Тут требовали хлеба, там — графин воды. Люсьена стала уже только воспоминанием, мелькала тенью из прошлой жизни. Письмо отошло на задний план.

После антрекота у Шавана наступила краткая передышка. Второе блюдо обеспечивало ему добрых четверть часа спокойствия. Он прошел на кухню, к Амеде. Тот орудовал всюду и при этом брюзжал, а значит — все идет хорошо. Сумерки сгущались. Несмотря на плохую погоду, «Мистраль» шел по расписанию. Шаван не терпел опозданий. Вечная мания порядка, в которой его частенько упрекала Люсьена. И вдруг ему пришла в голову абсурдная мысль. А не могла бы Люсьена тоже предъявить ему список своих претензий? Она не преминет это сделать, если согласится на развод. Но каких претензий? Он никогда ей не

изменял. Да, возможно, характер у него мрачноватый. Возможно, он мог бы предложить ей больше развлечений. Но ведь ему приходилось вести утомительный образ жизни. Двое суток в дороге, двое суток отдыха. Еще одна поездка туда и обратно и снова двое суток отдыха — вполне заслуженного. И всего неделька отпуска каждые двенадцать ездов. Люсьене следовало понять, что он испытывал потребность немножко побыть дома. Ну а в чем еще могла она упрекнуть мужа? По ее утверждению, он скупится на деньги. Так ведь она не умеет ими путем распорядиться. Их машина оплачена только наполовину. В столовой пора сменить обои. Нелегко же ей будет доказать правомерность своих претензий на его счет...
Время пронести поднос с сырами. По ресторану прошли контролеры.

— Порядок, Поль?

— Порядок.

И в самом деле, эта ездка обошлась без происшествий, первое в жизни путешествие мужчины, порвавшего с прошлым.

В семнадцать часов семь минут «Мистраль» прибывает в Лион: платформа номер один, стоянка три минуты. Мерсье и Вальгрэн сходят на перрон. Далеко они не отлучаются. После Лиона обслуживать легче — несколько чашек чая, несколько легких закусок. Мариан пришла выпить свой грог.

— Видали? Погода меняется к лучшему. После Валанса наверняка выглянет солнце.

И вправду, туман начинал рассеиваться. Поезд пересек Рону, оставив справа нефтяные факелы Фейсона, которые казались окутанными легкой дымкой. Официанты раскладывали приборы для ужина первой смены.

— Сколько человек наберется? — спросил Амеде.

— От силы тридцать, — ответил Шаван. — И еще того меньше после Марселя.

Он прошелся по вагонам с панорамным обзором. Можно сказать, никого. Темнота вписывалась в окна пунктиром или многоточием далеких огней. Время от времени блистали воды Роны, а вскоре волшебным колесом за поездом покатила луна, взошедшая над Севеннами. «Встряхнись, старина, — подумал Шаван. — Сейчас не время отвлекаться!» Однако мучительные мысли о Люсьене все не отступали. Теперь она, должно быть, уже обнаружила его письмо. Опечалена? Наверняка нет. Удивлена? Несомненно. И вне себя от бешенства, уж это как пить дать. Конечно же, она дала знать Людовику. От него тоже жди потока упреков. «Вы оба ведете себя как малые дети! Вам надо преодолеть критический момент — через него проходят все после шести лет супружества. Полноте! Одумайтесь! Прежде всего тебе, Поль, надлежит выказать благоразумие».

Целый ушат тошнотворных советов! Да что дяде Людовику, убежденному холостяку, известно о браке?.. По счастью, «Мистраль» продолжает увозить его все дальше и дальше от Парижа. Настоящее же избавление настанет тогда, когда они минуют Валанс, Авиньон, Марсель, где еще оставался хвост их состава. После Тулона — в двадцать часов сорок девять минут — можно себе позволить малость расслабиться. Ресторан пустел. Шаван приступил к своей бухгалтерии — счета по одну руку, кассовый аппарат по другую. Он сосредоточивал на этом занятии все свое внимание, ведь малейшую промашку отнесут на его счет. Но он на этом деле собаку съел и ошибался редко.

После Сан-Рафаэля Шаван выкурил свою первую за день сигарету. «Мистраль» сбавлял скорость. Конечная остановка приближалась. В Канне большая часть пассажиров сходила с поезда. Шаван снимал белый китель и вешал его в платяной шкаф; хотя он и не утратил

свежести, тем не менее пойдет в стирку. Когда Люсьена отказывалась его стирать, он обращался за услугами в прачечную по соседству.

Ницца, наконец-то! Шавану осталось только дойти до конторы вокзала. Он достал из своего чемоданчика деньги и пачку счетов. И на прощание обменялся с Матеи дежурными фразами.

В тот вечер, когда он шел туда, где собирался переночевать — прямо напротив вокзала, — звезды сияли так ярко, что небо казалось полем, сплошь усеянным васильками.

— Я свободен, — произнес он вслух.

С первыми лучами солнца город замурлыкал. Погода выдалась мягкая, дышалось легко. Шаван вкушал кофе на своем обычном месте — «У Бартелеми», рядом с отелем «Сесиль»: перед его глазами лежала развернутая утренняя газета «Нис-Матен». Он прочел метеосводку — «Севернее линии Бордо — Женева туман, продержится холодная погода» — и думал о том, что ему предстоит возвращение в холодный Париж и неприязненная атмосфера дома, где его ожидали слезы и попреки. Как было бы хорошо подзадержаться в Ницце. Чувствовал он себя неплохо, только чуть занемели ноги — он еще не отошел от неважной ночи. Ничего страшного! Хочешь не хочешь, а пора двигаться. Другие, должно быть, его уже ждали. Шаван пересек площадь не спеша, чтобы не расплескать чашу забот и злобы, которая уже давно поселилась в его душе. Он купил себе в зале ожидания коробку тонких сигар, и в этот момент кто-то хлопнул его по плечу.

— Вас повсюду разыскивают, — сказал Матеи.

— А что случилось?

— С вами хочет поговорить заместитель начальника вокзала.

— Держу пари, опять забрались ко мне в вагон. Каждая поездка — одно и то же.

— Нет. Дело посерьезнее. Пошли скорее.

Они вышли на перрон. Матеи почти бежал.

— Да объясните же мне, о господи! — взмолился Шаван.

— Вам сейчас все объяснят.

Заместитель начальника вокзала ждал его в дежурке билетных контролеров.

— У меня для вас плохая новость.

Шаван сразу подумал о Людовике, у которого слабое сердце.

— Мой дядя? — спросил он.

— Нет. Ваша жена. Она попала в аварию прошлой ночью.

Огорошенный сообщением, Шаван присел на краешек стола.

— Авария?.. Это исключено... Жена никогда не выходит по вечерам из дому.

— Черт! Я повторяю вам то, что мне сейчас сообщили из полиции. Звонили из бригады «Несчастные случаи в Париже». Они связались с местными коллегами, которые мне и звонили. Вроде бы ее машина врезалась в фонарный столб. Она мчалась как угорелая.

— Что?.. Тут наверняка какое-то недоразумение.

— Она стукнулась головой.

— Сущие небылицы. Моя жена почти не пользуется машиной. И не решается выходить из дому по вечерам. Уж я-то ее знаю.

— Мадам Люсьена Шаван... Дом тридцать пять по улице Рамбуйе... Данные сходятся, так?

Сраженный на месте, Шаван уже не знал, какой вопрос ему задать, чтобы всех убедить в том, что произошло явное недоразумение.

— Как же они смогли узнать, что пострадавшая — моя жена? — бормотал он. — Видите, тут какая-то несурезица.

— Должно быть, они нашли у нее документы, — сказал замначальника, — и навели справки. Они, знаете ли, располагают возможностями докопаться! Вы должны к ним зайти по возвращении в Париж. У меня есть адрес этого полицейского участка.

Он протянул листок, вырванный из записной книжки, Шавану, и тот машинально сунул его себе в бумажник. Мало-помалу в его голове прояснилось. Да, речь идет действительно о Люсьене. И несчастный случай, разумеется, связан с его письмом.

— Ее жизнь не под угрозой?

— Надеюсь, нет. Но видите ли, парень на проводе особенно не распространяется. Вы знаете этот народ. Он выполнил поручение — и все.

— Коль скоро они потрудились меня известить, — продолжал Шаван, — значит, дела плохи.

Он прикинул. Может, Люсьена обнаружила письмо вчера вечером? Может, она испытала потребность ехать куда глаза глядят, лишь бы унять свой гнев... или боль. Почему знать?

— Они не сказали вам, где именно произошла авария?

— Нет, — последовал ответ.

Шаван повернулся к Матеи:

— Меня смогли бы подменить?

— Вы же знаете — такое всегда в наших силах.

— Постараюсь поспеть к самолету.

— Старина, у авиаторов двухдневная забастовка, — напомнил ему Матеи. — Быстрее обернетесь на «Мистрале» — прибудете в Париж в двадцать два пятнадцать. Даже если мы и запоздаем из-за тумана. В любом случае, в полиции дежурят круглые сутки.

Шаван ощущал, что их переполняет любопытство, и ему было невыносимо оказаться в центре внимания.

— Раз так, я пошел.

Они участливо пожали ему руку.

— Травма головы, — авторитетно и со знанием дела заметил Матеи, — в первый момент кажется трагедией. Но в конце концов все обходится благополучно. Ступайте! Счастливого пути и не падайте духом.

Проявят ли они такое же участие, когда узнают правду? Ведь шила в мешке не утаишь. И тогда они не преминут сказать: «Возможно, эта авария на поверку является попыткой самоубийства. Шаван был намерен развестись. Их брак разваливался». А Людовик — что вообразит себе его дядя?

Шаван в подавленном состоянии шагал через рельсы, чтобы сократить путь к составу. На пороге вагона-ресторана возник Амеде.

— Извините, шеф. Но поскольку вы задержались, я сходил за ключом. Мы тут начали шуровать сами. Что-нибудь стряслось?

Бесполезно скрывать новость, которая скоро и так распространится в узком мире компании.

— Моя жена угодила в аварию. Вчера вечером.

— Серьезную?

— Не знаю.

Почему он заговорил таким неприятным тоном? Но это получилось само собой. Он чувствовал, как в нем вскипает слепая злоба против Люсьены, против самого себя, против своей работы и жизни, которая его ждет, если Люсьена оправится. И речи не может идти о разводе! Он останется виноватым на всю жизнь.

Шаван извлек из стенного шкафа чистый китель, прикрепил эполеты, схватил пачку

меню. Вот сейчас будущее захлопнулось у него перед самым носом. «А может, она умрет!» — подумал он. Чудовищная мысль, но человек не отвечает за свои мечты, а он замечтался, раскладывая меню по столам. Золотой медальон по-перигорски, шашлык из птицы с пряностями или жаркое из говядины по-провансальски.

— Просто не знаю, — ворчал Амеде, — как они умудряются, но мясо у них всегда жесткое.

Его сетования тонули в дребезжании посуды и позвякивании столовых приборов. Шаван укрылся в глубине ресторана. «Несчастный случай прошлой ночью!» Как это понять — «прошлой ночью»? В одиннадцать вечера? В час ночи? Наверное, на все имелось объяснение, и самое логичное, Люсьена смотрела телевизор, поздно легла и на сон грядущий открыла роман. Возможно, уже наступила полночь. И вот она прочла письмо, и первое, что пришло ей на ум, было оповестить Людовика. Но Людовик живет на другом конце Парижа. Поэтому Люсьена, напялив на себя, что попало под руку, бросилась в машину... И бац — авария... Но почему она не воспользовалась телефоном. Это было бы куда проще.

Так вот, возможно, из-за того, что нуждалась в чем-то живом присутствии, а еще потому, что ощущала полную растерянность. Но ведь это на нее совершенно не похоже. И все-таки! Должно быть, она почуяла угрозу своему спокойному существованию, тому минимальному комфорту, которым так дорожила! Людовик — крестный и в то же время дядя ее мужа. Вот что она, наверное, сказала себе. Он тот человек, который настоял на их браке. Так пусть и решает проблему развода.

Состав отбуксировали на вокзал, но Шаван и не обратил внимания на это обстоятельство. Он уходил, приходил, начинал сервировать столы, заученно улыбался, весь во власти неизбывной душевной боли. Лучше бы ему остаться холостяком — ему тоже. Или, по крайней мере, жениться не на Люсьене, которую знал как свои пять пальцев еще задолго до того, как она стала его женой. Людовик вернулся из Алжира, когда же это... в 60-м, а следовательно, Люсьене исполнилось тогда десять лет, и он в течение двенадцати лет наблюдал, как девочка подрастала, хорошела; всегда угрюмая, она старалась выжать из себя улыбку, когда он приносил ей маленький подарок — одну из тех дешевых игрушек, какие сбывают на вокзалах. Это давало ему повод подразнить девочку. «Угадай-ка, что я тебе принес?» Та смотрела на него глазами маленькой мавританки, нежными и пустыми. После плюшевых зверушек настал черед кукол, а после кукол — бижутерии. Она обожала позолоту, стекляшки и прятала все в шкаф под замок. «Бедняжка, — говаривал Людовик. — После того, что она повидала на своем веку, ничего удивительного, если у нее замкнутый характер. С годами это пройдет!»

К двадцати годам молодая женщина обрела своеобразную привлекательность, чуть пугливая и ускользящая, как недоверчивые зверьки, которые подолгу обнюхивают руку того, кто их кормит. «Она будет счастлива только с тобой, — однажды сказал ему Людовик. — Ты поможешь ей забыть прошлое!»

«Мистраль» катил среди белесых холмов вокруг Марселя. Шаван предоставил Мишелю и Ланглуа заниматься напитками. Ему хотелось опьяняться мыслями о своем несчастье. Женить его на Люсьене! Еще одна нелепая идея Людовика. Он почти слово в слово помнил перепалку между собой и крестным.

«Для меня это все равно что жениться на сестренке. Девчушка, которую я чуть ли не качал на коленях!»

Людовик покусывал кончик трубки. С ним невозможно вести разговор спокойно. Чуть

что не по нему, кровь приливает к лицу, пальцы сжимаются в кулаки, и он вскипает. Тем не менее Людовик всячески старался доказать племяннику свою правоту.

— Что тебе еще надо? — долбил он свое. — Молоденькая, хорошенькая, не слишком болтлива, что правда, то правда. Но это скорее достоинство. А то я старею; я для нее больше не компания. Настало время ей устроить свою жизнь. В конце концов, да разве ты ее немножко не любишь, а?!

— Да. Разумеется. Но она своего рода подкидыш.

— И что с того?

— Не сердись. Просто я хочу сказать... ах, как сложно это выразить... Она поневоле помнит... Когда ты ее подобрал, она была уже далеко не младенец.

— Это верно. Ей исполнилось девять лет.

— А теперь ты хотел бы сбегать ее мне.

— Что?!

Людовик, вспыхнув, замахнулся.

— Возьми свои слова обратно... Сию же минуту!

— Но дай же мне досказать.

Задыхаясь, Людовик сел, как будто сам и получил тот удар, которым угрожал ему.

— Сбегать, — удрученно повторил он. — Я, кто сделал для нее все... Значит, ты ничегошеньки не понимаешь, Поль, мой маленький. Видел бы ты ее, какой впервые увидел твой дядя... совсем одну перед жалким пепелищем... Она сидела во дворе спальной фермы, скрестив руки на коленях, среди трупов. Ждала, не знаю чего. Может быть, возвращения феллахов. Я увел ее... и не для того, чтобы сбегать тебе, как ты сейчас изволил выразиться.

— Знаю, крестный. Ты мне все это уже рассказывал. Я неудачно выразился, согласен. Но если этот брак состоится, она догадается, что мы сговорились за ее спиной.

— Ну и что тут такого?

— А то, что она вторично почувствует себя приемным. Вот и все. И это, быть может, уже слишком.

— К чему ты клонишь? — просветлев, вскричал Людовик. — Главное, что она любит тебя. И можешь мне поверить на слово, она тебя любит.

Вот так все и началось.

Солнце уже спустилось к горизонту, и Беррский залив исчезал в золоте сумерек. Шаван, притомившись, привалился спиной к стенке кухни. Только в этом он и упрекал свою работу: никогда нет времени присесть. Ну а дальше? Он еще ни разу не рассказывал себе историю своей женитьбы. Сейчас он впервые попытался связать ее эпизоды. Вопрос о браке был решен не сразу. Он уклонялся под разными предлогами до того дня, когда Людовик перенес первый сердечный приступ, к счастью не опасный. Тем не менее дядя струхнул. Пользуясь моментом, он, в отсутствие Люсьены, вернулся к этому вопросу.

— Это первый звонок. Меня может не стать с минуты на минуту.

— О! Крестный! Ты преувеличиваешь.

— Нет-нет. Я знаю, что говорю. Женись на Люсьене, Поль. И я уйду спокойно. Я оставлю вам приличное наследство. Живу я скромно на пенсию отставного майора, а потому сэкономил кругленькую сумму. Вам не придется ни в чем себе отказывать.

— Спешить некуда.

— Доставь мне удовольствие.

Никакого способа отказать дяде... Странная судьба, что ни говори, думал Шаван. Я

теряю родителей в автокатастрофе. Люсьена теряет своих во время восстания. Оба мы сироты. Если бы дядя о нас не пекся... Правда, я был уже при деле. Имел приличную работу. Я не стоил ему ни единого су. Но так или иначе, мы оба дяде всячески обязаны. И вот именно эта чертова благодарность всех нас и довела до ручки. Из чувства благодарности я наконец сказал «да». Из чувства благодарности Люсьена ответила «да». И все из того же чувства благодарности мы произнесли «да» в мэрии и церкви.

Валанс. Ночь и первые снежинки. Поезд въезжал в страну, где царили холод и зима.

— Хорошо бы прибавить жару, — сказал Амеде контролерам, которые зашли к ним выпить кофе. — С вами не соскучишься. То задыхаешься от жары, то дрожишь от холода.

«Мистраль» замедлял ход и ехал почти со скоростью пешехода. Ремонт путей? Несчастный случай? Вскоре поезд опаздывал на четверть часа... на полчаса... Вереница автомобильных фар с соседнего шоссе освещала заснеженный пейзаж. Шаван извлек из бумажника листок, переданный ему заместителем начальника вокзала в Ницце. Он прочел:

*Полицейский участок VIII округа,
дом 31, улица д'Анжу*

Выходит, авария Люсьены произошла рядом с церковью Святой Магдалины. Но раз так, значит, она вовсе не ехала к Людовику, который жил неподалеку от Версальских ворот. Почему же ему раньше не пришла мысль глянуть на эту бумажку, что избавило бы его от... Собственно говоря, от чего? Он полагал, что нашел убедительное объяснение, а вот теперь уже не мог даже зацепиться за правдоподобную гипотезу. Нет, Люсьена не отправилась бы ночью в такой далекий от нас восьмой округ. Ведь она такая трусиха... А что, если днем она куда-то подевала свои документы или даже их кто-то у нее украл? Такое случается сплошь и рядом. В магазине... Кладешь сумочку рядом и забываешь, или она исчезает. Шаван выдохнул, он гонит прочь тревогу, которая его просто парализует. Вот он набрел на хорошее объяснение. Сомнений нет. Поскольку Люсьена не выезжала из дому на машине вечером 7 декабря... вполне резонно допустить, что другая женщина, завладевшая документами, и наткнулась на фонарный столб.

Полноте! Да все его страхи — пустое. Люсьена жива и невредима; машина целехонька. И даже отпала необходимость извещать Людовика.

Вплоть до Дижона Шаван, приободрившись, стал опять внимательным, усердным, деловитым. А потом ему вспомнилась фраза заместителя начальника вокзала: «Ведь они располагают возможностями докопаться», и тут от панического страха у него сразу вспотели ладони. Среди документов у Люсьены имелось страховое удостоверение с указанием имени, адреса, домашнего телефона, а главное — имени лица, которое следует уведомить в экстренном случае. Следовательно, перво-наперво они позвонили к ним домой. То, что они не звонили, исключено. Но им никто не ответил. Его мысли сливались с перестуком колес.

Значит, так оно и есть. Документы не украдены. Пострадала именно Люсьена. Куда ее отвезли? В какую больницу? Он подождал рядом с кухней и, как только Амеде остался с ним один на один, обратился к нему с вопросом:

— Вы у нас коренной парижанин. Не знаете ли, какая больница находится поблизости от Святой Магдалины?

— Признаться, не знаю. Раньше была Божон... Это в связи с вашей женой?

— Да, я должен явиться в полицейский участок на улице д'Анжу и предполагаю, что

несчастный случай произошел в восьмом округе. Ее, должно быть, отвезли в ближайшую больницу.

— Необязательно. Все зависит от характера травмы, наличия свободных мест — от кучи вещей. Я вот припоминаю, мой шурин...

Он собирался было рассказать, как его шурин ужасно обгорел, но осекся. Неподходящий момент усугублять терзания бедняги Шавана.

— Вам уточнят в полиции, — закончил Амеде. — Надеюсь, вам не придется тащиться на край света.

— Я тоже на это надеюсь.

Возможно, ему следовало бы поговорить с Амеде о Люсьене, пообщаться с ним — просто поблагодарить того за участие и готовность ему услужить. Но Шаван предпочел уйти, не желая выдать себя — то, что он не столько обеспокоен, сколько взбешен. И как ему предупредить Людовика и при этом не слишком его встревожить? Следовало ли признаться ему прямо сейчас, что Люсьена опротивела ему, что он хотел развестись с ней и начнет действовать в этом направлении, как только она поправится? Однако начнет ли он действовать? «В сущности, — думал он, — стоит кому-нибудь нарушить мои привычки, как я готов броситься на него. Я всего лишь жалкий бродячий официантиска, автомат для подачи супа. И кроме того, мало на что годен. Я даже не способен расстроиться по поводу того, что со мной стряслось. Но между прочим, что это ей взбрело на ум уехать из дому и рыскать по улицам в темноте?»

Шаван тут же снова попал на проторенную дорожку попреков и подозрений, принялся до тошноты переживать причины, сетовать и на Люсьену, и на себя самого. Он был крайне удивлен, когда в непроглядной тьме различил огни Парижа. Наконец-то он все узнает!

Шаван переоделся, сунул в дорожный чемоданчик оба белых кителя, перепоручил кассу Амеде.

— Скажите Тейсеру: пусть проверит счета на всякий случай. И заприте вагон. У меня ни минуты времени. Я прыгну в такси. Ах! Сообщите также кому следует, что я, скорее всего, приступлю к работе не сразу.

— Не волнуйтесь, шеф. Я сумею объяснить им ситуацию, уж будьте покойны.

— Спасибо.

«Мистраль» тащился вдоль перрона. Шаван обернулся в последний раз. Полный порядок. Можно бежать. Перед вокзалом вели свой нескончаемый хоровод такси.

— Улица д'Анжу... Полицейский участок.

— Что-нибудь стряслось? — полюбопытствовал таксист.

— Поехали быстрее!

Еще двадцать минут страхов, предположений, безответных вопросов, обращенных к самому себе. Таксист высадил его напротив полиции. «Главное — не выглядеть виноватым!» Он пошел в жарко натопленную комнату, где читал газету дежурный. Хотя Шаван заготовил несколько объяснений, теперь он говорил сбивчиво. Полицейский попросил его предъявить документы и стал их изучать. Шаван осматривался, и сердце его сжалось. Он предчувствовал, что эта голая и бездушная комната — лишь преддверие лабиринта, где расставлены ловушки, которые не скоро еще раскроются и выпустят его на волю.

— Моя жена умерла? — пробормотал он.

— Нет-нет... Она в больнице Ларибуазьер. Не могу вам точно сказать, какие увечья она получила. Там вас проинформируют. Знаете, ночные аварии в данный момент... Люди гонят

на бешеной скорости, ссылаясь на отсутствие транспорта из-за холодов.

— Где произошел этот несчастный случай?

— Рапорт еще не поступил. Но мне, как говорится, подвезло — прошлой ночью было как раз мое дежурство... Авария произошла на бульваре Мальзерб, по направлению к церкви Святой Магдалины. Представляете! Коллега, который принес сумочку пострадавшей, сообщил, что разбитая машина находится напротив дома номер двадцать пять. Ребята из Восточного гаража, которые работают на нас, отбуксировали ее туда. И никаких следов торможения. Пассажир напрямик направлялся на фонарный столб с желанием разбиться.

— Белый «Пежо-204»?

— Да... Лучше уж я вам сразу скажу — ей здорово досталось.

— Но в котором часу это случилось?

— В три часа ночи.

Назови полицейский другое время, скажем двадцать три часа или полночь, Шаван был бы менее подавлен. Но три часа ночи! В этой цифре есть нечто чудовищное, не поддающееся никакому объяснению.

— Она наверняка жала на все педали, — продолжал дежурный. — В три часа ночи, зимой, на бульваре ни души. Нам кто-то позвонил, не назвавшись разумеется. Может, сосед, разбуженный металлическим лязгом, — ведь когда машина разбивается на все девяносто процентов, это слышно, клянусь вам.

Шавана обуревало желание крикнуть: «Хватит! Хватит!» Его осаждало слишком много невыносимых картин. Он задыхался.

— Поищу вам сумочку, — сказал полицейский. — Ее содержимое в целости и сохранности, включая документы жертвы. Благодаря им-то нам и удалось связаться с вами.

Он извлек из шкафа дамскую сумочку.

— Узнаете?

— Да, конечно.

То была красивая кожаная сумочка с инициалами «Л. Ш.» По ней пролегла длинная царапина.

— Прошу вас поставить свою подпись под распиской о вручении.

Шаван расписался и положил сумочку себе в чемодан.

— Как вы считаете, смогу я повидать ее... мою жену? — чуть ли не стыдливо спросил он.

— В это время — наверняка нет. Возможно, завтра утром, но дежурный всегда сможет вам сказать, что с ней. Не падайте духом.

Все ему твердят одно и то же: «Не падайте духом!» Как будто худшее у него еще впереди.

Перед его глазами порхали бабочки-снежинки.

Шавана впустили в безлюдный голый зал, показавшийся ему таким же бесчеловечным, как и полицейский участок.

— Дежурная сестра сейчас подойдет.

Шаван сел и поставил у ног свой чемоданчик. Он чувствовал себя униженным, ущербным и виноватым за все, чего не понимал. Отныне люди, с которыми он соприкасается, станут относиться к нему подозрительно, начиная с Людовика. «Ты позволял Люсьене выходить из дому по вечерам? Если вы не ладили, ты должен был мне сказать». Сказать? Но что? Еще и еще раз — как установить связь между его письмом и несчастным случаем? Подспудная мысль о том, что Люсьена пыталась покончить самоубийством, прорвалась в его мозг на свет божий. Но он ее отвергал. Просто отметал ее от себя. Такую мысль породили усталость, переливание из пустого в порожнее, одиночество.

Начать с того, что себя не убивают, сознательно бросаясь на фонарный столб.

Позади Шавана открылась дверь. Вошла медсестра. Она была, как и он в своем вагоне-ресторане, в белом, что внушало ему чувство доверия, точно их сближала тайная солидарность. Он поднялся.

— Как она себя чувствует?.. Я мсье Шаван. Простой ночью моя жена пострадала в автомобильной катастрофе.

— Она чувствует себя настолько хорошо, насколько это возможно.

— Могу я ее увидеть?

— Сейчас еще рановато... Приходите завтра.

— Но в каком она состоянии?

— Присаживайтесь, мсье Шаван. Врачи опасались, что у нее трещина в черепной коробке, поскольку на левой стороне заметен след от сильного ушиба. В момент столкновения машины с фонарем вашу жену, по-видимому, швырнуло на косяк дверцы. И если бы ремни не самортизировали удара, по всей вероятности, она бы погибла. Но рентгеновские снимки точно установили — трещины нет. Несколько кровоподтеков на руках, плече...

— Короче говоря, она выкарабкается, — сказал Шаван.

Медсестра задержала на нем взгляд, глаза ее, похоже, улыбались не часто.

— Полной уверенности нет, — сказала она. — В данный момент она впала в кому.

От этого слова, такого же ядовитого, как «рак» или «инфаркт», у Шавана защемило сердце.

— Завтра проведут новые исследования, — продолжила сестра. — Не исключены осложнения. Доктор пока держит свое мнение при себе.

— Какие именно осложнения?

— Ну, знаете... Мозг мог пострадать сильнее, чем предполагают.

— А эта кома — она длится долго?

Медсестра кивнула. Взгляд ее смягчился.

— Иногда неделями, месяцами... Ничего нельзя загадывать. Но будем уповать на лучшее. Все мы надеемся, что вскоре возвратим вашу жену, но, повторяю, в данный момент предсказать что-либо определенное невозможно.

Шавану не оставалось ничего иного, как смириться и уйти.

— Эта кома, — пробормотал он, — в чем она проявляется? Может ли моя жена двигаться? Если я с ней заговорю, она меня услышит?

— Приходите опять завтра, после полудня... или даже перед обедом, после процедур, — терпеливо ответила медсестра. — Доктор вам все скажет.

Она кивнула в знак прощания и бесшумно удалилась. Неужели Люсьена обречена? Но эта женщина сказала, что есть надежда. Кома... Нет, она преувеличивает. Кома продолжается несколько дней, возможно — несколько недель, после чего больной, очнувшись, как правило, выздоравливает. Шаван силился припомнить какие-нибудь примеры. Он слышал разговор о служащем вокзала в Ницце, на которого наехал велосипедист. Вот он тоже впал в кому, но ненадолго. Нет! Люсьена выкарабкается.

Шаван вернулся домой на метро. Усталость воздействовала на него как алкоголь, и он испытывал странное облегчение при одной мысли, что снова вступит во владение своей квартирой, один, без нужды спрашивать: «Что новенького?» Первое, что ему надлежало сделать, это позвонить Людовику, который, возможно, еще и не ложился. Он продумал все объяснения, необходимые для оправдания своего идиотского письма, с которого все и пошло-поехало. Людовик встанет на сторону Люсьены. Дядя всегда оказывал ей предпочтение.

Проходя по комнатам, Шаван зажигал одну лампу за другой, швырнул свой чемоданчик на кровать и поискал глазами толстую книгу. В спальне ее не оказалось. Значит, она в столовой? Да. Лежит себе рядом с телевизором. Шаван открыл ее. Письмо все еще заменял закладку. «Мадам Люсьене Шаван». Конверт не вскрыт.

Шаван вертел его и так и этак. Его письмо утратило всякий смысл. Коль скоро Люсьена его не прочитала, зачем же ей понадобилось в три часа ночи ехать на бульвар Мальзерб? Он вскрыл конверт и для большей уверенности извлек листок... «Дорогая Люсьена...» За обращением следовал текст, над которым он так долго корпел. Чистая потеря времени! Шаван злобно разорвал свое письмо в клочки и швырнул их в пепельницу, полную окурков. На этот раз причина аварии становилась совершенно необъяснимой. Может, Люсьене кто-то позвонил по телефону? Но кто бы это мог быть? Она ни с кем не вела знакомства. Едва ли обменивалась парой слов с соседями. Шаван посмотрел на часы. Половина первого. Людовик станет ворчать. Ну и пусть. Шаван набрал его номер: звонки долго оставались без ответа. Наконец-то трубку сняли.

— Алло!.. Крестный, это ты? Извини, если я тебя разбудил.

— Ясно-понятно, ты меня разбудил, — брюзжал Людовик. — Тебе известно, который час?..

— Я звоню по поводу Люсьены. Она попала в аварию. Находится в коматозном состоянии, лежит в Ларибуазьере.

— В коматозном состоянии, говоришь?

— И оно может продлиться дни, недели...

— Что ты плетешь?

— К сожалению, это сушая правда. Меня известили еще в Ницце, и я прямо с Лионского вокзала отправился в больницу. Она ехала в машине и врезалась в фонарный столб. Мозговая травма и несколько царапин.

— Когда же это случилось?

— Прошлой ночью... На бульваре Мальзерб... в три часа.

— То есть как это в три часа?.. Ты хочешь сказать, в три часа ночи?

— Да. Я думал, может, ты мне объяснишь...

— Никакого понятия, бедняжка Поль. Я совершенно ошарашен... Ты виделся с лечащим врачом?

— Нет. Только с дежурной медсестрой. В настоящий момент Люсьена, похоже, вне опасности.

— Я полагаю, визиты к ней запрещены?

— Ну, не для близких родственников! Я рассчитываю увидеть ее завтра. Хотя бы на минутку, но, понимаешь, все это так невероятно... Я все еще задаюсь вопросом, а нет ли тут какого-нибудь недоразумения; в самом деле она ли это угодила в больницу? С чего бы это ей выходить из дому среди ночи?

— Я знаю не больше тебя... Она не оставила тебе записку?

— Вполне возможно. Я настолько потрясен, что такая мысль мне даже не пришла в голову. Пойду-ка погляжу.

Шаван бросил трубку. Конечно же, она оставила ему записку. И эта записка должна лежать на видном месте. Но сколько он ни искал, никакой записки так и не обнаружил. Ни на кухне. Ни в прихожей.

— Алло, крестный! Знаешь, никакой записки нет.

— Странное дело... А ее одежда? Это могло бы, пожалуй, нам что-то подсказать.

— Я тебя понял... Минутку. Сейчас посмотрю.

Шаван побежал открыть платяной шкаф. Люсьена одевалась так скромно, что одного взгляда достаточно, чтобы судить, как она оделась, уходя из дому. Бежевого костюма на месте не оказалось, как и спортивного пальто и пальто с кроличьим воротником. Она даже не обула сапоги, как если бы просто выскочила на минуту к соседям.

— Крестный?.. Она надела костюм и желтые туфли.

— А как насчет пальто?

— Отсутствуют в шкафу сразу оба. Но я припоминаю, Люсьена вроде бы собиралась отдать их в чистку.

Наступила пауза.

— Алло, — подал голос Шаван.

— Я думаю, — ответил Людовик. — Все, что ты рассказываешь, настолько странно... А машина? Что с ней случилось?

— Ее отбуксировали в Восточный гараж.

— Откуда тебе это известно?

— Мне так сказали в полиции.

— Ах! Значит, ты побывал в полиции. Ну и что они думают там, в полиции?

— О! Их ничем не проймешь. Послушать их, так это заурядный случай, следствие превышения скорости. Но, зная Люсьену, говорить о превышении скорости... Она всегда с опаской садилась за руль!

— Послушай, Поль, все наши предположения — гадание на кофейной гуще... Послезавтра ты не уезжаешь опять?

— Нет. Возьму отпуск на пару дней.

— Хорошо. Жди меня завтра перед больницей, скажем, в полтретьего. Согласен? А остальное — расходы по буксировке, разговор со специалистами — я беру на себя. Тебе забот хватает и без этого, бедненький мой Поль. Прими снотворное и постарайся выспаться. И еще: внуши себе, что наша Лулу — женщина крепкая. Она обязательно выкарабкается! Вот

увидишь.

— Спасибо, крестный. Спокойной ночи.

Шаван повесил трубку. Ему полегчало оттого, что он переложил часть своего бремени на плечи Людовика. Он приготовил себе чашку чая. Будь Люсьена тут, он спросил бы ее: «Выпьешь со мной за компанию?» И она бы ему не ответила. Нет, по правде говоря, он по ней не скучал. Поскольку она не прочла его письмо, к тому, что случилось, он не причастен и никаких угрызений совести испытывать не обязан. Сидя в конце стола, в тихой кухне, он пил чай маленькими глотками, смакуя. В сущности, итог менее катастрофичен, чем он опасался. Люсьена могла оказаться жертвой одного из тех ранений, какие пригвозждают людей к инвалидному креслу до конца их дней. Но ничего такого не произошло. Теперь все или ничего: либо смерть, либо выздоровление. Если Люсьена умрет, проблема отпадет сама по себе. Если выздоровеет, придется, выждав какое-то время, привести ее к мысли о согласии на развод, однако же найти другой подход, более решительный. Все это достаточно мерзко, разумеется. Подобные мысли среди ночи едят поедом.

Шаван сполоснул после себя чашку, убрал каждую вещь на место, чего Люсьена не удосуживалась никогда. Затем принял душ и, натянув пижаму, вернулся в спальню. Чемоданчик по-прежнему валялся на кровати. Вдруг он вспомнил, что положил туда Люсьенину сумочку. Может, в этой сумочке он обнаружит что-нибудь интересное. Достав ее из чемоданчика, он вытряхнул содержимое на постель. Зеркальце, пудреница, губная помада, гигиенические салфетки «Клинекс», зажигалка, кошелек, бумажник для документов и кружевной платочек, какого он никогда у Люсьены не видел или же не обращал внимания. В кошельке — четыре купюры по десять франков и несколько билетов на метро. На самом дне Шаван обнаружил связку ключей, а кроме того, в боковом отделении лежал еще предмет, оттопыривающий наружную стенку. Пошарив, он извлек вторую связку — три ключа на кольце, один из которых сложный, с фирменным клеймом Фише. Ничего общего с ключами от их собственной квартиры. Какую дверь отпирали? И почему Люсьена хранила их как бы в тайнике — в таком отделении, которое закрывалось на кнопку?.. Но в конце-то концов, может, эти ключи были чужими. Шаван машинально открыл бумажник и убедился, что все документы лежат на месте: водительские права, технический паспорт, страховой полис, медицинское свидетельство. Полный набор. Между водительскими правами и удостоверением личности затесалась голубая бумажка — квитанция номер 192, выданная «Модернизированной химчисткой-прачечной» по улице Пьера Демура, дом 24, Париж, XVII округ.

Еще одна тайна. Почему Люсьена отправилась в неблизкий край — XVII округ, — по видимому, чтобы отдать в чистку одно из своих пальто, тогда как в двух шагах от их дома есть отличная прачечная-химчистка, услугами которой они обычно пользовались? Может, она подобрала кем-то оброненную квитанцию? Ну а эти ключи? Были ли найдены и они? Шаван передернул плечами и пробормотал: «Да мне плевать, в конце-то концов, меня все это больше не касается». Он сунул как попало все эти предметы обратно в сумочку, швырнул ее на кресло и, достав из чемоданчика два белых кителя, аккуратнейшим манером повесил их на плечики, и пустой чемоданчик вернулся на свое обычное место — этажерку. Шаван улегся на спину, скрестив руки на затылке. Возникает проблема, где питаться. В ресторане. А где же еще? Но в каком? Он слишком хорошо знал, что представляет собой ресторанный кухня. Мысленно перебрав несколько заведений в своем квартале, он так и не сделал выбора. Поживем — увидим. Полицейский сказал: бульвар Мальзерб по направлению к Святой

Магдалине. Выходит, дом под номером 25, перед которым произошел несчастный случай, находится ниже, не доезжая площади. Значит, она попала в аварию на обратном пути. Впрочем, квитанция современной химчистки-прачечной доказывала, что у Люсьены бывали дела в XVII округе. Она ехала по бульвару Мальзерб, и от церкви ей было рукой подать до набережных, а дальше путь лежал напрямик домой. Но не в три же часа ночи! Такой час был похлеще пощечины. Шавана осенило: Люсьена ему изменяла. И он чуть не рассмеялся. Люсьена? Не смешно. При том, какая она рохля? Да при всем желании у нее не хватило бы на это энергии. Ах, как бы ему хотелось страдать из-за ее измены. Но нет, такой удачи ему не дожидаться.

Шаван выключил свет и улегся поудобней, чтобы скорее уснуть, мысли поплыли в тумане. Только не мне, сказал он себе в последнем проблеске бодрствования. Мне это не грозит.

Шаван проснулся намного позднее обычного и сел на постели с тревогой в сердце: «Господи, да я же опоздал на свой поезд!» И тут, как залп дроби в лицо, его пригвоздили к месту воспоминания. Полицейский участок, больница, ключи, квитанция... Он едва встал на отяжелевшие ноги. Кофе, хлопоты по хозяйству, изложение заявления об отпуске... Ему предоставили бы дня три, не более. Еще надо было позвонить Людовику и поведать ему о сделанных открытиях, но гордость не позволяла делиться своими глупыми подозрениями. Впрочем, Людовик бы только взъелся. Для него Люсьена выше подозрений. И он прав. Зато первое, с чем следовало разобраться, — это химчистка на улице Пьера Демура.

Перед выходом из дому Шаван позвонил в больницу. Спустя продолжительное время женский голос сообщил ему, что состояние пострадавшей остается стабильным. Он приготовился к такому ответу и тем не менее воспринял его с раздражением, как будто Люсьена предпочла отделяться молчанием. Потом он упрекал себя в том, что придает такое значение тайнам, которые, несомненно, найдут банальнейшее объяснение. И вдруг ему пришло в голову, что, возможно, в машине могли остаться предметы, на которые полицейские не обратили внимания, тогда как для него они могли быть исполнены тайного смысла. Он поискал в ежегоднике адрес Восточного гаража — оказалось, он находится в двух шагах от улицы Пьера Демура. Лучше заскочить туда по пути в больницу. А впрочем, спешить ему некуда. Шаван чувствовал себя просто бездельником. Он глянул на часы: полдесятого. Наверняка его подменит толстяк Ламбер. Хотя он и не больно-то ладит с Амедеем, но три дня пролетят незаметно. Он пересчитал дни на пальцах. «Среда, на будущей неделе, — выяснил он. — Я заступаю в среду».

Шаван вздохнул и пошел к термометру на оконной раме. Минус два. Погода для пальто и кашне. Ветер одолевал его до самого входа в метро. Холод делал поведение Люсьены еще более непонятным. Такая мерзлячка — по какой же таинственной причине она вышла из дому? Шаван, сам того не желая, рассматривал проблему со всех сторон и чем глубже вникал в каждый аспект, тем больше обострялась его злоба. Это был вызов, который ему так хотелось бы принять, хотя события, развернувшиеся в его отсутствие, напрямую его не затрагивали. Но в том-то и дело! Он и мысли не допускал, чтобы Люсьена посмела в его отсутствие в Париже завести, так сказать, личную жизнь.

Шаван без особого труда отыскал Восточный гараж, и старший механик — еще один в белом — провел его к рухляди, которая осталась от их «пежо»: капот согнут пополам, из мотора вывалились все потроха.

— Годится на переплавку, — так прямо и сказал он. — Эти малолитражки чуть что и с катушек.

— В полиции мне сказали, что она мчалась на полной скорости.

— Может, и нет. При скорости пятьдесят — шестьдесят удар по тонкому и крепкому препятствию и тот вызывает глубокие повреждения, которые могут оказаться значительными. Гляньте-ка: радиатор, считай, обезглавлен. Мотор тоже немало пострадал от удара. У вас есть универсальная страховка?

— Нет. У меня обычная.

— Ай-яй-яй! Поскольку неизвестно, кто же на нее налетел, вам это дорого станет.

Шаван так и подскочил.

— Что вы хотите этим сказать?

Механик взял его за руку и повел к бамперу.

— Посмотрите-ка сами... Видите отметины? Так, словно по металлу лупили молотком... Левое крыло слегка искривлено. Все это говорит само за себя, обвиняет. По-моему, кто-то забавлялся, преследуя эту несчастную машину и тыкая в нее мордой, желая привести вашу жену в панический ужас, когда человек уже теряет всякий контроль над собой. Есть немало недоумков-любителей так забавляться в ночное время. Но как правило, в пригородах. Насколько мне известно, это первый случай, когда машина играет в игру — наскок бампером — в центре Парижа.

— Полиция считает, что произошла простая авария, — возразил ему Шаван.

— О! Полиция! Попав в затруднительное положение, они ссылаются на рок.

— Я всегда могу подать жалобу.

— На кого? Кончится тем, что ваша жалоба попадет в корзину. Нет. Надо желать только одного — чтобы ваша жена поскорее оправилась, а затем вы постараетесь обо всем забыть.

Шаван открыл ту дверцу, которую заклинило не так сильно, и внимательно осмотрел салон.

— Ничего нет, — сказал механик. — Я проверял.

— А в бардачке?

— Пусто.

Шаван призадумался.

— Выходит, мою жену пытались убить.

Похоже, механик взвешивал «за» и «против».

— Скорее, речь идет о дурацкой шутке. У нее были враги?

— О! Чего нет, того нет! — вскричал Шаван.

— Вот видите... Вы и сами понимаете, какое это «банальное» происшествие. Разумеется, я говорил с вами как мужчина с женщиной, потому что меня от этого воротит, но на мои слова не ссылайтесь. Ведь я могу и ошибаться.

Провожая Шавана к выходу, механик остановился перед «ситроеном» и ласково провел рукой по капоту.

— Не упустите такого случая, — заметил он. — Если эта машина вам приглянулась...

Шаван пожал ему руку и направился на улицу Пьера Демура. Кому понадобилось убивать Люсьену? Эта версия не выдерживала критики. Надо спросить мнение Людовика. Бывший начальник жандармерии, он поднаторел на ведении расследований. Шаван вообразил себе жуткую сцену: автомобиль-преследователь ожесточенно лупит машину Люсьены, а та, потеряв со страху самообладание, прибавляет скорость, и тут, откуда ни

возьмись, перед ней, подобно ракете, в небо взвивается фонарный столб. Но опять же, почему Люсьена рискнула уехать из дома посреди ночи? Он боролся со своим волнением и в то же время упрекал себя за то, что не испытывал чувств сильнее. Он должен был впасть в отчаяние. Остановившись на краю тротуара, смущенный наплывом незнакомых и противоречивых ощущений, Шаван спрашивал себя, а каковы признаки любви. Он зашагал дальше. Его пробирал холод. Насколько проще была его жизнь, когда он раскатывал в Ниццу и обратно.

В химчистке он предъявил квитанцию служащей, которая тотчас принесла ему хорошо знакомое пальто с кроличьим воротником, которое Люсьена приобрела с год назад в магазине на бульваре Дидро. Он протянул ей стофранковую бумажку и, пока женщина искала в ящике кассы сдачу, машинально рылся в кармане пальто. В правом лежала тоненькая картонка — приглашение, приклеившееся к подкладке.

— Я заверну, — сказала служащая.

Отступив на несколько шагов, Шаван прочел это приглашение.

ГАЛЕРЕЯ БЕРЖЕ

40, улица Бонапарта

Париж, VI

РЕТРОСПЕКТИВА

КАРТИН И РИСУНКОВ

ВЕНСАНА БОРЕЛЛИ

Вернисаж в пятницу

8 декабря 1978 г.

в 18 часов

«Но ведь восьмое декабря как раз сегодня! — подумал Шаван. — Кто мог вручить Люсьене это приглашение и почему она его хранила?»

Служащая протянула Шавану пакет. Он просто не заметил, как вернулся домой, настолько его поглотили раздумья. Люсьена абсолютно не интересовалась живописью. Но может, она была знакома с этим Венсаном Борелли, о котором сам он никогда и не слыхивал. В конце концов, почему бы и нет? Возможно, она случайно встретила его на прогулке? Но Люсьена не любила гулять одна, и почему это она скрыла от него такую встречу? Существовало объяснение куда более простое: скорее всего, речь шла не о подлинном приглашении, а о рекламном объявлении, которое рассылается по тысячам адресов. Люсьена обнаружила его в почтовом ящике, когда уходила из дому, и сунула в карман... Шаван терял нить мыслей, так как его сбивали с толку слова автомеханика. Так кто же покушался убить Люсьену? Шаван решил отправиться в картинную галерею Берже.

Заглянув в холодильник, он обнаружил там несколько яиц, приготовил себе омлет, который съел на краешке стола, представляя себе, как в этот самый момент Амеде, должно быть, готовит блюдо из форели, именуемое «Клеопатра». Вне своего вагона-ресторана он был уже никто и ничто. Он с трудом жевал хлеб, черствый, как камень, — пища клошара. И тут его опалило подозрение — этот хлеб куплен несколько дней назад, а ведь Люсьена любила свежий. В таком случае где она питалась эти два дня? Черствый хлеб, полупустой холодильник... Он швырнул на тарелку нож и вилку, будучи уже не в состоянии куска проглотить. Что еще мне предстоит обнаружить? Пусть бы, по крайней мере, все эти

открытия складывались в связную картину! Так нет же — они оставались двусмысленными, таили угрозу. Что еще сулит ему вторая половина дня? Сначала больница, затем картинная галерея. Он не знал, чего же ему страшиться больше. Возможно, галереи!

Явившись в больницу, он увидел Людовика, который поджидал его в своем старом «рено».

— Ты неважно выглядишь, — заметил Людовик.

— Ты тоже, крестный.

Их провели в маленький зал с белыми стенами в конце коридора.

— Доктор Венатье примет вас через минутку, — сказала медсестра.

Под воздействием тишины Шаван вдруг предпочел на время умолчать обо всем, что узнал со вчерашнего дня.

«Мистраль» должен уже подходить к Дижону.

Людовик представил врачу себя и Шавана.

— Садитесь, господа, — пригласил доктор Венатье, сам усаживаясь за письменный стол, заваленный бумагами. Он смотрел на обоих мужчин как на своих пациентов. Неподвижный взгляд его очень тусклых глаз внушал робость.

— Не стану посвящать вас в подробности, — продолжил он, — скажу одно — состояние мадам Шаван повода для оптимизма не дает. В данный момент мы не можем еще с уверенностью определить тип комы, с какой имеем дело. Избавлю вас от медицинской терминологии. И скажу для упрощения, существует кома легкая, тяжелая, острая, обратимая и необратимая. И к несчастью, речь идет, по моему мнению, о коме. Обследование больной продолжается. Полученные результаты пока что не внесли полной ясности, но одно несомненно — у пострадавшей мозговая травма, вызывающая серьезные нарушения мозговой деятельности. Предвидеть развитие болезни невозможно. Мадам Шаван может еще весьма продолжительное время оставаться без сознания, равно как и может в ближайшие дни прийти в себя... Однако меня бы это удивило.

— Она очень страдает? — спросил Людовик.

— Она вообще не ощущает боли в нашем понимании. У меня есть все основания думать, что она не страдает. Тем не менее, как вы сейчас увидите, она не абсолютно неподвижна. Можно наблюдать подергивание лицевых мышц, жевательные движения, сокращение мышц левой руки. Нам придется оставить ее у себя на неопределенное время, как вы уже догадались. Прежде всего необходимо провести еще целый ряд медицинских обследований. И потом, это интересный случай, право же, весьма интересный. Разумеется, вы сможете ее навещать, когда пожелаете. Даже по утрам. Теперь ее переложили в отдельную палату. Суммируя сказанное, положение тяжелое, но не безнадежное. Пошли! Судите сами.

Врач повел их по коридору, который заканчивался грузовым лифтом, где стояли пустые носилки.

— Какое счастье, что больная не нуждается в аппарате искусственного дыхания, что значительно упрощает уход за пациентом.

— А как же с питанием? — спросил Шаван.

— Я полагаю, с помощью внутривенных инъекций, — вмешался в разговор Людовик. Доктор обернулся к нему и одобрительно кивнул.

— Я майор полиции в отставке, — объяснил Людовик. — И раненых, сами понимаете, повидал на своем веку.

«И зачем только ему непременно нужно лезть вперед? Люсьена была не его женой. Правда, она так мало была и моей», — сказал себе Шаван.

— Ее питают химически чистыми аминокислотами, — продолжал доктор. — И естественно, регулярно вводят антибиотики — во избежание легочных осложнений.

Лифт плавно поднимался. Людовик и доктор, казалось, перестали обращать внимание на Шавана. Теперь доктор сыпал медицинскими терминами так, как если бы вел разговор на равных с коллегой. «Подкорковая ткань... Средняя часть гипофиза... Мозговой столб...» Шаван отключился. Как ему организовать жизнь, если Люсьена еще очень долго не придет в себя? И во сколько все это обойдется? Разумеется, существовало социальное страхование, но тем не менее...

Кабина остановилась. Палата находилась в двух шагах от лифта. Доктор толкнул дверь. Шаван вошел в комнату и увидел Люсьену. Лоб прикрывала повязка. Побелевшее лицо напоминало картонную маску. Руки вытянуты поверх простыни, разжатые пальцы неподвижны. Рядом с кроватью на кронштейне висели колбы, от которых спускались две резиновые трубки — одна уходила в ноздри, а вторая исчезала под одеялами. Шаван не решался сделать шаг вперед. Но врач тихонько подтолкнул его к койке.

— Мы были вынуждены вырезать часть волос, — пробормотал он, — но они быстро отрастут.

Он нащупал пульс пострадавшей.

— Температуры почти нет. Кожа свежая. Видите, когда касаешься, она чуть сжимает пальцы, но это чисто рефлекторное движение.

Медсестра, присутствия которой Шаван и не заметил, подошла к изножью кровати, и доктор представил ее двум визитерам.

— Мари Анж, — объяснил он, — воплощение самоотверженности.

Та улыбнулась. Лет сорока, скользящая походка монашки. Шаван смущенно смотрел на Люсьену, задаваясь вопросом, должен ли он поцеловать жену в присутствии всех этих свидетелей. Он чуть ли не с опаской коснулся ее руки и удивился, ощутив ее гибкой и живой.

— Поговорите со своей женой, — предложила Мари Анж.

— Мари Анж права, — подтвердил доктор. — Звук любимого голоса может в известных случаях воздействовать так же целительно, как и лекарства. Нужно испробовать это средство.

Шаван наклонился к картонному лицу и ощутил легкое дыхание с почти что неприметным присвистом.

— Люсьена, — шепнул он.

Присутствующие встали в кружок.

— Люсьена... дорогая моя...

Вот уже месяцы, если не дольше, он не говорил с ней таким тоном, и слова застревают у него в горле.

— Вы слишком волнуетесь, — сказала Мари Анж. — К ней нужен другой подход. Говорите с ней как ни в чем не бывало. Мы вас оставляем наедине. В следующий визит не забудьте принести ночные рубашки и зайти в секретариат... Вот звонок для экстренного вызова. Но не беспокойтесь. Ваша жена находится под постоянным наблюдением нашего персонала. Не падайте духом, мсье!

Доктор собирался последовать за Мари Анж, но Шаван его задержал вопросом.

— Буду ли я вынужден надолго прервать службу? — спросил он. — Я работаю в вагоне-ресторане экспресса «Мистраль» и отсутствую в Париже четыре дня в неделю — дважды по два дня.

— Пока ничего не меняйте в своем расписании, — ответил Венатье. — Если кома затянется, тогда придется что-либо предпринять, поскольку в больнице с местами проблема. Однако сомневаюсь, что ее состояние останется неизменным. Оно либо улучшится, либо...

Жест фаталиста, и он пожал Шавану руку. Пятый час. В этот момент «Мистраль» как раз должен проезжать памятник Ньепсу^[3], установленный возле Шалон-сюр-Сон. Им-то хорошо, его коллегам! Людовик сидел у изголовья Люсьены и тихо бормотал какие-то слова, как засыпающему ребенку. «Чтобы я рассказывал ей про свои повседневные дела? — подумал Шаван. — Сущий бред. Рассказывать должен не я, а она. Но она так далеко!»

Шавану стало жарко, и, сняв пальто, он присел на край кровати.

Дядя умолк. Время от времени он бросал удрученный взгляд на племянника поверх неподвижного тела Люсьены. В колбах уровень жидкости медленно снижался, как уровень песка в песочных часах, отсчитывающих уходящие мгновения жизни. Шаван думал над тем, что, соблюдая приличия, ему придется проводить долгие часы в душной палате наедине с этим... Он подыскивал слово: трупом? Все же нет, однако в известном смысле это было еще хуже. И название не имело значения. Он пытался оживить воспоминания, способные пробудить в нем волнение, движение души, порыв, толкающий его к этой инертной массе, которую он, бывало, сжимал в объятиях, но, увы, так и не сумел добиться этого. Аптечный запах, царивший в больничной палате, таинственным образом гармонировал с его разочарованием и сухостью. Шаван неприметно поглядывал на часы. Наконец он подал знак Людовику и снова надел пальто. В коридоре они поискали лифт.

— Я позабочусь о ней в твое отсутствие, — заверил Людовик.

Они спустились, молчаливые, рассеянные. Во дворе больницы Шаван остановил дядю.

— Думаешь, она оклемается? Только честно.

— Почему знать, — ответил Людовик. — Но если ей предстоит оставаться в таком состоянии месяцами, лучше уж пускай помрет. Ты обратно домой?

— Да. Только мне надо по дороге еще кое-что купить.

— Знаешь, если у тебя душа не лежит жить дома, переезжай ко мне. Вдвоем нам будет легче перенести удар.

— Может, ты и прав, — неопределенно ответил Шаван.

— Ладно, — продолжил Людовик. — Поеду в гараж, посмотрю, что можно предпринять.

У Шавана не хватило духу признаться ему, что он там уже побывал. Вид наполовину умершей Люсьены что-то сломал и в нем. В голове туман, ноги как колоды. Шаван зашел в кафе и выпил коньяку — порцию, вторую. Извлек из бумажника приглашение.

Картинная галерея Берже — улица Бонапарта, 40. Зачем ему туда идти? Он ни разу в жизни не переступал порога картинной галереи. Спросят ли у него фамилию при входе? Достаточно ли прилично он одет? Шаван рассмотрел свое отражение в длинной жестяной стойке бара. Пальто хорошего покроя. А вот лицо не выдерживало критики. Не особенно интеллектуальное. А лучше сказать, заурядное. Вот именно — заурядное. Для начальника поездной бригады сойдет, но недостаточно изысканное для человека, который делает вид, что интересуется картинами этого... как там его?.. Борелли. Шаван заколебался. К чему понапрасну терять время? Кого он надеется там встретить? Он, как заблудившаяся собака, идет по ложному следу. Если Люсьена сохранила это приглашение, значит, у нее было намерение туда пойти, возможно чтобы с кем-то поговорить... И потом, убить время там или в другом месте — какая разница? Всегда нетрудно изобразить прохожего, который, зацепившись глазами за афишу, возвращается к входу. «Скажите на милость, а ведь это совсем не лишено интереса. Посмотрю-ка, а что же там, внутри».

Шаван выпил третью рюмку коньяку, но так и не согрелся. На улице сумрак рассекали снежинки, которые не переставая ложились ему на щеки, на веки, как бы увлажняя их на

краткий миг слезами. Восемнадцать десять! В памяти промелькнула картина Роны, на водной глади которой сейчас блестят звезды, как это бывает сразу после Валанса. Внезапно он пал духом, остановил такси, желая доказать себе... Шаван призадумался, соображая, что именно он желал себе доказать, потом забился в угол и прикрыл глаза. Ему больше не хотелось видеть этот город, где Люсьена, когда он бывал в отъезде, вела таинственную, скорее всего, предосудительную жизнь. Но он поклялся себе, что вычислит ее любовника, если она ему изменяла. Не для того, чтобы покарать его и заявить о себе, а чтобы доказать себе... Мысли путались. Возможно, он хотел себе доказать, что был самым сильным? Но какой в этом смысл? Он явственно чувствовал, что теряет свободу, что разговора о разводе никогда больше и не заведет, что Люсьена, находясь на пороге смерти, держит его крепче любовницы, и это было возмутительно, мерзко, отвратительно!

К собственному удивлению, он очутился перед галереей. У входа уже собралась толпа. Останавливались такси. Шаван заколебался, ощутив смутный стыд, как будто собирался просить милостыню, но никто не обращал на него ни малейшего внимания. Он вошел в помещение. Перед картинами уже образовалась толчея. Официанты в белых перчатках сновали с подносами. Шаван взял себе портвейн и тут засек сомнительную чистоту перчаток и лоснящийся черный галстук-бабочку официанта, что сразу же определило нелестное мнение об этом Борелли. Одна картина, которую он разглядел между двумя головами и стеной плеч, его поразила. На ней изображалось как бы столкновение разноцветных кубов, сливавшихся в черноватые пятна. Худощавый господин с лихорадочным блеском в глазах объяснял своему спутнику:

— Это ранний период Борелли. Как вы легко заметите, вместо того чтобы идти от реализма к абстракции, он прошел обратный путь — от нефигуративности к некоему веризму, который не лишен очарования... и позволил ему заработать баснословные деньги, — с издевкой добавил он. — В особенности на портретах. Один из них совершенно неповторим. Пойдемте!

Шаван последовал за ними. Помещение галереи имело форму руки, согнутой в локте. Толпа становилась все плотнее. Время от времени ему все же удавалось из-за спин углядеть хотя бы кусок картины: там — море, тут — группу игроков в шары.

— Вот мы и пришли, — сказал мужчина с горящим взором, — можно сказать, пришли. Нужно еще, чтобы нам дали подойти ближе.

Он протиснулся между двумя женщинами в норковых шубках и мало-помалу высвободил место для своего спутника и Шавана, следовавшего за ними по пятам. В шуме голосов он разобрал: «Это “Портрет Лейлы”!»

Внезапно Шавана вынесло водоворотом в первый ряд. «Лейла» оказалась Люсьеной.

Сердце его колотилось, и он тщетно отказывался признавать очевидное. Коль скоро на картине изображена Лейла, это не могла быть Люсьена. Он прикинул к полотну, склонял лицо, словно рассчитывал учуять на этой картине, пахнувшей лаком, знакомый ему запах.

«Не нужно мне было пить», — подумал он.

Мужчина с печальными глазами, протянув руку, пальцем проводил в воздухе невидимую кривую.

— Эта модель, — говорил он, — эта гибкая линия шеи... Сколько же тут сладострастия... Она говорит вам куда больше, нежели обнаженное тело!

«Неправда! — беззвучно вопил в Шаване незнакомый голос. — Это неправда! Прошу вас, оставьте Люсьену в покое!»

— Лейла? — переспросил второй. — А как переводится это имя?

— Ночная улада. И такое имя ей идеально подходит. Знаете, ведь в ее жилах течет арабская кровь. Гениальная находка Борелли состоит в том, что он придумал ей такую прическу, которую дополняли серьги в форме полумесяцев, сжимающих звезду.

— Она постоянная его натурщица?

— О! И не только это, как я подозреваю. Борелли всегда был не промах по части женщин.

Оба отошли назад и исчезли, оставив Шавана один на один с картиной.

«Какое мне до этого дело? — сказал он себе. — Ведь о том, что у нее есть любовник, я догадывался». Но заставить замолчать внутренний голос не удавалось. «Люсьена, скажи им, что это твой двойник. О господи! Я же знаю, что это двойник!»

Само собой, это был двойник. Он обернулся, чтобы попросить еще портвейна. Руки дрожали, как у наркомана, и он расплескал вино на лацкан пальто. Лица с огромными глазами, в которых отблески заменяют взгляд, встречаются в странах Средиземноморья сплошь и рядом. И этот цвет лица — как чуточку перезревший персик, забытый на дереве, — там самый распространенный. В Ницце, к примеру. Шаван машинально посмотрел на часы. Девятнадцать семнадцать. До прибытия поезда осталось чуть более часа. Мысли заходили одна за другую. Качаясь из стороны в сторону с пустым бокалом в руке, оглушенный шумом голосов, Шаван был уже не способен мыслить связно. Он был уверен лишь в одном: то была Люсьена. И вот доказательство...

Не без труда прошел он обратно и снова оказался перед портретом Лейлы. На этот раз всякие сомнения отпадали. Она была причесана и загримирована художником так, чтобы придать ее лицу необычную привлекательность, но достаточно было прикрыть ладонью парик жгучей брюнетки из прямых волос наподобие гладкой шерсти животных, придававших ее голове вид кошачьей мордочки, чтобы вновь обрести настоящую Люсьену — ту, которая день-деньской болталась по дому, не снимая халата, с двумя жидкими косичками за плечами. С мужем не считаются. Выходя с ним на люди, она, бывало, накручивала чалму вокруг коротко остриженных волос. Парик и румянец на щеках припасены для любовника, для страсти. «Ночная улада»... Иначе говоря, потаскуха. Шлюха!

Шаван разглядывал картину, оцепенев от изумления. Как при многократном экспонировании, он снова увидел похожие черты под повязкой на восковом лице, а за ним — еще одно — лицо спросонья, повседневное, на которое он уже так давно перестал обращать внимание. Он чувствовал себя мерзко. А почему знать, нет ли у этого Борелли полотен намного более дерзновенных, нежели этот портрет по пояс? И не выставит ли он и их в один прекрасный день? Где он сам, этот Борелли? Шаван принялся искать глазами среди ширящегося наплыва приглашенных.

У входа гости приветствовали мужчину в темно-синем костюме с орденами — его еще не было в галерее в тот момент, когда пришел туда сам Шаван. Может, это и есть Борелли? Шаван подошел к вновь прибывшему.

— Господин Борелли?

Тот смерил его укоризненным и удивленным взглядом.

— Вы желаете видеть Венсана Борелли?.. Но, почтеннейший, ведь он умер полтора года назад. А я Берже, организатор этой ретроспективы.

Лицо Шавана залила краска.

— Прошу прощения... но я уезжал из Парижа...

Однако Берже уже повернулся к нему спиной и протягивал руку старику, буквально затерявшемуся в длинной шубе.

— Мой дорогой мэтр, — приветствовал он гостя.

Шаван покинул галерею вне себя от бешенства. У него было впечатление, что его просто-напросто выставили за дверь, что он не сподобился присутствовать среди художников, критиков искусства, журналистов — всей этой привилегированной братии... тогда как Люсьена... Никаких сомнений! Люсьену этот тип встретил бы со всей возможной предупредительностью. Он поцеловал бы ей руку, представил друзьям... Это было абсурдно, совершенно невообразимо! Она явилась бы сюда в пальтишке с кроличьим воротником, освеженном в современной прачечной-химчистке, в чалме! Хватит! Шаван перестал ощущать холод. Он шагал то быстро, то вразвалку — в зависимости от того, насколько ухватывал правду, которая от него то и дело ускользала.

Борелли вовсе не был ее любовником — им являлся некто другой, достаточно любивший ее... более того — достаточно гордившийся ею, чтобы заказать художнику портрет — «Портрет Лейлы». Что за несуразное экзотическое имя! И этот некто, должен быть, дарил Люсьене туалеты, в которых она нуждалась, когда он водил ее в какой-нибудь шикарный ресторан. Воображаю себе, как же она презирала вагон-ресторан «Мистралья»! Нет, решительно все рисовалось ему в черном свете. Если все то, что он себе сейчас навоображал, — правда, то почему же Люсьена продолжала жить с ним?.. Однако поскольку у него на все вопросы был готов ответ, он тотчас нашелся и сказал себе, что она, зная непримиримую честность Людовика, не решилась бы нанести удар старику. Тем более что являлась шлюхой «по совместительству».

Шаван ухмыльнулся и тут заметил, что оказался рядом с домом. Он проехал весь путь в метро, как сомнамбула. Стоило ему перешагнуть порог, сунуть ноги в шлепанцы и сесть спиной к радиатору, как он выбросил из головы этот роман собственного сочинения и тотчас выстроил другой, менее уязвимый. Люсьена и в самом деле была любовницей Борелли. Мимолетное увлечение... Время, пока он рисовал ее портрет. А потом художник умер, и она забыла о нем думать. Доказательство тому — это приглашение, которое завалялось в кармане пальто и пошло вместе с ним в чистку, — картонка, лишняя большого значения. Откуда он взял, что Люсьена была вхожа в свет, куда, по всей видимости, никогда не имела доступа? Не более, чем он сам. Рядовые люди — вот кем они были.

Телефонный звонок вырвал его из трясины навязчивых мыслей.

— Поль?.. Ты уже дома?

— Да. Только что переступил порог. Я задержался по милости одного коллеги, который хотел затащить меня на профсоюзное собрание, когда у меня на уме не забастовка, а нечто совсем иное.

К своему удивлению, он врал легко и непринужденно.

— Я видел машину, — продолжал Людовик. — Разумеется, она в диком состоянии. Ее невозможно отремонтировать, хотя, заметь, не следует слишком полагаться на то, что говорят в автомастерских. Тем более что эта просто-таки жаждет всучить нам подержанный автомобиль.

— Тебя принял автомеханик? Блондин в белом халате?

— Ты тоже побывал в гараже?

— Да. Забыл тебе про это сказать. Какие у него соображения насчет того, как машину

занесло на столб?

— Он не сказал. Но мы назначили встречу с экспертом. Все идет своим чередом — не бери в голову. И потом, я куплю тебе другую машину.

— Даже не думай.

— Нет — нет. Я настаиваю.

Шаван спросил себя, а следует ли сказать Людовику о предположении автомеханика? «Пежо» преследовали, бодали, поддавали сзади... Нет, расследование этого дела он возлагает на себя одного. Такое решение пришло к нему само собой, экспромтом.

— *Алло, Поль?*.. Мне показалось, что нас разъединили.

— Я думал о Люсьене. Ты часто виделся с ней, когда меня не бывало в Париже?

— Время от времени я звонил ей. Почему ты спрашиваешь?

— О, просто так. Я говорил себе: будь она больна, или чем-то обеспокоена, или странновата, ты бы это заметил.

— Ты думаешь, она могла бы сбежать, впад в депрессию?

— Да, что-нибудь в таком роде.

Молчание в трубке. Теперь задумался Людовик.

— Любопытно, — сказал он. — Мне приходила в голову аналогичная мысль. Но нет, не думаю. Я прекрасно знаю, что она всегда была скрытной. Маленькой девочкой она привирала. Любила себе самой сочинять истории. Это в той или иной степени свойственно детям. У нее был свой мирок, и она хотела его защищать. В раннем детстве — еще до семейной трагедии, разумеется, — я не присутствовал и никогда не пытался вызвать ее на откровенный разговор. Но сейчас ведь она уже не маленькая. И должна была отдавать себе отчет в своих поступках.

— А ты не думаешь, что у нее могла быть подруга, о которой она мне никогда не говорила?

— Не исключено. Мы с тобой полагали, что Люсьена выехала из дому среди ночи, что не выдерживает критики. Но ведь она могла с таким же успехом провести вторую половину дня и вечер вне дома, а в аварию попала уже на обратном пути. Ты скажешь, что время в любом случае было слишком позднее.

Шаван еще не видел случившегося под таким углом зрения и, содрогаясь, онемел. Любовник, черт побери. Она провела ночь со своим любовником. Замкнутая Люсьена! Загадочная Люсьена! Он доберется до правды.

— Крестный... Я вот о чем думаю. Нам нет нужды ходить в больницу ежедневно на пару. Когда я буду в отъезде, займись-ка ею ты. А я замещу тебя, когда вернусь в Париж. Значит, для начала завтра оставайся дома.

— Как скажешь.

Шавану не хотелось, чтобы Людовик постоянно болтался у него под ногами. Свое дознание он проведет сам. Он пожелал дяде спокойной ночи и без лишних слов повесил трубку. Поглощая свой ужин — яичницу-глазунью, он продумывал расписание на завтрашний день. Сначала он отправится на вокзал и напишет заявление об отпуске; затем зайдет в больницу и отправится в галерею, чтобы купить картину. Это было жизненно необходимо. Вернувшись домой, Люсьена обнаружит «Портрет Лейлы», который он повесит в спальне на видное место. Вот момент, который вознаградит его за все остальное. Всякое объяснение сразу станет излишним. Сколько может стоить такое полотно? Шаван понятия не имел о цене на картины. Он знал, что полотна Ренуара, Сезанна, Пикассо стоят

баснословных денег. Но ведь Борелли — не мировая знаменитость. Три тысячи? Четыре? Возможно, и дороже. Шаван готов отдать до десяти, чтобы удовлетворить свое чувство мести.

Но идет ли речь и в самом деле о мести? Присматривая в спальне место, куда он повесит картину, Шаван пытался объяснить себе, какое чувство им движет. Люсьена? Она уже едва ли что-либо значила для него как женщина. Его обворожила та, другая. Сколько бы он ни внушал себе, что Лейла — та же Люсьена, он против воли воображал в своих объятиях другую. И лег спать разбитый. Когда он уснул, рука спросонья искала рядом ту, кого он потерял.

— Все по-прежнему, — сказала Мари Анж. — Энцефалограмма не блестящая. Сегодня утром, во время процедур, больная открыла глаза — левый зрачок сокращен более правого, реагирующего на свет с некоторым запозданием. Сейчас, как видите, веки опять смежены. Пальцы сжаты. Потрогайте сами.

Шаван пощупал, очень осторожно. Кожа сухая. От запястья до кончиков пальцев странная напряженность, от которой мышцы затвердели. Такое впечатление, что держишь не руку, а деревяшку.

— Что думает об этом доктор?

Мари Анж ответила уклончивым жестом.

— Он говорит, что нужно набраться терпения. Вы принесли белье?

— Да. Пакет на стуле.

— Спасибо. Сейчас уберу его.

— А не мог бы я поговорить с доктором лично?

— Не сейчас. Доктор в операционной. Да он и не сообщит вам ничего сверх сказанного мною.

Открыв белый шкаф в глубине палаты, медсестра орудовала на полках, укрывшись от Шавана за створками дверец.

— Мой бедный мсье, — сказала она приглушенным голосом, — боюсь, что вам понадобится много терпения. В таком случае, как этот, самое ужасное — ожидание. Ты здесь. Но бессилён что-либо поделать.

Мари Анж вернулась к кровати, провела ладонью по лбу Люсьены.

— Знать бы, что таится в этой головке, — продолжила она. — Нам остается лишь пускаться в догадки. Это как бы невидимая битва, вмешаться в которую у нас нет никакой возможности. Оставляю вас наедине.

Шаван сел и посмотрел на Люсьену. После женитьбы он находил ее хорошенькой, но возможно, что для других глаз, более искушенных, она была красивой. Это окаменевшее лицо с ввалившимися глазами, обесцвеченный рот, исхудалые щеки — его доля. Другие же имели право на блеск глаз, улыбку, сулившую счастье. Бедный он, бедный! Бедный, попраный, смешной, но главное — обманутый, обобраный. Какую женщину ему вернут? Может, инвалида. В лучшем случае — состарившуюся, полуразвалину. Другую, красивую, свеженькую, яркую, ту, какой он ее никогда не видел, уже никогда и не увидит. Какой она была, когда приезжала к Борелли? Веселой? Уже готовой предаться любви? Что они говорили друг другу?

Склонив голову к лицу без кровинки, он хотел бы бормотать: «О чем вы говорили? Вы насмехались надо мной? Или же перед сеансом позирования не могли думать ни о чем»

другом, кроме любви? Вы обедали вместе, тогда как я, олух царя небесного, катил по направлению к Дижону. А потом? Куда он тебя уводил? С кем вы встречались? Вечером ты, само собой, домой не возвращалась. Он желал выставить тебя напоказ, из мелкого тщеславия. Где?»

Люсьена, недвижимая, как могильное каменное изваяние, противопоставляла ему нечеловеческое отсутствие. Он никогда не узнает ответа на свои вопросы. Дудки! Узнает. Он пройдет по следу. Сколько бы времени на это ни понадобилось. И если Люсьена от него ускользнет, то он, по крайней мере, ухватится за ее двойника — эту Лейлу, — пойдет за ней по следу, начиная с квартиры, где она жила, пока его не бывало дома, в Париже.

В конце концов, ведь он держит в руках связку ключей, которая теперь обрела смысл. Со вчерашнего дня он как-то о ней позабыл. А вдруг он обнаружит нечто? Поскольку Борелли умер, значит, благодаря этим ключам она могла встречаться с другим мужчиной. Она жила с ним половину недели! К этой правде он уже приближался вплотную, но с ужасом ее отвергал. И тем не менее от нее никуда не денешься. Люсьена попала в аварию в тот момент, когда покидала любовника, должна была снова влезть в шкуру ненавистного ей персонажа, как сбрасывают изящное платье, чтобы напялить рабочий комбинезон.

Люсьена едва дышала. Глаза закрыты. Уста, растянутые в болезненной гримасе, чуть обнажившей зубы, надежно хранили ее тайну.

Шаван, отбросивший пальто на кресло, снял и пиджак. В палате чересчур жарко. Можно задохнуться. Его мысль забежала вперед, как собака, отделившаяся от своры. Шаван не мог ее удержать. Гипотеза автомеханика вовсе не лишена смысла. Между Люсьеной и ее любовником завязалась ссора. Внезапно она, бросив его и прыгнув в машину, собирается вернуться домой. Бешеная погоня, он настигает «пежо» и вне себя от ярости многократно наскакивает на ее машину. Неудачный рывок, и Люсьена ударилась о столб. И тут мерзкий тип, вместо того чтобы оказать помощь жертве, довольствуется анонимным звонком в полицию. Шаван приблизился губами к забинтованной головке жены.

— Люсьена... Ты слышишь меня? Ты порвала с ним, скажи?.. Я хотел бы получить заверения... Скажи мне, что вы порвали... Думаю, после этого у нас с тобой все пойдет на лад.

Шаван отпрянул. Мумии лишены дара речи. Они вещи, и не более того. Картины тоже не говорят. Отогнув манжету, он посмотрел на часы. Больница — галерея Берже! Своеобразная игра зеркал, в которых отражалось все то же лицо, не поддающееся расшифровке. Он снова надел пальто и уже готов был уйти, не оглянувшись на Люсьену, но, устыдившись, вернулся, пожал ей руку. Поцеловать ее было выше его сил.

В галерее, можно сказать, никого. Трое-четверо любознательных, стараясь ступать бесшумно, переходили от полотна к полотну. Старая дама, сильно накрашенная, жемчужное ожерелье, пальцы в кольцах, стояла за столом, который украшал великолепный букет. Шаван заметил стопку каталогов, взял один экземпляр и, делая вид, что наводит справку, направился в глубь галереи. Он еще издали заметил портрет Лейлы, которая наблюдала, как он направляется к ней, и ощутил странное волнение. Лейла была его любовницей, а потому вполне могла бы назначить ему свидание в этом безлюдном месте. Опоэтизированное расстоянием лицо молодой женщины казалось живым. Шаван слегка наклонился в нежном порыве, словно готовясь принять предлагаемую ласку.

Он остановился. Никогда еще Люсьена не встречала его с таким расположением. О да, она была очень красива, и это открытие удручало. Глаза, удлиненные косой линией

карандаша, казалось, мечтали, подобно глазам нежного зверя, попавшего в неволю. Он снова зашагал вперед, но очень медленно, словно боялся ее спугнуть. Губы едва шевелились: «Это я... я унесу тебя... Ты не имеешь права оставаться тут...»

И вдруг, подойдя к портрету вплотную, Шаван обнаружил в левом углу рамы картоночку: «Продано». Судьба ожесточалась. Шаван скомкал каталог. Он уже не решался уйти. Вот и на сей раз он пришел с опозданием. Он не сумел удержать Люсьену; он не сумел удержать Лейлу, купить ее, пока еще было не слишком поздно. Но может, и в самом деле еще не слишком поздно. Может, человек, который приобрел эту картину, согласится ее уступить другому. Шаван в неуверенности задавался вопросами. А стоило ли труда разбиваться в лепешку? И чего ради! Чтобы вкусить горькое удовольствие от того, что последнее слово осталось за ним? Насколько проще было бы отступить от этой затеи и по окончании отпуска вернуться на «Мистраль»!

Лейла наблюдала за ним, судила о нем этим взглядом — внимательным и в то же время рассеянным, который угадывал его самые потаенные мысли. Признает ли он себя побежденным, чтобы уступить место другому, ибо тот, кто купил «Портрет Лейлы», несомненно... о да... и был его соперником.

Шаван в последний раз взглянул на портрет. «Видела бы ты себя!» — подумал он, имея в виду ту, кто витал между жизнью и смертью. Он вернулся к столу, где сидела старая дама, походившая на прорицательницу в ожидании клиента. Шаван показал ей каталог.

— Эта картина — не знаете ли, не мог ли бы я ее приобрести?

— Она уже продана.

— Знаю. Но может быть, покупатель согласится мне уступить ее.

— Вероятность весьма невелика. Но как знать. Вы всегда можете попытаться, мсье. В этой сделке нет ничего секретного — ее приобрел известный коллекционер, некий господин Массикот... Его адрес: авеню Моцарта, шестьдесят шесть.

— Это в Шестнадцатом округе?

— Совершенно верно! — бросила ему дама с ноткой презрения.

Хотя время шло к обеду, Шаван не колебался. Он поймал такси и велел отвезти себя на авеню Моцарта. Номер 66 оказался великолепным домом в старом стиле. Просторный вестибюль. Благородная каменная лестница. Красная ковровая дорожка. Массикот жил на третьем этаже. Приходила ли сюда Люсьена? Что ни говори, а это место было для нее чересчур шикарным. Дверь открыл слуга, класс которого Шаван оценил с первого взгляда. Его провели в гостиную, выдававшую такое богатство, что становилось прямо-таки не по себе. К нему не замедлил выйти мужчина, которого он заранее возненавидел всеми фибрами души. Не особенно высокого роста, одетый с головы до ног в бежевые тона, Массикот походил на председателя совета директоров, у которого каждая секунда на счету, так как он обратился к Шавану прямо с порога:

— Мсье?

Шаван поспешил представиться:

— Шаван... Поль Шаван... Я пришел к вам по поводу картины, которую вы приобрели в галерее Берже.

Лицо Массикота просветлело.

— Вы говорите о «Портрете Лейлы»?

— Совершенно верно. Я готов у вас ее перекупить.

— Вы коллекционер?

— Нет... Но этот портрет мне многое напоминает.

Массикот подтолкнул Шавану через круглый столик на одной ножке шкатулку с сигарами. Теперь на его лице читалась досада.

«Это он! — думал Шаван. — Сомнений нет, это он». И оттолкнул шкатулку.

— У вас есть особая причина, по которой эта картина вам дорога? — спросил Шаван.

— Да.

— Быть может, эта женщина — одна из ваших приятельниц?

— О нет! Видит бог! — вскричал Массикот. — Я даже не желаю знать, кто она такая.

— В таком случае, — сказал Шаван, захваченный этим ответом врасплох, — возможно, мы смогли бы договориться.

Массикот взял Шавана по-свойски за руку.

— Пойдемте, я кое-что вам покажу.

Он повлек Шавана через богатейшую библиотеку и открыл дверь со сложным замком.

— Милости прошу, господин Шаван, в мою картинную галерею.

Он нажал на кнопку, и стеклянные шары под потолком осветились. Длинная комната без мебели, но со множеством картин на стенах. Единственное окно в конце помещения закрывали металлические ставни.

— Меня интересуют только современные художники, — продолжил Массикот. — Смотрите. Держу пари, что вам не знакомо ни одно из представленных тут имен.

Удивляясь все больше и больше, Шаван шел впереди хозяина. Время от времени Массикот останавливался перед каким-нибудь полотном.

— Это Кнехт... Это Верхеге... Цена на него растет... Этот Михно стоил мне тридцать тысяч, а сейчас, если бы я решился его продавать...

— Вы и сами художник?

— Ничего подобного. Но у меня есть это!

И он ущипнул себя за нос.

— Я редко ошибаюсь. Живопись для меня — вложение капитала. Возьмите Борелли. Я уверен, что очень скоро цена на него взлетит... В особенности на Борелли последнего периода. Публика начинает уставать от подобных абстракций...

И он указал на картину, напоминающую японский флаг.

— Это Гизони. Если вас интересует, могу уступить. Всего сто пятьдесят тысяч! Шутка. Просто когда у тебя есть толика художественного чутья... Ведь живопись еще и лучшее вложение денег. Вот почему я не стану продавать вам портрет этой дамы. Лет так через десять — тогда пожалуйста. Когда она утроится в цене. Сожалею, мсье. Но живопись и чувство смешивать не рекомендуется.

Массикот посмотрел на изящные золотые часы, которые не вязались с его волосатым запястьем.

— Прощу извинения. У меня назначено свидание.

Шаван холодно распрощался с коллекционером. К кому обратиться теперь, чтобы разузнать больше? Его гнев улегся. На сердце, как на улице: пусто и мрачно. Он пошел в буфет при Лионском вокзале съесть на обед сэндвич. Здесь, по крайней мере, он был по-настоящему «у себя». У него мелькнуло желание пройтись по платформе вдоль поезда до вагона-ресторана, чтобы пожать руку товарищам. Но это было бы слишком грустно. Он выпил два кофе, съел порцию клубничного мороженого и, смирившись, вернулся домой. Он вытянулся на кровати, чтобы все хорошенько обдумать, и тут же забылся сном.

Идея посетила его при пробуждении. Пусть и не слишком оригинальная, но в той пустыне, в какой он блуждал, она могла стать ориентиром. Шаван открыл телефонный ежегодник на фамилию Борелли. Борелли... Сите Фроншо. Полистав план Парижа установил местоположение Сите Фроншо — рядышком с площадью Пигаль. Полчаса на метро. Следует ли предварительно звонить? Но вопрос еще — на кого нападешь. Осталась ли у покойного семья? К тому же Шаван еще не знал, на какой предлог ему удобнее сослаться. Тот, какой пришел ему в голову по дороге, был не бог весть что.

Однажды он познакомился в «Мистрале» с пассажиром — колонистом, возвращавшимся из Конго. После десяти лет отсутствия во Франции тот диву давался всему подряд. «Для человека из глухомани, как я, вы себе просто не представляете, сколько тут изменений к лучшему». Шаван легко мог вообразить себя в роли человека из глухомани. Накануне он случайно забрел в галерею Берже и наткнулся на портрет Лейлы. Обалдеть! Десять лет назад он был довольно близко знаком с молодой женщиной и даже собирался на ней жениться, да вот подвернулась поездка в колонию. Он был бы просто счастлив сейчас приобрести что-нибудь на память о Лейле. За отсутствием портрета, который уже продан, он бы удовольствовался простым эскизом. Честное слово, его история звучала вполне правдоподобно. Главное заключалось в том, чтобы с кем-то поговорить, возбудить любопытство. Немножко удачи — и сам черт ему не помеха что-нибудь разузнать о Лейле.

«В конце концов, — сказал он себе, — у меня полное право выступать под вымышленным именем, как и сама Люсьена». Шавану было даже скорее приятно влезть в шкуру другого. «Бывший жених Лейлы». Один из возможных вариантов начала жалкого приключения, каким был его брак.

Квартал Фроншо как бы вклинился между площадью Пигаль и улицей Виктора Массе — кварталом ночных клубов и подозрительных баров, посещаемых проститутками и извращенцами, — эдакий оазис буржуазной респектабельности и комфорта. Шаван позвонил, дверь открыла горничная. Она провела визитера в вестибюль, украшенный картинами, изображавшими песчаные отмели, рыбацкие баркасы, горные водопады. Люсьена приходила сюда, мелькнуло в голове Шавана. Студия художника должна находиться где-нибудь позади дома или под крышей. И как только сподобилась она познакомиться с Борелли? Где могла с ним встретиться? Кто их познакомил?

Горничная пришла за ним и повела в гостиную, где его ожидала дама неопределенного возраста, которая держала на коленях белого пуделя, подстриженного, как на том рисунке углем. Собака спрыгнула на ковер и пронзительно залаяла.

— Сюда, Мушка, — сказала мадам Борелли. — Извините меня, мсье... Я передвигаюсь с трудом... артроз, понимаете. Присаживайтесь.

Она была одета в черное, без драгоценностей, как новоиспеченная вдова. Придя в смущение, Шаван поведал вдове заготовленную историю. Та слушала с большим вниманием.

— Да, — изрекла она. — Припоминаю эту особу... Мой муж под конец жизни пристрастился рисовать молоденьких женщин.

Она воздела глаза к полотну на мольберте, стоящем справа от нее.

— Это он? — спросил Шаван.

— Да. Превосходный автопортрет. Он уже заканчивал его, но тут сердечный приступ, который и унес его в могилу.

Одновременно они взглянули на портрет усопшего, выглядевшего весьма представительным со своей окладистой бородой а-ля Франциск I и красной ленточкой

Почетного легиона.

— Он был таким талантливым, — заговорила она вновь. — Это проявлялось во всем.

Минуту она помолчала, задумавшись. Пудель забрался к ней на колени, и она нежно почесывала его за ухом.

— Не нужно жалеть о том, что вы не женились на этой девушке, — вымолвила она наконец. — Когда соглашаются позировать художникам...

Она не договорила, но смысл фразы был предельно ясен.

— Думаете, Лейла... — прошептал Шаван.

— О, я ничего против нее не имею. К тому же теперь уже все равно!

— Я надеялся, может, у вашего мужа остались наброски. Говорят, художники делают несколько эскизов, прежде чем приступить к портрету.

Смех ее прозвучал несколько горько.

— Да, у него осталось много зарисовок... особенно обнаженной натуры. Я их сожгла. Не хотелось, чтобы они лезли на глаза.

Наверное, она нечаянно ущипнула собаку, потому что та взвизгнула. Шаван поднялся. Она удержала его движением руки.

— Подождите... Я так одинока теперь. Расскажите, как вам жилось в Африке? Должно быть, нелегко.

— Да... довольно трудно, — на ходу сочинял Шаван.

— А чем вы там, собственно говоря, занимались?

— Как вам объяснить... Рубил деревья.

— И вам нравилось это занятие?

— Да, поначалу. А потом, когда я скопил немного денег, меня потянуло обратно, домой.

— Она писала вам... эта особа?

— Не часто... А сейчас я просто не знаю, каким путем ее разыскать... Но вот мне пришла мысль: а как поступал господин Борелли, когда она была ему нужна?

Вдова грустно улыбнулась.

— Муж звонил ей. Я знаю это, поскольку со мной он не церемонился и звонил в моем присутствии... одной, другой... У нас с ним были приятельские отношения, как это принято называть.

Ее голос осел, и она передернула плечами.

— Все эти телефонные номера я в конце концов запомнила наизусть — моя память всегда его удивляла. Могу вам подсказать, раз вам это так важно... Лейла... шестьсот двадцать два-ноль семь-семьдесят шесть...

— Фамилии нет?

— Фамилии его не интересовали.

— Не знаю, как вас и благодарить!

— Полно! Полно! Все это ушло для меня в далекое прошлое... И все-таки, если вы увидите Лейлу снова... Можно, я вам признаюсь?.. Я бы хотела быть в курсе. Приходите опять, когда вам заблагорассудится.

Шаван ушел в полной растерянности. Если ревность мадам Борелли обоснованна, Лейла и в самом деле была любовницей художника. Таким образом, его вернули к первой гипотезе. Но как же тогда объясняется несчастный случай?.. Шаван вспомнил, что поблизости отсюда, на площади Аббатисс, находится почтовое отделение, и поспешил туда. Ему любезно дали

справку. Нужно только, позвонив по 266-35-35, узнать адрес, соответствующий номеру телефона 622-07-76, но при условии, что он не значится в красном списке — списке абонентов, не желающих обнародовать свой адрес.

Шаван тут же набрал 266-35-35, сделал запрос, указав почтовое отделение, где находится в данный момент, и стал ожидать. Преисполненный опасения или страха? Он уже не знал.

Четверть часа спустя Шаван получил справку. Номер 622-07-76 принадлежит абоненту по имени Доминик Луазлер, проживающему в доме 160-бис на бульваре Перейра, в XVI округе.

Доминик Луазлер... Бульвар Перейра... На сей раз он напал на след. Спиртное, которое он выпил на Лионском бульваре, жгло ему внутренности. Он залпом опрокинул полкружки пива в баре на площади Пигаль, присев между девушкой с синими волосами и негром, зажавшим коленями гитару.

Таким образом, Люсьена вполне могла сначала быть любовницей Борелли, а потом любовницей Луазлера или, скорее, поскольку Борелли звонил ей по 622-07-76, значит, она тогда уже жила у этого Доминика по нескольку дней в неделю. Дней, когда сам он находился в отлучке!.. И вторая связка ключей, обнаруженная им в сумочке, доказывала, что она чувствовала себя как дома и на бульваре Перейра, что, впрочем, нетрудно проверить.

Но Шаван не был настроен отправиться туда незамедлительно. Он беззлобно кружился вокруг правды. Как недоверчивый зверь — вокруг падали. Борелли скончался полтора года назад. Портрет мог быть написан года два назад. Значит, Люсьена уже тогда жила у Луазлера. Два года, а может, и дольше. Почему бы и нет! И ему столько времени было все это невдомек! А ведь влюбленная женщина время от времени должна себя выдавать? Он представил себе Люсьену — всегда спокойная, всегда предупредительная. Когда он возвращался домой, она мило спрашивала: «Все хорошо?» Затем, разумеется, пропускала его рассказ мимо ушей, но нетерпения не проявляла. Мечтательница! Она была мечтательницей по натуре. Вполне возможно, не более игрива и с Борелли или Луазлером. Но тогда что они в ней нашли? Чем именно она их прельщала? Своей красотой, несомненно. Впрочем, не следовало преувеличивать. По утрам, когда она вяло хлопотала на кухне, еще не причесанная, не покрашенная, в ней, пожалуй, сквозила некая грация, как у зверьков, но ничего такого, что способно волновать кровь. Разговор с ней тоже не слишком возбуждал. Ее любовные способности? Но любовь была для нее скучным занятием, как и многое другое. Борелли? Почему тот заинтересовался ею, еще можно было как-то понять. В нем говорил художник. А не мужчина. Но вот Луазлер?

Что он за любовник, если соглашался видеть любимую женщину всего четыре дня в неделю? Что могла она ему такое насочинить в оправдание своих отлучек? Сказала ли ему, что ее муж работает на «Мистрале»? И этот мужчина смирялся с необходимостью делиться с другим. Выходит, он не был от нее без ума. Или тоже имел семью. Возможно, он — бизнесмен, наезжающий в Париж. Но такой образ жизни не имел ничего общего с жизнью, какую вела Люсьена.

— Хватит! — громко изрек Шаван.

Девушка, сидевшая рядом, посмотрела на Шавана и прыснула со смеху. Он бросил на стойку мелочь и вышел из бара. Мысли копошились в его уме, как червяки. Опять метро. Опять лестницы. И под конец его квартира — безмолвная, пустая, враждебная. «Я чувствовал бы себя лучше в отеле», — подумал он. И снова, но уже внимательнее рассмотрел

ключи: самый сложный, конечно, от квартиры. Два других — от подъезда и почтового ящика. «Идти ли мне туда? — спрашивал себя Шаван. — Как я поступлю, если столкнусь нос к носу с Домиником? Ну и видок же будет у меня! Но почему бы не прощупать почву, не разузнать, что к чему?»

Теперь не время прибегать к уверткам. Он вызвал такси.

— Сто шестьдесят-бис, бульвар Перейра.

Какая удача! Консьержки в доме не оказалось, и никто не поинтересовался, кого он ищет. Шаван подошел к ряду почтовых ящиков, бросил на них беглый взгляд и обомлел. На медной табличке значилось:

ДОМИНИК ЛУАЗЛЕР
3-й этаж справа

А сразу под табличкой находилась визитная карточка:

ЛЕЙЛА КЕТАНИ

Какая наглость! Она жила здесь под фамилией своей мамы. Фамилия Шаван ее не устраивала или же, скорее, такая предосторожность служила ей ширмой для двойной жизни.

Шаван поспешил вставить в замочную скважину самый маленький из трех ключей, и прозрачная дверца почтового ящика сразу поддалась. Значит, он рассудил правильно и сумеет без проблем попасть в квартиру. Осмотрительный взгляд вокруг. Лифт тут, рукой подать, кабина еще освещена — кто-то совсем недавно им пользовался. На лестнице ни души, а то были бы слышны приглушенные шаги по ковровой дорожке. Шаван нажал на кнопку домофона. В случае, если бы этот Доминик Луазлер ответил, он сказался бы представителем торговой фирмы, и тогда Луазлер наверняка послал бы его куда подальше. Он ничем не рисковал и нажал на кнопку вторично, но аппарат продолжал молчать. Значит, перед ним зеленая улица. С непринужденным видом Шаван вошел в лифт. Панель под красное дерево свидетельствовала о комфорте, царившем в этом доме. Тут даже малюсенькая квартирка и та стоила по меньшей мере пятьсот или шестьсот тысяч франков. Шаван начинал понимать, почему Люсьена скучала в их скромной трехкомнатной квартире по улице Рамбуйе. Надо думать, она сбегала из дому, стоило ему завернуть за угол, чтобы вернуться туда, где чувствовала себя привольно.

Шаван оглядывал себя в «зеркале для самолюбования», украшавшем одну из стенок кабины. Он уже не упускал случая бросить укоризненный взгляд на свое лицо — в витринах, зеркальце заднего вида перед водителем... Это лицо тоже было для нее недостаточно хорошим. Но что в конечном итоге послужило основанием для их разрыва? За что он себя безотчетно корил? Его желание развестись казалось ему вполне законным. А вот то, что Люсьена устала от него первая, он счел чудовищным.

Лифт доставил Шавана на третий этаж. На площадке всего две двери. На двери по левую руку, над электрическим звонком, скромная визитка: «Югет Платар». Милое имя. Свежее, как букетик полевых цветов. На двери по правую нагло заявлено: «Лейла Катани». Совсем как если бы Лейла являлась полновластной владелицей этой квартиры!

Ключ подошел к двери идеально. Шаван переступил порог. Он создавал не больше шума, чем в больнице, когда направлялся к кровати Люсьены. Он прислушался. Но ведь Люсьена не могла находиться одновременно и там и тут. Подумав, что гоняется за призраками, он пошарил по стене, нащупывая выключатель. Комната осветилась. Белые кожаные пуфы на арабском ковре, медные подносы, низкий стол — все это скорее

напоминало интерьер кибитки бедуина, нежели прихожую парижской квартиры. От Люсьены до Лейлы явственно протянулась скрытая нить, начало которой в ее детстве, окутанном тайной. Но почему она избрала наперсником этого Луазлера — мужчину с неудобоваримым именем, — чтобы поведать ему свою историю? Разве он умел слушать лучше его, Шавана? Почему она никогда даже и не пыталась рассказать о своем прошлом мужу? Считала его слишком толстокожим или слишком безучастным?

Прислонясь к двери, Шаван рассматривал замысловатые арабески ковра, и в нем пробивалась еще не вполне созревшая правда. Люсьена решила, что они слишком разные люди, что им придется преодолеть на пути друг к другу слишком большие расстояния. Его голос никогда не мог к ней пробиться. Какая же дура! Она не поняла, что он тоже ждал призыва. Чувствовал, что плохо объясняет, блуждает вокруг да около. Он никак не мог найти точное слово, определяющее самую суть их несогласия. Но все это имело весьма смутное отношение к арабскому ковру, медным предметам внутреннего убранства, напольным подушкам.

Миновав прихожую, Шаван попал в гостиную. О том, чтобы открыть металлические ставни, не могло быть и речи. Вызывающий модернизм. Мебель из металлических трубок, все сверкает: никель, стекло: повсюду мягкие сиденья, как глина, принимающие форму тела, пожелавшего в них отдохнуть. На стенах несколько полотен, предлагающих взору многоцветные мозаики — головоломки. Ранний период Борелли! Теперь уже Шавану не требовалось удостоверяться в подписи. В одном углу бар — маленький, но с богатым выбором напитков. Шаван вызывающе налил виски, доказывая себе, что у него тоже есть здесь права, и со стаканом в руке перешел на кухню в поисках кубиков льда. Вместительный холодильник оказался буквально забит консервными банками: паштеты, икра, заливной цыпленок — продукты, купленные по баснословным ценам, на какие Люсьена никогда не отваживалась. Этот Доминик, по-видимому, жил на широкую ногу. Плита, посудомойка, инструкция к работе электроприборов, которые мололи, выжимали соки, снимали кожуру; несколько пластин для подогрева пищи с таймерами, и все это блестело чистотой, не уступая кухне «Мистраля».

Рассеянно попивая виски маленькими глоточками, Шаван медленно прохаживался по квартире. Он обошел комнату, голубоватая мозаичная отделка которой посылала ему его отражения, вернулся в гостиную, оттуда перешел в спальню. Там он испытал чуть ли не шок: кровать была круглой формы. Ему уже случалось видеть такую модель кровати в журналах — пассажиры нередко оставляли в ресторане газеты, журналы, и, прежде чем выбросить, случалось, он их листал. Круглые кровати и меховые покрывала всегда казались ему чем-то непристойным. И вот перед Шаваном кровать Лейлы — несомненно, причуда этого Луазлера, который все больше рисовался ему богатым, чувственным, развращенным типом. Он стискивал стакан пальцами, как бы сжимая руку в кулак. Спальня, очень просторная, обита бледно-серым штофом, в тон паласу. По обе стороны кровати — кресла из светлой кожи, низкие и глубокие. Перед окном — стул в стиле Людовика XV, но это не точно. Шаван не был силен в таких материях. Наконец, у четвертой стены стоял предмет мебели из темного дуба, чуть выше сервировочного стола. Вроде бы низкий шкаф. Шаван потянул за ручку. Дверца на ключе. Нарушая однообразие стен, на одной висела картина в жанре марины: безлюдный пляж, море за бороздкой прибрежной пены и необъятное пустое небо.

Шаван дошел до порога ванной комнаты. Розовая облицовочная плитка, розовая ванна, розовая раковина умывальника. Овальное зеркало над туалетным столом, который заставлен

коробочками, тюбиками, флаконами. Два парика, водруженные на болванки, — брюнетки и блондинки. Ни единой детали, которая бы не вытесняла его отсюда во мрак невежества. Он чувствовал себя тут абсолютно чужеродным телом. Что не мешало ему упорно шарить глазами, удивляясь полному отсутствию следов Луазлера. Куда мог он прятать свои шлепанцы, пижаму, домашний халат?

А еще он обнаружил встроенный, а потому неприметный для глаз платяной шкаф, как оказалось, набитый пальто, мехами, обувью — повседневной и вечерней. Но никаких следов мужской одежды. Сняв с плечиков меховое манто, Шаван держал его на вытянутой руке под золоченым бра, освещающим эту часть спальни: сибирский каракуль, стоимость которого в несколько раз превышала его месячный заработок! Он вернул манто на плечики, пощупал ткани — шелк, сатин — и был вынужден присесть возле тумбочки у изголовья, рядом с телефоном и вазой, где угасали белые гвоздики.

Он уже перестал что-либо понимать. То, что Лейла предпочла ему другого, еще куда ни шло. Омерзительно, однако все же постижимо. Но вся эта роскошь его оскорбляла! А главное — то, что Люсьена чувствовала себя в ней привольно! И к тому же была способна, отказываясь от нее, снова превращаться в Золушку, которая в ожидании мужа читала «Унесенных ветром»! Тут было нечто невообразимое, и он не знал, за какой кончик ухватиться, чтобы распутать клубок.

Рядом с телефоном лежала записная книжечка в сафьяновом переплете. Он сразу заметил, что некоторые дни календаря отмечены крестиком. Подумав, он сопоставил даты. Сомнений нет. Дни, отмеченные крестиком, он проводил в поездке, и Люсьена принадлежала себе целиком и полностью. Она приезжала сюда скромно одетая. В лифте, прихожей она еще оставалась мадам Шаван. Но ей не терпелось скинуть одежду рабыни и стать героиней романа под псевдонимом, возможно называя себя мадам Луазлер в тех шикарных местах, где ей приходилось бывать. Она не изменяла ему. Хуже. Она просто стирала его с лица земли. Оставляла за порогом, как дворнягу с грязными лапами.

В вечер несчастного случая она уехала отсюда по таинственной причине, хотя в ее распоряжении был еще полный день свободы. Но тут кто-то поехал за нею следом и неотвязно толкал ее машину. Мысль об этом убийстве нравилась Шавану. В известном смысле чистая работа. Ну и вид же был у Луазлера, когда он обнаружил, что его зазноба испарилась. Теперь он может сколько угодно переворачивать все вверх дном, только бы ее отыскать. Пострадавшая лежит на больничной койке. Это Люсьена Шаван. Лейла больше не существовала. Она никогда и не существовала иначе как на картине, отныне недоступной взглядам любопытных. Что же касается визитной карточки... Шаван прошел по квартире и сорвал ее с двери. Затем порвал на мелкие кусочки и швырнул в мусорку. Твоя песенка спета, Лейла.

Спета для других, возможно! Но его память на мелкие кусочки не порвешь. Лейла продолжала жить в ней с гладко зачесанными назад волосами, с ее серьгами, блестящими, как звезды, с ее глазами. На кого же они смотрели?

Он еще раз обошел квартиру, отмечая для себя детали, которые поначалу от него ускользнули. Так, он заметил проигрыватель, на котором еще лежала пластинка... Энрико Масиас. А рядом — початая коробка «Кравена». Выкурив сигарету, Шаван окунулся в одно из бездонных кресел. Люсьена не курила «Голуаз»... Мысль Шавана продолжала блуждать. Он обратил внимание, что не обнаружил в доме драгоценностей. А ведь Лейла наверняка не выходила из дому без ожерелья, браслета. Шкатулка, несомненно, находится в этом шкафу,

который надо бы открыть как можно скорее. Узнать, что он таит под замком.

Эта версия убийства. Он ее как-то упустил из виду. По всей видимости, Люсьена наехала на фонарный столб из-за любовника. А следовательно, он знает, что она угодила в больницу. Попытается ли он ее увидеть? Известно ли ему о другой ипостаси Лейлы? А что, если это всего лишь гипотеза?.. Если на Лейлу никто не нападал? И если Луазлер вернется? У него тоже есть ключи от этой квартиры. Вернувшись из путешествия, он примчится к ней на всех парусах, с подарком в кармане. Вот потеха, если он меня тут застанет. «Кто вы такой?» — «Я муж Лейлы!»

Шаван сказал себе: «Одно из двух: либо Луазлер — человек, спровоцировавший аварию, и вполне вероятно, что, несмотря на риск, придет в больницу навести справки: либо он невиновен в аварии, и я увижу его, когда он примчится сюда. В обоих случаях я познакомлюсь с его мерзкой рожей!»

Шаван злобно раздавил окурки и подумал, вот пусть только другой его спровоцирует... Дотошный аккуратист, он помыл после себя стакан и высыпал содержимое пепельницы, затем, прежде чем уйти, внимательно изучил замок шкафа. Достаточно прочным лезвием ножа он без труда откроет его, приподняв им створку, как рычагом. Завтра... Если в квартире никто не объявится.

Последовали убийственные часы, наполненные изматывающими умствованиями. В тот момент, когда он собрался лечь в постель, позвонил Людовик.

— Не помешал?.. Ты забыл дать мне документы на машину. Мне они нужны как можно скорее.

— Завтра утром... Встретимся в больнице, если хочешь. Только не раньше одиннадцати.

— Очень хорошо. Я заскочу туда. Где-то в пять. Мне не сидится на месте, понимаешь.

— Ну и как?

— Да никак. Она как будто погружена в глубокий сон. У нее снова лицо маленькой девочки.

Есть слова, которые употребляешь, не думая о причиняемой ими боли, а они задевают глубоко, до самого сердца. От волнения Шаван почувствовал спазмы в горле. Лицо маленькой девочки! Возникший при этих словах образ был четким, как само присутствие. Люсьена! Та, еще до их женитьбы. Прежняя, кто обнимал его за шею, когда он являлся к ней с подарком. Людовик ничего не подметил.

— Если такое состояние затянется, — продолжал он, — не можем же мы бесконечно держать ее в больнице. Я считаю, что с помощью сиделки мы справимся. Но у тебя работа. А у меня свободного времени хоть отбавляй, и я найду подход к Лулу. Я уже бывал ей немножко мамой. Мы обоснуемся у меня или у тебя. Скорее у тебя — ведь от твоего дома до вокзала рукой подать.

— Это будет еще не завтра, — осадил его Шаван.

— Нет, конечно, но я предпочитаю все предусмотреть заранее. Ты же знаешь, что можешь на меня положиться.

— Да-да. Спасибо. Насчет завтра мы договорились. Спокойной ночи, крестный.

Перевезти Люсьену сюда! Не смешно! При том, что у нее роскошная квартира в одном из самых приятных кварталов Парижа! Его гнев разгорался с новой силой. Еще немного — и он, поддавшись искушению, перезвонит Людовику, чтобы бросить ему правду в лицо. Он крикнет ему: «У нее есть любовник, который хотел убить ее, твою Лулу! Так что, поверь мне, ей хорошо и там, где она сейчас!» Он долго шагал из спальни в столовую и обратно.

Все, чего он желал, это конца злосчастной комы, которая так все усложняла. Как только Люсьена будет в состоянии его слышать, он скажет ей: «Я в курсе насчет Доминика. Не будем ссориться. Ты отправишься в свою сторону, а я — в свою». Он и вправду хотел этого, и тем не менее... было что-то еще, чего он хотел не менее сильно: пусть она попытается объяснить ему, как дошла до жизни такой. Пока Люсьена оставалась Лейлой, он не мог решиться ее отпустить. Это было навязчивой идеей, неотступной мыслью. Своего рода страстью навыворот, симптомы которой он явно ощущал. Он порылся в ящике, где хранились гвозди, клещи, молоток, бечевка, в поисках подходящего инструмента. Его старый швейцарский перочинный ножик с набором лезвий вполне сгодится. Может, взлом шкафа даст выход горячности, которая распалила его. Он увеличил дозу снотворного, и мысли его отпустили.

Шаван явился на бульвар Перейра в полдесятого. Пожалуй, еще рановато. Он рисковал наткнуться на людей, выходящих из лифта. Чего доброго, еще встретит Луазлера у лифта или на лестничной площадке. Накануне он долго колебался. Сегодня решился действовать стремительно. Заметив по пути к лифту в почтовом ящике светлое пятно конверта, Шаван без малейшего зазрения совести открыл дверцу. Все, что касалось Лейлы, имело прямое отношение к нему тоже. Конверт оказался листком из блокнота, сложенным вдвое. Текст написан карандашом. Он прочел уже в лифте.

Дорогая Лейла!

Хотелось бы вас повидать. Постарайтесь заглянуть в это воскресенье около полуночи к «Милорду».

Ваш Фред

Милорд... Фред... Эти имена вызывали в его представлении что-то подозрительное, тревожное. При нормальных обстоятельствах он должен был бы в воскресенье укатить на «Мистрале». И почему в полночь? Выходит, у Лейлы было заведено проводить ночи вне дома? И коль скоро таинственный Фред обходил Луазлера молчанием, означало ли это, что Лейла появлялась на людях одна... В голове Шавана снова завертелась карусель вопросов. Забыв воспользоваться домофоном, он позвонил в квартиру. За ней никакого движения. Тогда Шаван открыл ее ключом и включил электричество.

Тишина пустой квартиры. Оставив пальто и шляпу на вешалке, он перешел в гостиную и закурил «Кравен». Разве же он находился не у себя дома? И тут раздался телефонный звонок. От волнения он чуть было не выронил сигарету. Доминик?.. Не зная, как поступить, он в напряженном ожидании держал руку на аппарате. Потом любопытство возобладало, и он решительно поднес трубку к уху.

— Алло?

На конце провода был кто-то, и слышались очень тихие, но отчетливые шумы, присущие кафе. Шаван нервно повторил:

— Алло.

Другой, на проводе, продолжал молчать, несомненно, обалдев, когда услышал голос мужчины, и это было как два дыхания, подкарауливающие друг друга. Наконец телефоны разъединили. Прислушавшись еще немного, Шаван тихонько положил трубку. Он всего лишь соприкоснулся с миром Лейлы, куда, похоже, ему вход заказан. По здравом размышлении, речь не могла идти о Доминике — тот бы обязательно спросил его: «Кто вы такой?» Когда

звонят себе домой, таких предосторожностей, полных недоверия, не принимают. И произвольно выдают себя вопросом. Тогда кто же это мог быть?

Шаван вытащил из своего комплекта самый большой ножик и решительным шагом направился к шкафу. Хватит с него тайн! Ему удалось просунуть лезвие между створками двери, он надавил вправо, влево и, сам не зная, как это ему удалось, почувствовал, что дверь поддается. Она приоткрылась, вроде бы подталкиваемая изнутри. Шаван подтянул ее на себя, и вдруг на его ладони кубарем скатилось что-то мягкое и шелковистое, как мех. Он отпрянул, нацелив нож и готовый защищаться. И тут его страхи как рукой сняло. На паласе лежал плюшевый мишка, рыжий с белыми ступнями; вытянув к нему все четыре лапы, он глядел на Шавана глазками — стеклянными бусинками.

Отшвырнув игрушку ногой, Шаван заглянул в шкаф. Там лежали стопки постельного белья, которые он аккуратно переложил на кровать, желая рассмотреть содержимое полок в глубине. Заметив плоскую коробку, он пододвинул ее к себе и, подняв крышку, просто обомлел. В ней лежала замечательно исполненная миниатюрная копия поезда: локомотив «Пасифик», багажный вагон, пассажирские вагоны из светлого металла с красной полоской, на которой красовалась аббревиатура ТЕЕ^[4]. Не обошлось и без вагона-ресторана с малюсенькими лампами под абажурами на столиках. Посередине коробки лежал набор рельсов.

Шаван был растроган до смешного; как зачарованный мальчишка, он осторожно вынул из коробки один вагончик, второй, заставил их катиться по вытянутой руке, подталкивая паровозик кончиками пальцев то в одном направлении, то в другом. Все это настолько не укладывалось в его мозгу, что он отказывался что-либо думать на сей счет. Он поставил вагончики обратно в предназначенные для них луночки из пластика, точно соответствующие по форме, и отставил коробку в сторону. Он еще не закончил обследовать содержимое шкафа. Из его глубин он извлек также карликовую швейную машинку, пожарную машину с лестницей и много других миниатюрных детских игрушек, которые тем не менее потрясли полным соответствием оригиналу. Неужто Лейла, оставаясь одна, забавлялась, как ребенок? Но ведь Лейла — это Люсьена, а той не пришло бы в голову купить себе игрушечный электропоезд или детскую пожарную машину.

Совершенно сбитый с толку, Шаван поставил все игрушки обратно в том же порядке, в каком их нашел, но еще разок полюбовался вагоном-рестораном. Потом он сложил в ряд стопки белья и под конец подобрал с пола медвежонка. И тут обратил внимание, что по спине зверя протянулась длинная застежка-молния. Должно быть, Лейла прятала в его брюхе ночную рубашку. Он разом рассек животное на две половины. Медвежонок скрывал у себя в нутре пачки банкнот, скрепленные резиночками.

Шаван уже перестал чему-либо удивляться. Он чуть ли не рассеянно пересчитал пачки... Шестьдесят тысяч франков! Шесть миллионов, поправил бы его Людовик. Желая удостовериться, что это все, он пошарил на дне, и его пальцы обнаружили там конверт, а в нем лежала лаконичная расписка, отпечатанная на машинке:

«Я, нижеподписавшаяся, Леони Руссо, признаю, что должна мадам Лейле Катан и деньги в сумме пятьдесят пять тысяч франков, которые обязуюсь ей возместить через шесть месяцев.

Париж, 16 июля 1978.

Леони Руссо».

Шестьдесят тысяч плюс пятьдесят пять тысяч составляют сумму в сто пятнадцать тысяч франков! А Люсьена всегда сетовала на безденежье. Почему же она не просила денег у Лейлы? Шаван пошел выпить джина с тоником. Выходит, она давала деньги в долг под проценты. Какие? Все это предполагало наличие у нее деловой сметки — умения вести картотеку, отчетность. Возможно, Фред являлся одним из ее должников. А Доминик, само собой, принимал в этих делах участие. Хороша парочка ростовщиков! Да нет! Ростовщики не коллекционируют подводные лодочки и швейные машинки. Шаван закурил еще одну сигарету. «Только бы не свихнуться!» — пробормотал он.

В сумятице мыслей верх начинала брать версия убийства. Деньги! Вот, пожалуй, искомая отмычка к тайне. Должник, оказавшийся в отчаянном положении. Почему бы и нет? Но вот как насчет игрушек? Шаван вернулся в спальню, еще раз допрашивая каждый предмет. Двойная жизнь, какую вела Люсьена, — вот что преисполняло его своего рода восхищением. То, что ей удавалось облапошивать их, Людовика и его самого, с такой спокойной дерзостью, сродни чуду. Вот его — это еще куда ни шло. Но Людовика, который ей звонил так часто? Да, часто, но только не по ночам. А царством Лейлы являлась ночь...

Шаван сел за туалетный стол Лейлы, пересмотрел все тюбики, флаконы, прочую косметику. Люсьена усаживалась тут — в гримерной своего театра одного актера. Здесь она изменяла себе лицо, прежде чем выйти на улицу, подобно оборотню. Шаван поглаживал ее парики. А как Люсьена смотрелась блондинкой? Он воображал себе: вот она идет ему навстречу танцующей походкой на высоких каблуках; отблеск золотых серег зажигал огоньки в карих глазах, меняя их до неузнаваемости. Желанная. В объятиях Доминика она становилась настоящей женщиной.

Надев себе на кулак парик блондинки, Шаван принялся его медленно поворачивать, потом, взяв с трельяжа расческу, осторожненько провел ею по волосам, которые чуть потрескивали и, поблескивая, казались живыми. Это было и сладострастно, и невыносимо грустно. Парик — вот все, что досталось ему от Лейлы. Шаван сунул его в карман. Пора идти в больницу.

Поднявшись, он увидел на кровати медвежонка. Зачем пропадать такому богатству, отныне ставшему ничейным. Он набил купюрами карманы пальто и убрал к себе в бумажник заемную расписку. Распределить по карманам сто двадцать купюр по пятьсот франков — проблема невелика. На что ему эти деньги, Шаван еще не знал. Но он наверняка найдет им лучшее применение, чем Лейла!

Шаван положил медвежонка обратно в шкаф, прикрыл дверцы и вышел из квартиры, уже не таясь. Чтобы унять возбуждение, он прошелся до больницы пешком. Ночью снег стоял. Немоощное солнце витало промеж дымившихся розовых облаков. Очень скоро ему придется вернуться на «Мистраль». Время побежит... И если Люсьена умрет, он так никогда и не узнает, кто же была Лейла. А Лейла продолжит свое эфемерное существование. И ему не быть никем иным, как полувдовцом, мучимым полупечалью.

Шаван зашел в канцелярию больницы разделаться с формальностями, которые запустил, и поднялся в палату. Мари Анж указала ему рукой на кровать, где Люсьена, похоже, спала.

— Она в прежнем состоянии. Обследования не дали нам ничего нового. Температура слегка повысилась. Давление низкое.

Шаван подошел к жене и коснулся ее лба.

— Есть ли надежда?

— Доктор не ставит на ней крест. Пока что больная пребывает в состоянии глубокой комы. Но оно может измениться за несколько часов.

— Я не помешаю?

— Да нет. На этот час с процедурами закончено.

Шаван сел рядышком с Люсьеной. Мари-Анж выскользнула из палаты. Люсьена дома, Лейла на бульваре Перейра, а тут лежит эта, третья женщина с лицом серо-пепельного оттенка и закрытыми глазами.

Сам же он — жалкий тип, которого втавили в смертельно опасную игру, бросая рикошетом от одной партнерши к другой, от загадки к загадке. Сняв пальто, хрустевшее от рассованных по карманам купюр, он склонился над лежащей фигурой — надгробным изваянием. Разве она не пошевелилась? Он ощупал в кармане парик. Узнать хотя бы на минуту, хотя бы на секунду, как выглядела Люсьена-блондинка. Шаван не решился шевельнуть рукой, чтобы не совершить, как ему представлялось, святотатства. А что, если его застанут врасплох? Какой стыд — позор!

Волосы закручивались у него на пальцах в завитушки. А между тем что может быть проще? И глядишь, насытило бы его всепожирающее любопытство. Внезапно решившись, он извлек парик из кармана и, уже не контролируя движений, кое-как напялил его на повязку, скрывающую лоб и уши жены. То, что он увидел, заставило его отпрянуть. Мертвенные губы, впалые щеки, опущенные веки — и при этом веселое трепыхание завитушек, венчавших лицо смертницы, было непристойно, подобно блудливому подсматриванию. Шаван живо убрал парик в карман. Он-то надеялся — вот сейчас Лейла внезапно объявится как по волшебству, а вышло, что он утратил ее окончательно и бесповоротно.

— Прости! — шептал он, схватив руку Люсьены. — Прости!

Как выяснилось, «Милорд» — бар на улице Квентен-Бушар, который Шаван нашел без особого труда. Он явился по указанному адресу незадолго до полуночи. Там уже собрался народ, почти исключительно мужчины. Стены украшены фотографиями знаменитостей из мира скачек — лошадей и жокеев. От дыма Шаван закашлялся. Он направился к бару, оглябая несколько групп, на ходу ловя обрывки разговоров о непотребной местности, беспронимательном скакуне, и подошел к стойке, перед которой один табурет оказался свободным.

— Виски, — заказал он. И, понизив голос, спросил: — Не знаете, Фред еще не пришел?

— Слишком рано, — ответил бармен.

— А он бывает тут ежедневно?

— Как когда.

— Я с ним не знаком, но у меня к нему поручение. Предупредите его, что с ним хотят поговорить. Я сяду там, у окна.

Шаван уселся со стаканом в руке в глубокое кожаное кресло, рядом с только что освобожденным столиком, судя по еще дымившемуся в пепельнице окурку. Здесь место встречи завсегдаев скачек. Может, Фред играет на тотализаторе? Но что свело его с Лейлой? Зачем Лейла шляется в этот бар, где клиенты — одни мужики? Может, она играет на скачках? Одним сюрпризом больше, одним меньше. Может, все эти деньги, прикарманенные им, достались ей после нескольких удач на ипподроме? Этот Фред, должно быть, ее консультант. Но как уразуметь тот факт, что Лейла — во всех отношениях — являет собой полную противоположность Люсьены? Если бы она играла на скачках, то по воскресеньям прилипла бы к телику, когда передают новости спорта, тогда как она всегда предоставляла ему выбирать программу на свой вкус. Фильмы, спорт, варьете — ничто не было предметом ее интереса. Бросив взгляд на экран, она тут же бралась за книгу. А между тем Фред не назначил бы Лейле свидание в «Милорде», если бы ей не был знаком этот адрес.

Шаван глянул на часы. Он прорепетировал маленькую историю своего сочинения, позволяющую ему задавать всякие вопросы, не возбуждая недоверия у собеседника. Перед уходом он пару раз перечитал статью о Габоне в маленьком толковом словаре Ларусса, необъяснимо почему лежавшем у них рядом с кулинарной книгой, которую Люсьена никогда не открывала. Там добывают аукумею ^[5], каучук, какао, марганец. Для сочиненной им басни аукумея подходила идеально. Древесина — занятие чистое, прибыльное и даже поэтичное. И мужчина, проживший годы в лесных дебрях, вернувшись в Париж, имеет все основания почувствовать себя в непривычной обстановке. Не позабыть бы названия крупных городов: Либревиль, Порт-Жантиль, Омбуне, Ламбарене. Помнить также имя президента — Бонго. С таким багажом плюс толика ловкости он легко выйдет из любого затруднительного положения. Никто не станет сомневаться в правдивости его слов.

В этот момент Шаван заметил, что бармен разговаривает с невысоким мужчиной в мешковатом пальто покроя реглан. Наверняка с Фредом. Мужчина оглянулся и, поблагодарив парня, направился к столику Шавана. Худой, безбородый, по виду не скажешь, что денег у него — куры не клюют. Шаван привстал.

— Я от Лейлы, — сказал он.

— Ах! Сама она прийти не смогла?

— Да.

Они обменялись рукопожатиями.

— Чем я вас угощаю?

— То же самое.

Фред подал знак гарсону и крикнул: «Два виски!» Он снял фуражку и свой реглан. Седовласый, в клетчатой куртке и галифе.

— Она не приболела? — участливо продолжил он.

— Нет.

— Что-то я вас тут никогда не встречал.

— Я только что вернулся во Францию. Из Габона. Прожил там семь лет. Лейла должна была ехать со мной. Но в последний момент не пожелала.

— Меня это не удивляет, — рассмеялся Фред.

— И все же мы переписывались... А потом я предупредил ее о своем приезде, и сегодня утром мы встретились в аэропорту. Я бы ее не узнал. Надо же так измениться за какие-то семь лет!

— Кому вы рассказываете!

— Мы успели только выпить по стаканчику, и она упорхнула. Похоже, непредвиденные обстоятельства. Она не захотела, чтобы я остановился в отеле, и дала мне ключи от своей квартиры. А также вашу записку.

Шаван развернул на столе записку, извлеченную из почтового ящика.

— Вот почему я здесь и очутился, — добавил он.

— Какая досада, — проворчал Фред. — А она не сказала вам, когда вернется?

— Нет.

— О! Я уже привык. У нее семь пятниц на неделе.

Гарсон принес два бокала виски и спросил Фреда:

— Вы встретили Берто? Он ставит крупную сумму на Пупуля, завтра, в третьем заезде в Канье.

Фред призвал Шавана в свидетели.

— Пупуль. Да вы только подумайте! Надо иметь бабки, чтобы так бросать их на ветер.

Фред и официант обменялись какими-то специальными терминами, и Шаван из их разговора ничегошеньки не понял. Потом кто-то окликнул гарсона: «Антуан!»

— Иду!.. Иду... — ответил тот и поспешил на зов.

— Надо вам сказать, я в прошлом жокей и даже участвовал в стипль-чезе. Девять переломов. Не считая других травм. Теперь я отошел от этого дела, конечно. Но люди еще интересуются моим мнением.

— Лейла тоже обращалась к вам за советом?

Фред поднял бровь.

— Лошади ее не колышут. Ее волнует нечто иное.

— И что же ее волнует?

Фред пристально посмотрел Шавану в глаза. Он, верно, был рыжим, поскольку его ресницы, некрасиво поседев, позволяли различать там и сям золотистые волоски.

— Вы хотели увезти Лейлу в Габон?

— Да. Мы были вроде бы как помолвлены.

Фред углубился в созерцание своего стакана. Наконец он пожал плечами.

— Меня это не касается, — пробормотал он. — Она вам что-нибудь передала для меня?

— Да... свои извинения.

— Ладно, ладно. Извинения. И все?

— Да.

— Вам не показалось, что она очень торопится?

— Да.

Фред залпом осушил стакан и, достав из внутреннего кармана записную книжку, вырвал листок. Шаван протянул ему шариковую ручку, которую всегда держал при себе, и Фред вывел два слова, медленно и прилежно, так как рука его дрожала. Шаван без труда прочел: «Требуется безотлагательно».

— И все?

— Да. Она поймет.

Фред рылся в кармане, но Шаван остановил его жестом.

— Оставьте. Я угощаю. — И положил на стол пятисотфранковую бумажку, изъятую из военных трофеев Лейлы. Фред опять надел свой реглан.

— Спокойной ночи. И не забудьте. Как только она объявится, сразу вручите ей мою записку. Благодарю.

Он протиснулся между клиентами, стоявшими повсюду на его пути к выходу, и Шаван потерял его из виду. Однако образ Фреда продолжал стоять у него перед глазами, четкий, как фотоснимок: три перекрещивающиеся морщины на лбу, серые глаза, маленький шрам в углу рта, адамово яблоко, перекатывающееся вверх-вниз под воротником свитера, а также бегаящий и даже растерянный взгляд человека, который явился неспроста. Отсюда его загадочная записочка: «Требуется безотлагательно». Надо было бы предложить ему денег, но сколько? И не счел ли бы он странным, что Лейла, после многих лет разлуки, дает мне с ходу, без объяснений, столь деликатное поручение? Словом, встреча с Фредом не продвинула меня ни на шаг.

Шаван сидел, задумавшись, перед пустым стаканом. Он пытался отречься от Лейлы. Тем хуже — пусть она навсегда останется для него женщиной, явившейся из ниоткуда и вернувшейся в никуда. Но он знал, что снова придет в бар «Милорд», станет выспрашивать Фреда, чтобы, не подавая виду, выпытать у него хоть крохи сведений, позволяющих ему продвинуться в своем расследовании, ухватиться за след Лейлы, которая, лежа на больничной койке, оставалась эдаким ловким призраком, беспрестанно от него ускользавшим... Перед уходом он задал гарсону еще несколько вопросов.

— Фред ждал молодую женщину — смуглую брюнетку. Он упомянул имя, но оно выскочило у меня из головы. Что-то вроде Аллах... Вы с ней знакомы?

— Нет. Не припоминаю. Но я бываю здесь только по вечерам...

— И... строго между нами... на что живет он, этот Фред, поскольку больше не садится на лошадь?

— Полагаю, — сказал парень, — занимается кой-какими делишками. Но нам тут до этого нет никакого дела.

— Сколько ему лет, как вы думаете?

Гарсон бросил на Шавана подозрительный взгляд.

— А почему бы вам не спросить у него самого?

Кто-то звякнул по стойке монетой. Шаван не стал допытываться и вышел. На Елисейских Полях он остановил такси.

— Сто шестьдесят-бис, бульвар Перейра.

Ему захотелось лечь в постель Лейлы, по-хозяйски занять эту квартиру, где его, возможно, ждали еще сюрпризы. Сев в лифт, он вообразил себе, что Лейла стоит рядом, закутанная в меховое манто, надушенная, пьянящая. Он открыл дверь и пропустил ее вперед. А что потом? Она ушла в спальню, а он, сняв шляпу и пальто, присоединится к ней, допив последний бокал. Пока он раздевался, она запиралась в ванной. Будь у него слух острее, он услышал бы шум воды в душе. Подняв глаза, увидел бы, как она выходит из туалетной комнаты, замотав полотенцем бедра, выставив грудь напоказ. Но он сидел на кровати, уронив руки, ссутулившись, и был отчаянно одинок, как арестант в одиночной камере. Напрасно он говорил себе: «Это моя жена» — и старался уловить ее легкие шаги по паласу.

Какова же она в постели? Этой тайной владеет Доминик. Шаван снял пиджак, расслабил галстук, вытянулся на кровати, чтобы попытаться сшить поразительное лоскутное одеяло из всех деталей, всех данных, какие ему удалось собрать. Он уснул, но вскочил час спустя, снял с себя все остальное и скользнул под плед, не пожелав соприкосновения с простынями. Вконец изнуренный, он заснул лишь поздно вечером, где-то в полдесятого, пытаясь зацепиться хоть за одну мысль, которая была бы ему приятна, но тщетно. Очень скоро он вернется на свое рабочее место — в свой ресторан. Но теперь у него даже пропало всякое желание уезжать из Парижа. Ему не хотелось умываться, делать повседневные движения. Хотелось только одного — ждать... ждать возвращения этого Луазлера, который непременно объявится. И тогда он без озлобления расспросит, как тот познакомился с Лейлой и какой она бывала с ним: кокетливой, чувственной или, наконец, влюбленной.

Такие слова, по мере того как они приходили Шавану на ум, разрывали ему сердце, и он отказывался понять, как же он мог даже помышлять о разводе. Нет, он вовсе не воспылал страстью к Люсьене, а вот к Лейле — да... Какая мука, какая тревога... Это походило на страсть абсурдную, чудовищную. Страсть, обращенную на ту, которая стала тенью, которую ни Доминику, ни Фреду, ни ему самому уже не удастся оживить.

Он сел на постели, зевнул, почесал затылок и тут, увидев записную книжечку в сафьяновом переплете, лениво потянулся за ней. Помимо крестиков, отмечавших дни недели, смысл которых он уже без труда расшифровал, там и сям попадались цифры: 8, 5, 8, 10... Вот они ему ни о чем не говорили. Шаван открыл окно. Внизу, в глубине траншеи, протянулись две железнодорожные колеи. На дворе потеплело, и как бы невзначай стал накрапывать дождик. Он прикрыл раму. Пасмурная погода наводила на него тоску. Теперь ему захотелось уйти отсюда. Поскорее, куда угодно — к привычному гомону кафе, где макают в чашку круассаны, к завсегдатаям бара, облокотившимся на стойку, к жизни без проблем.

Приведя себя в порядок на скорую руку, он покинул квартиру. Но в почтовом ящике что-то лежало... видовая открытка с изображением порта Аяччо, а на обратной стороне — строка, выведенная авторучкой, которая оставляла кляксы:

Приеду — расскажу. Заскочу в пятницу утром.

Целую.

Доминик

Шаван прикинул. В его распоряжении еще один день отпуска. Затем два дня он пробудет на «Мистрале». Да, в пятницу утром он сможет быть здесь и встретить Доминика.

Он снова поднялся в квартиру, переживая слова открытки. Аяччо! В декабре месяце это наверняка не туристическое путешествие. Может, Доминик — коммивояжер? Однако в таком случае он написал бы в другом стиле, а не «Приеду — расскажу». Кто он может быть по профессии? Шаван прикидывал все мыслимые варианты, как вдруг неожиданный звонок у входной двери заставил его прямо подскочить. Луазлер это быть не мог. Тогда кто?..

Переполошившись, Шаван пошел на цыпочках и приник к врезанному в дверь стеклянному глазку.

Он разглядел странный силуэт мужчины в ворсистом пальто, деформированный увеличительным стеклом. Он держал шляпу в руке, как проситель. Наверняка не Луазлер. Шаван решился и открыл дверь. Незнакомец хотел уже перешагнуть порог, но Шаван его остановил вопросом:

— Кто вы такой?

— Я друг Лейлы. А кто вы? Тоже ее друг?.. Право слово, сегодня на нее спрос с самого утра!

Шавану не понравилось все — его тон, его слова. Что-то настраивало на большую неприятность.

— Лейлы нет дома. В данный момент хозяин тут я. Входите.

Закрыв дверь, он последовал за мужчиной в гостиную. Визитер уселся, как у себя дома, и, положив шляпу на стол, начал стягивать перчатки. Волосы подстрижены ежиком. Крепко скроенный, медлительный, лицо пунцовое, далеко за пятьдесят, мешки под глазами, щеки как гусиные ляжки, уши алого цвета, губы глянцевого. Шаван сразу почувствовал, что проникается к нему ненавистью, но принудил себя казаться любезным. Он напел ему заученный куплет: аэропорт, встреча с Лейлой.

— Она не захотела, чтобы я пошел в отель, и дала мне свои ключи. Когда она вернется, не знаю.

— Ну что же, скажите ей, что наведывался Патрис Мансель. Мансель... Запомните? Я клиент со стажем.

Шаван подскочил.

— Клиент со стажем? Что вы хотите этим сказать?

Мансель с удивлением посмотрел на него в упор.

— И долго вы пробыли в Габоне?

— Семь лет.

— И ни разу не приезжали в отпуск?

— Ни разу.

— Короче, по возвращении вы открыли для себя другую Лейлу? Понятно. А раньше она, разумеется, была вашей любовницей.

— Я хотел на ней жениться.

— Вам повезло, что вы этого не сделали. Теперь она любовница многих мужчин.

Шаван побелел, как мертвец.

— Вы хотите сказать, что...

Мансель добродушно улыбнулся.

— Нет и нет. Она не панельная проститутка. Она птица высокого полета. Дама в истинном смысле слова, как вы и сами могли в этом убедиться. Но при следующей встрече она не заставит себя просить дважды и будет вам приятной... да еще как. В особенности потому, что вы возвратились из колоний наверняка с полными карманами... Верно я

говорю? — И он подмигнул Шавану с улыбкой сообщника.

— Иными словами, — понимающе кивнул Шаван, — стоит мне звякнуть по телефону...

— Совершенно верно.

— Выходит, она то, что принято называть call-girl^[6].

Мансель пошамкал губами, как бы смакуя незнакомое винцо.

— Н...нет, — прикинув, возразил он. — Н...нет. Не совсем так. Начнем с того, что она не всегда располагает временем. Она свободна всего по несколько дней в неделю... Я так и не узнал, по какой такой причине...

— Может, она замужем, — злокозненно предположил Шаван.

— Нет. Ничего подобного. Лейла — вдова.

— То есть как это?

— Похоже, она забыла сообщить вам свои биографические данные. Она была замужем. Не бог весть какая партия... Об этом факте своей биографии она не желает распространяться.

— Но как же она докатилась... до... жизни такой?

Мансель протянул Шавану портсигар.

— Нет?.. Неужели?.. Я получаю их прямиком из Голландии. Лучший сорт.

Он неторопливо раскурил сигару, выпустил через ноздри две струйки дыма и продолжил:

— Как она докатилась до этого?.. Лейла со мной никогда не откровенничала, однако легко догадаться. Времена сейчас трудные, дорогой мой, и для хорошенькой женщины, которая любит деньги, не существует ста способов выхода из положения... Это вовсе не проституция и даже не сексуальная потребность. А такая же коммерция, как любая другая, и наиболее доходная. Все равно что стать председателем совета директоров в собственном бизнесе, если вам угодно.

Мало-помалу Шаван обрел столько хладнокровия, сколько необходимо, чтобы не выглядеть дураком в глазах Манселя.

— Вот уж никак не ожидал... — начал он.

— Я ставлю себя на ваше место. Вы расстались с невинной девушкой, а встретились с особой, которая шагает в ногу со временем. Заметьте себе, сейчас такое в порядке вещей. Разумеется, для человека, вышедшего из джунглей!..

Он рассмеялся и встал.

— Могу я вам что-нибудь предложить?

— Но это мне надлежит...

— Ничего подобного. Я здесь как у себя дома, можете не сомневаться. У меня даже есть тут своя персональная бутылка «Схидама»^[7]. А вы расскажите мне новости.

Несмотря на плотное телосложение, Мансель был юрким. Ловко протиснувшись за стойку бара, он переставлял бутылки сосредоточенно, под стать провизору, с абсолютной точностью дозирующего опасное снадобье, наполнил два стаканчика. На его пальце красовался большой перстень с печаткой. Шаван смотрел на него, словно загипнотизированный. Ему снится сон. Он был в этом уверен. Мансель вернулся с двумя бокалами, наполненными до самых краев, стараясь их не расплескать, и один протянул Шавану.

— Ваше здоровье. Это вас подбодрит. Доброе винцо. Лейла им не пренебрегала.

Шаван готов был его задушить. Люсьена, которая терпеть не могла спиртного.

— Превосходно, — из вежливости пробормотал он. — Где же вы повстречались?

— Что-то и не припомню... Нет, погодите, мне порекомендовал ее один друг из нашего клуба.

— И несомненно, другой друг, как вы изволили выразиться, порекомендовал ее вашему другу?

Мансель отставил стаканчик и промокнул губы тонким платком из верхнего карманчика.

— Я не хотел сделать вам больно, — продолжал он. — Возможно, я называл вещи своими именами... Но в конечном счете после стольких лет разлуки, полагаю, вы исцелились от любви к своей зазнобе.

— О да, черт меня побери! — вскричал Шаван.

— Впрочем, не подумайте, что ее любовникам несть числа. Я стараюсь не совать нос в ее дела, но, насколько я ее знаю, почти уверен, что она подобрала себе маленькую клиентуру, которая...

— Вас послушать, подумаешь, что она никого не любила.

Мансель подставил ладонь под длинный столбик пепла, готовый упасть ему на брюки из дорогой шерсти, и высыпал его в пепельницу.

— Знаете, — сказал он, — в ее ремесле сердце — скорее помеха. Но вполне возможно, что кого-то она предпочитала всем прочим.

— И вам на это плевать?

— Осторожно, дорогой мсье, так говорить почти бестактно... Не знай я вашей предыстории, я бы задался вопросом: «С какой луны свалился этот тип?» Но я охотно отвечу на ваш вопрос. То, чего я хотел бы от Лейлы, совсем не то, что думаете вы. Я знавал женщин куда одареннее по любовной части... Нет, Лейла — чудесное маленькое пристанище, поразительно удобное. День-деньской я борюсь с телефоном, своими папками, корреспондентами из-за границы. Экспорт — сушая головоломка. А придешь домой, два моих сына рожу воротят, а жена вечно задерживается... Здесь же получаешь полное отдохновение. Я усаживаю ее на колени и рассказываю все, что взбрет в голову. Она обладает редчайшей способностью. Умением слушать.

В памяти Шавана чередой проходили картины. Он снова видел Люсьену, погруженную в чтение своих романов. Он выговаривал ей: «Куда ты задевала мою сорочку?.. Эй! Люсьена, ты слушаешь меня?» А она, пробормотав что-то невнятное, перевертывала очередную страницу. Нет. Были вещи, уразуметь которые ему не дано.

— В следующий раз, — продолжил Мансель, — я позвоню удостовериться, что мне можно прийти... Время терпит... И коль скоро вы пожелали возобновить это знакомство...

Он приподнял манжету, и приоткрылся золотой хронометр.

— Черт-те что! Уже одиннадцать! Убегаю! Приятно было познакомиться, мсье. Мсье?..

— Матеи, — назвался Шаван.

Осторожность не повредит.

— Так вот, дорогой господин Матеи, хотите доставить мне удовольствие?.. Приходите со мной пообедать. Да-да. Приходите. Мы поговорим о ней... В полпервого, у Раймона Оливье. Вот будет потеха! Я представлю вас Фернану Офруа, одному из моих друзей. Очаровательный господин, возглавляет лабораторию медицинских анализов.

— Я спущусь вместе с вами.

На тротуаре они обменялись рукопожатиями. Мансель остановил такси, охотившееся за

пассажирами, и еще раз дружески помахал Шавану рукой за окном дверцы.

«Черт бы тебя подрал!» — подумал тот и приподнял воротник пальто. Его пронизал холод, в особенности изнутри.

Когда Шаван присоединился к Манселю в ресторане «Гран Вефур», тот пил аперитив в компании с седовласым господином, который явно выглядел старше его. После того как с представлениями покончили, Шаван сел напротив них. Мансель наклонился к нему.

— Мы можем вести откровенный разговор, — сказал он. — Мой друг Офруа в курсе относительно Лейлы.

— Ах! Значит, он тоже...

— Представьте себе, — вмешался Офруа, — но я с этим давно завязал. И если позволите дать вам благой совет, не связывайтесь. Пока мы вас ждали, Мансель поведал мне вашу историю. Вы бы страшно разочаровались.

— Не преувеличивайте, — сказал Мансель. — Если у тебя с ней ничего не получилось, это вовсе не значит... — И, обращаясь к Шавану, добавил: — Бедняга Офруа был к ней малость равнодушен.

— Никогда в жизни!

— Да не скрытничай! В этом нет ничего зазорного!

— Эта барышня — воплощенное себялюбие, — с горечью сказал Офруа.

— А может, сначала поедим? — предложил Мансель.

Нахмутив брови, он изучал меню, как дипломат — договор, параграф за параграфом. Офруа шепнул, обращаясь только к Шавану:

— Как я понял, вы приехали из Габона. Тамошний климат вам не противопоказан?

— Вроде бы нет, — ответил Шаван. — Я жил в лесу, на свежем воздухе.

— И вроде бы занимался розовым деревом?

Появление Раймона Оливье избавило Шавана от необходимости врать дальше. Обмен рукопожатиями. Видно невооруженным глазом, что Мансель — завсегдатай этого ресторана. После бесплодного спора по поводу раков, обжаренных в сухарях, Оливье предложил своим теплым голосом, сулившим чудеса кулинарии, заказать конченный окорок кабанчика по-егерски, что и было всеми безоговорочно принято. После чего явился официант, ведающий напитками.

— Выбор оружия уступаю тебе, — объявил Мансель другу.

— Черт возьми! — отреагировал тот. И грубовато пошутил: — Вот тут-то афиняне и схлестнулись.

Глянув на его пальцы, Шаван перевел взгляд на пальцы Манселя... Эти руки егзили, как паразиты, по коже Люсьены. Вот тут бы ему и уйти, швырнув салфетку на стол. Но постыдное жгучее любопытство словно цепями приковало Шавана к месту.

— Немного аперитива для начала? Очень неплохая вещь, — шутовски коверкая слова, произнес Офруа. — А как вы, мистер Матеи?

«Если он продолжит в таком же духе, я дам ему по роже», — подумал Шаван. И передернул плечами, обезоруженный веселым настроением сотрапезников.

— Я полагаюсь на вас.

Наконец сделали заказ.

— Ты склонен упрекать малышку в том, что она чересчур серьезна.

— Что да, то да.

— Тебе подавай в античном стиле — чтобы те бренчали у твоих ног на лютне.

Офруа призвал Шавана в свидетели.

— До чего же он бывает глуп. Разве вы, дорогой мой, отправляясь к своим негритянкам, собираетесь обсуждать с ними цены на древесину? А вот Лейле хотелось, чтобы я рассказывал ей о своих делах, как будто она что-либо смыслит в подобных материях.

— Лично я, — вставил Мансель, — не усматриваю в этом ничего неприятного. Скажу вам больше. Видишь ли — слушайте и вы, Матеи, — мне случалось спрашивать у нее совета. Представляете себе! У нее есть коммерческая жилка.

— Он полный псих! — воскликнул Офруа, на сей раз с южным выговором.

Мансель доверительно сказал, наклоняясь к Шавану:

— Нам было бы любопытно узнать, а какой была Лейла в ту пору, когда с ней познакомились вы.

Ужасно смущаясь, Шаван задумался.

— Рассудительной, — наконец изрек он.

— Ага! Вот видишь! — победно вскричал Офруа. — «Рассудительной!» Она рассудочная женщина — вот в чем я и упрекаю ее.

— Рассудочная... — повторил Мансель. — Это уж когда как. О да, клянусь, у нее все зависело от момента!

Он рассмеялся с миной неисправимого сладкоежки и наполнил стакан Шавана.

— Что ни говори, а в ее куриных мозгах, — продолжил он, — чертовски много места для цифр.

— О! Если развить твою мысль, — заметил Офруа, — то, идя у нее на поводу, я бы запросто разорился.

Шаван был уже под мухой и не очень-то соображал, о чем они ведут речь. Ему вспомнились миллионы в брюхе плюшевого мишки.

— И она зарабатывает приличные деньги?

Мансель ответил ему с видом заговорщика:

— Тут вы коснулись тайны. Не то чтобы она вела разорительный образ жизни, но, в конце концов, у нее красивые вещи, а они стоят денег. Между тем уверен, что она принимает совсем не многих мужчин. Как же она выходит из положения? Ведь что бы ни утверждал наш шутник — мой сосед, она никогда не пыталась его обобрать. Я как-то прикинул — о, не из ревности, о чем вы догадываетесь, а потому, что люблю знать, что почем. В среднем она свободна три дня в неделю. Утром она принимает меня — и все, поскольку поздно встает и бесконечно наводит красоту; короче, вот уже и полдень. Допустим, в оставшиеся часы она примет еще двух-трех клиентов, так как не терпит, чтобы ее подгоняли. Вот и считайте сами.

Шаван подсчитывал, будучи уже не в состоянии сделать глоток.

— Она находится у кого-то на содержании, — предположил Офруа. — Наверняка за кулисами ее жизни стоит мужчина, который ссужает ее деньгами. Исчезая из нашего поля зрения, она живет с ним. Лично мне Лейла рисуется в провинции, в красивом особняке... Садовник... возможно, верховая езда.

Шаван поперхнулся и спрятал лицо в салфетку. Офруа встал и пошлепал его по спине. Шаван промокнул глаза, полные слез.

Окорок поднесли на длинном блюде под густым соусом кровавого цвета.

— Beautiful! — вскричал Офруа. — Положите себе кусок побольше, чтобы отдохнуть от слоновьего хобота и змеи во фритюре.

— И что же вы собираетесь делать дальше? — поинтересовался Мансель. — Намерены

вернуться в строй и навестать упущенное?..

— Не знаю еще.

— Вы ликвидировали свое дело или приехали в отпуск?

— Ликвидировал.

— Объясните ей все это, — с полным ртом сказал Офруа. — Откройте перед ней свои чековые книжки, и она откроет вам свое сердце. А ведь с этим кабанчиком нам свинью не подложили, верно?

Раймон Оливье остановился перед ними, и тут началось затянувшееся обсуждение рецептов приготовления блюд из дичи. Шаван исподтишка поглядывал на часы. Сытый по горло этим гнусным обедом, он, однако, еще не насытился мерзкими подробностями. В течение стольких лет он был лишен этой женщины, которую оспаривали у него другие мужчины, и теперь испытывал жгучую потребность знать о ней все, стать ей близким задним числом, если уж не состоялся как любовник. Когда Раймон Оливье отошел, он задал вопрос, давно уже не дававший ему покоя:

— А что, это занятие опасное?.. Ведь в конечном счете ей может позвонить кто угодно. (Он вспомнил таинственный звонок по телефону.) И поскольку известно, что она располагает средствами...

— Риск тут не исключен, — допустил Мансель. — Но не на уровне Лейлы. Однако вы кое-что мне напомнили. Она всегда принимала большие меры предосторожности, например, когда нам случалось вместе выходить в свет. Она наблюдала за тем, что происходит вокруг, якобы глядясь в зеркальце и поправляя макияж. Я даже как-то спросил ее: «Чего ты боишься?» Разумеется, она подняла меня на смех.

Он умолк, а Офруа заговорил:

— Кстати, о деньгах...

Разговор перешел на политику.

— Прощу прощения, — извинился Шаван. — Короткий звонок, и я опять с вами.

— А как насчет десерта? — бросил ему Мансель.

— Кофе и мороженое.

Шаван направился к телефону и набрал номер Людовика.

— Крестный, ты не против заменить меня в больнице сегодня после обеда? Мне нужно сделать кучу покупок, а мое присутствие там необязательно.

Он не мог сказать Людовику правду: видеть Люсьену сегодня — выше его сил.

— Нет проблем, — ответил Людовик. — Времени у меня хоть отбавляй.

Шаван повесил трубку. Ему не хотелось больше ни с кем говорить. Вернувшись к честной компании, он объявил:

— Неотложное свидание. Вынужден вас покинуть.

И залпом выпил свой кофе.

— Не с Лейлой ли, случайно? — подмигивая, предположил Офруа.

Из гардероба принесли его пальто.

— Надеюсь, мы еще свидимся, — сказал Мансель. — Ежели я вам потребуюсь — мой номер значится в телефонном справочнике... Патрис Мансель...

— Не забудьте, — присовокупил Офруа, — передать Лейле от нас нежный поцелуй.

Шаван сбежал. Он испытывал потребность спрятаться дома, закрыть ставни, ни о чем больше не думать. Но стоило прийти в эту квартиру, как она вдруг показалась ему чужой, внушала отвращение. Его воротило от всего: Офруа, кабанчик, Люсьена, ее миллионы.

любовники... Лоб у него вспотел. Он повалился на кровать, и его тут же одолели вопросы. Вопросительные знаки танцевали, как кобры. Это подобие послеобеденного отдыха, прерываемое судорогами всего тела в испарине и стонами, продержало его в постели между сном и бодрствованием до самого вечера. Когда же он выплыл из тумана, разбитый телом и душой, одна мысль пронизала его лучом света: «Послезавтра я буду уже далеко! А на остальное мне плевать!»

Через день, как только Шаван отправился в путь с ключом от вагона в кармане, он осознал, что все безвозвратно изменилось. Начать с того, что приходилось всю дорогу отвечать друзьям: «Да, дело пошло на поправку... Да, надежда есть». И тому подобное. И потом, когда после короткой радости — вновь обрести свою поездную бригаду — он призадумался над ситуацией, то обнаружил нечто непредвиденное. В сущности, его больше не тянуло уезжать из Парижа. Будь на то его воля, он прямо сейчас вернулся бы на бульвар Перейра ждать очередного посетителя. Чтобы, проникнув в суть драмы, наконец-то все узнать об этой Лейле, чьи метаморфозы вполне похожи на вызов. И когда поезд тронулся, вместо удовольствия почувствовать, как у него расслабляются мышцы ног, он почувствовал, как у него непривычно сжимается сердце, словно он впервые оставлял дома любимую женщину, которая не была ни Люсьеной, ни Лейлой, не имела имени, но внезапно стала ему дороже всего на свете. Потом, мало-помалу, его привычные движения вновь обрели уверенность. Он углубился в дела, и в его душе появилось что-то окутанное туманом, сродни зимнему пейзажу, плывущему за окнами. Лишь одно можно было сказать с уверенностью: коль скоро он решил порвать с Люсьеной, значит, он учуял в ее поведении что-то настораживающее. Но если Люсьене было так скучно жить с ним, то почему она не взяла на себя инициативу развода? Ибо, по здравом размышлении, это и есть вопрос вопросов. Все доказывало, что она любила роскошь. Разведенная, свободная от брачных уз, она могла бы зарабатывать вдвое больше. А между тем она соглашалась возвращаться в их неказистую квартиру, ждать неказистого мужа, чтобы вести рядом с ним такое нудное существование. Портрет, ресторан «Милорд», миллионы в плюшевом медвежонке, заемная расписка Леони Руссо — все это детали головоломки, которые никак не складывались в цельную картину, поскольку ее центральной деталью, которая помогла бы раскрыть общий смысл, как раз и являлась сама Люсьена. Люсьена у себя дома. Люсьена день-деньской с сигаретой в зубах и книгой в руке.

Если семейная жизнь была для Люсьены ярмом, то почему она не сбрасывала его? Шаван уже задавался таким вопросом и теперь ясно видел, что предполагаемые обвинения не выдерживали критики. Люсьена сделала выбор. Страх, внушаемый ей Людовиком, был недостаточным основанием для того, чтобы удерживать ее при муже. За пределами таких размышлений Шаван продвигался только ощупью. Согласилась бы она на развод, если бы правда стала для нее очевидной? Или же притворилась, что исправляется, лишь бы усыпить его бдительность? Но почему, господи, почему?

Шаван сдался и пошел спать. Насколько он, бывало, стремился уехать подальше от Парижа, настолько теперь сгорал от нетерпения туда вернуться. Он плохо спал и явился в вагон-ресторан задолго до положенного времени. Он позабыл снести свои две куртки в стирку и дал себе зарок постирать их по возвращении. Они выглядели под стать хозяину — помятые, несвежие, но это его как-то не удручало. Он чувствовал, как по милости Лейлы измарали его душу. Так чего уж тут говорить о внешнем виде...

Шаван погрузился в работу, тем самым убегая от печальной действительности, и судил о времени по стоянкам. В его воображении, как на географической карте, «Мистраль», оторвавшись от юга, медленно поднимался на север. Еще немного терпения, и его ждут Париж, бульвар Перейра, а в конце концов — и это самое невыносимое — его ждет встреча с Домиником!

Шаван явился домой в одиннадцать, распотрошил чемоданчик, прихватил с собой пижаму, зубную щетку и велел таксисту отвезти его на бульвар Перейра. В почтовом ящике пусто. Дом погружен в сон. Он потихоньку вошел, включил все лампы, обошел квартиру, чтобы восстановить в памяти расположение комнат. Знать бы, что эта квартира не принадлежит Лейле, вопреки табличке на почтовом ящике. Почему бы и нет? Сбросив пальто и пиджак, он сел и нацарапал карандашом несколько цифр в записной книжке, памятуя слова Мансея: «Подсчитайте сами». В этом квартале подобная квартира стоила самое малое шестьсот тысяч франков. Трудно прикинуть на глаз, сколько Лейла зарабатывала в год, но ведь не свыше восьмидесяти — ста тысяч франков. Да и занималась она этим делом каких-то несколько лет. Нет, вряд ли она могла располагать суммой в шестьсот тысяч франков. Выходит, эту квартиру она только снимала. Но, подписывая договор, должна была предъявить документы, сообщить свое настоящее имя. Осмелилась ли она зайти так далеко? А может, и скорее всего, этот Луазлер является одновременно и хозяином квартиры, и любовником Лейлы?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Шаван прошелся из спальни в гостиную и обратно. Возможно, он во всем ошибался? Возможно, такая женщина, как Лейла, зарабатывала намного больше, чем он мог себе вообразить. Он был всего лишь жалким типом, который знаком с этой стороной жизни только по слухам. Сраженный усталостью, он разделся... «Я всего лишь жалкий тип», — думал он, шевеля пальцами ног, которым досталось за часы непрерывного топтания по ресторану. Лейлина круглая кровать внушала ему отвращение. Он улегся на нее с чувством подозрительности. После душа ему бы полегчало, но он слишком устал. Сон зажал его клещами, и он беспробудно проспал десять часов кряду.

Стоило ему открыть глаза, как первой его мыслью был Доминик. Главное — не накинуться на него с порога! В конечном счете этот Луазлер, возможно, и знать не знает, что у Лейлы есть муж. Несомненно, всем своим знакомым она выдавала себя за вдову. Нет, этому парню следует только открыть глаза на правду — очиститься правдой, как очищают нагноившуюся рану. Шаван раскрутил краны и, пока ванна наполнялась, пошел звонить Людовику.

— Как она себя чувствует?

— По словам врачей, кома стабилизировалась. Вчера я видел троих. Они не слишком-то словоохотливы, знаешь. У меня такое впечатление, что они бродят в потемках.

— Но сколько времени это может продолжаться?

— Видишь ли, бедненький мой Поль, я не очень большой оптимист. А как ты сам? Обошлось без неприятностей?

— Да. Но речь не обо мне. Увижу тебя в больнице после обеда. До скорого.

Шаван поспешил завернуть краны, разделся и блаженно юркнул под воду, несмотря на озабоченность. «Стабилизированная кома» — это означало, что Люсьена погрузилась в небытие, и если такое состояние продлится, то ему грозит в любой час дня лицезреть Лейлу дома — разрушенную, но упорную в своей дерзости. Он энергично намылился, словно желал

содрать корочку, образовавшуюся после ожога.

Вдруг из соседней комнаты донесся голос:

— Лейла! Ты дома?

Шаван так и замер, услышав, что шаги приближаются. Дверь в ванную открылась.

— Послушай, почему ты не отвечаешь?

Возникшая на пороге молодая женщина чуть не закричала, разглядев сквозь пары лицо незнакомца.

— Кто вы такой?

— А кто вы такая?

— Я Доминик.

— А я... друг Лейлы.

Они с подозрительностью оглядывали один другого.

— Не бойтесь, — продолжил Шаван.

— А я и не боюсь. Мне уже случалось видеть голых мужиков и раньше. Но очень хотелось бы узнать, как вы сюда попали.

— Лейла дала мне ключи от квартиры.

— Как, вы сказали, вас зовут?

Шаван вовремя вспомнил имя, каким он назвался Манселю.

— Матеи... Жорж Матеи.

— И по вашим словам, вы друг Лейлы? Она никогда не говорила мне о вас...

— Потому что я находился в Габоне. Я только что возвратился во Францию.

Она рассматривала его, похоже ничуть не смущаясь его наготой.

— А где же ваш африканский загар?

К ней очень быстро возвращалась природная самоуверенность, и она протянула Шавану банный халат.

— Выходите-ка из ванной, — велела она. — От деликатных манер вы не помрете. Вас приглашают в гости, а вы для начала смываете с себя дорожную грязь, если я правильно понимаю.

— Сейчас все объясню.

— Очень рассчитываю на это и скажу Лейле свое мнение на ваш счет. Давайте! Сцену испуганных девственниц разыграете в следующий раз.

Изловчившись, он перемахнул через край ванны, и она расхохоталась, как девчонка.

— С вами не соскучишься!

Все еще не придя в себя от неожиданности, Шаван, завернувшись в халат, побрел за ней в гостиную. Доминик Луазлер! Так это женщина... Карточный домик его предположений рассыпался в пух и прах. И хорошенькая в придачу. Одета с отменным вкусом. Пожалуй, слегка перебарщивает с макияжем. Блондинка, но не соломенная, как эти польки, ее светлые пышные волосы скорее напоминают скандинавскую породу.

Она уже хлопотала у бара, переставляя бутылки.

— По-моему, глоток живительной влаги нам не повредит, — сказала она. — Столкнуться нос к носу с Дедом Морозом в ванной — есть от чего прийти в шоковое состояние.

Она протянула Шавану стакан.

— Садитесь же. Продолжайте чувствовать себя здесь как дома. Ваше здоровье.

Пока она пила, ее глаза над стаканом весело смеялись. Поставив его на стол, она

скрестила полноватые ноги.

— Матеи? — переспросила она. — Я не ошибаюсь?.. Ну и посмеемся же мы с Лейлой, когда я опишу ей картину. Когда же вы с ней виделись?

— Вчера вечером, в аэропорту.

— Как! Она встречала вас?

— Да. Я ее известил.

— Мне она и словом не обмолвилась. Она становится все более скрытной. И давно вы знакомы?

— О! Добрых лет семь... Я встретился с ней у друзей незадолго до своего отъезда. Мы танцевали и потом... Какая нужда расписывать вам нашу встречу? Я влюбился с ходу. И был бы не прочь увезти ее с собой, если бы она согласилась.

Доминик задумчиво допила стакан.

— Странное дело, — сказала она. — Я имею в виду то впечатление, какое Лейла производит на мужиков. Ну и какой вы нашли ее при этой встрече? Вам не показалось, что она чересчур... ну, вы знаете, что я хочу сказать...

— Нет. Я не обратил внимания.

— После семи лет знакомства она вам, полагаю, не просто приятельница. Ведь я могу быть с вами откровенной?.. Наша профессия... Вы понимаете?.. Лучше уж мне предупредить вас сразу, чтобы избавить обоих от тяжелого объяснения. Я вас шокирую?.. Скажите честно. Ну хоть отчасти. Пытаюсь поставить себя на ваше место. Вы прибываете с другой планеты и узнаете, что женщина, о которой вы помнили долгие годы, стала, как говорят некоторые кретины, «дурной» женщиной... О! Мне пришлось с ней повозиться, это точно. Пришлось учить буквально всему. Имя Лейла — его придумала ей я из-за ее восточной внешности. Оно означает «дочь ночи». Согласитесь, неплохо звучит! Ее мать была персиянка, вы разве не знали?.. Потом я учила ее одеваться, чтобы подчеркнуть стиль. Да что там, это я ее создала! Вы на меня не сердитесь? Нет... Вы душка. Еще стаканчик?

Не дожидаясь ответа, она повернулась к бару.

— Зачем она оставила вам ключи?

— Чтобы мне не пришлось останавливаться в гостинице... Поскольку сама она улетела.

Доминик, казалось, удивилась.

— Улетела? Куда?

— Понятия не имею.

— Когда она собиралась вернуться?

— Она не сказала.

— У нее был с собой багаж?

— Не обратил внимания.

Доминик бросила лед в стаканы.

— Право же, с ней не соскучишься. Я шлю ей открытку с Корсики, предупреждая о возвращении, а она втихаря делает мне ручкой.

— Вы живете здесь вместе с нею? — дерзнул спросить Шаван.

— Нет. Ничего подобного. Я сдала ей свою меблированную квартиру. — Доминик кокетливо улыбнулась. — И очень миленькую, правда? Тут все мое, за исключением картин. Они подарки, как вы догадываетесь. Лейла не из тех, кто тратит деньги на живопись. Она слишком практична. Но расскажите о себе, чтобы мы лучше познакомились.

— О! — сказал Шаван. — Я ничего интересного собой не представляю.

— Ну а все-таки! Вы в отпуске?

— Нет, вернулся насовсем. У меня есть кой-какие планы.

— А правда, что французы все еще неплохо зарабатывают в Африке?

— Немного меньше прежнего.

— Ладно. Видать, из вас приходится тащить каждое слово. Вы с Лейлой — два сапога пара. Но когда она вернется, вы не сможете тут оставаться.

— Что же, переберусь в отель.

— Если у вас завелись приличные деньги, возможно, теперь она за вас и выйдет.

Доминик слегка откинула голову, чтобы всласть насмеяться, потом, глянув на часы, встала.

— Я охотно еще поболтала бы с вами, — сказала она. — Вы нравитесь мне. Красавцем вас не назовешь, но что-то в вас есть... Так и хочется перевести вас через дорогу, как слепого. Мы еще увидимся?

— Да-да, разумеется, — поспешил заверить ее Шаван. — Я просто одичал в Африке. И нуждаюсь в человеке, который поможет мне вернуться к цивилизации.

— Ну что ж, тут есть над чем подумать.

— Давайте позавтракаем вместе, — предложил Шаван.

— Ишь какой напористый. И вправду обитатель лесов!

— Где мы встретимся?

— В «Золотой раковине». Это у самого въезда на бульвар Батиньоль. Скажем, в час. Вот увидите — там очень славно. Лейла любит туда захаживать.

Махнув на прощание рукой, Доминик ушла, оставляя за собой шлейф из аромата духов. Шаван слышал, как щелкнула входная дверь. Он так и не шелохнулся в своем кресле, впав в протрацию. В его голове чередой сменялись мысли, как у больного после операции, который отходил от анестезии. Доминик... Это имя и мужское и женское... Выходит, у Люсьены не было постоянного любовника... И он уже столько дней гоняется за тенью.

В общем, с одной стороны, завеса, окружавшая тайну, несколько приоткрылась. Просто-напросто Люсьена вела двойную жизнь, зарабатывала много денег благодаря богатым и не слишком притязательным клиентам типа Мансея. Но с другой, эта тайна оказывалась за семью печатями из-за Фреда, из-за игрушек в шкафу. Какая тут связь с любовными делами?

Шаван рассеянно оделся; его мучила неопределенность. Он снова открыл шкаф и достал Лейлины игрушки. Но сколько бы он ни вертел их в руках, их связь с Лейлой от него ускользала. Может, Доминик смогла бы его надоумить... Насколько он ненавидел Доминик, считая мужчиной, настолько должен отныне усматривать в ней единственную союзницу. Изящная блондинка, хорошенькая женщина, она обернулась для него даже чем-то большим — другой Лейлой, которую так и хотелось заключить в объятия.

Шаван закурил сигарету — дым помогал ему размышлять. В сущности, важно не то, что Лейла была Люсьеной и наоборот, а то, почему ее так любили мужчины. Что же она скрывала от него, но давала другим? И вот то, что она давала другим, несомненно, присуще и Доминик. Помечтав на эту тему, он взглянул на часы. Полдвенадцатого. Ему хватит времени заглянуть в больницу. Снова увидеть Люсьену до встречи с Доминик значило оградить себя от... Он точно не мог сказать, от чего именно... от опасности, что ли?

В больнице его уже знал весь медицинский персонал этажа. Он — несчастный «муж комы». При встрече ему сочувственно улыбались, желая ободрить. Мари Анж с помощью сиделки заканчивала обрабатывать кожу Люсьены тальком.

— Бедная малышка, — сказала она, — если не принимать такой меры предосторожности, чего доброго, замучат пролежни.

— Хотите, я вам подсоблю?

— Оставьте, мы уже набили себе руку. И потом, она стала легкая, как перышко. Ужасно исхудала.

Они перевернули Люсьену обратно на спину, застегнули пуговицы ночной рубашки, которая распахнулась на отвисшей груди. Шевельнув пальцами, Люсьена больше не подавала признаков жизни.

— Как печально видеть в таком состоянии молодую женщину. Наверное, раньше она была прехорошенькой, — сказала Мари Анж.

— Да. Она была хорошенькая.

— Будем надеяться, что все это восполнимо.

Пустые слова. Не утешения, а старые басни. Он посмотрел на утончившийся нос, щеки, казалось бы втянутые внутрь, коричневато-лиловые веки, подкрашенные болезнью. В то время как Лейла... Или, скорее, нет, Доминик. В его сознании эти две женщины как бы играли с ним в прятки. Если он сблизится с Доминик, тем самым он сблизится с Лейлой.

«Ты сама толкаешь меня на это, — подумал он, усаживаясь у изголовья Люсьены. — По твоей милости я чувствую, что иду туда, куда бы мне вовсе не хотелось».

Шавану открывался мир проституток, вызываемых по телефону. Раньше он представлял его себе несколько упрощенно, а между тем не был ни простаком, ни ходячей добродетелью; просто он вел слишком серьезный образ жизни, чтобы не презирать этих созданий, способных только продавать себя за звонкую монету. Они живут в мире ночи... Лейла... Что же произойдет, когда она перестанет отвечать на звонки своих клиентов?.. Это слово резало Шавана по живому, но приходилось предусматривать возможные варианты. Станут ли Мансель, или Офруа, или кто-либо другой поднимать на ноги полицию? А в том случае, если начнется расследование, не дойдет ли дело и до него? Значит, он будет вынужден уйти с работы. И отдать свои фирменные нашивки, как какой-нибудь вероломный армейский офицер.

На лбу Люсьены выступила испарина. Он стер ее кончиком своего носового платка... Но никакого расследования не будет. Проститутка, не подающая признаков жизни, — кого это волнует?

Никого, кроме Доминик, которая станет тщетно ждать квартплаты от Лейлы. Опасность с этой стороны неизбежна.

— Вот видишь, — укоризненно бормотал Шаван, — в какое положение ты меня поставила!

Шаван услышал в коридоре голоса и узнал среди них голос доктора Венатье. Он поспешил выйти за порог. Доктор остановился и сказал сопровождающей его медсестре:

— Я сейчас. Предупредите их.

Затем пожал руку Шавана.

— Вы видели свою жену? Прелюбопытнейший случай, но, к сожалению, весьма распространенный. Кровоподтеки исчезли. Рана на голове полностью затянулась. Все нормализуется, за исключением мозга. Мы еще подержим ее у себя некоторое время... а потом... Поживем — увидим... Однако ничто не потеряно, уверяю вас... Вы меня извините?

Он поспешил следом за медсестрой. У Шавана не хватило мужества вернуться в палату. Бросив последний взгляд на Люсьену с порога, он прикрыл дверь. Опустив веки, Люсьена

отдыхала с трагическим выражением лица. Но она не умерла, поскольку вскоре он в некотором смысле опять встретится с ней в ресторане. От этих абсурдных мыслей у него пошел зуд по всему телу, как от кори. Шаван побрел по бульвару пешком. Он недолго любил это место из-за встречавшихся на каждом шагу sex-shops, ресторанов, киношек, демонстрирующих порнографические фильмы, странноватых гуляк, от которых не знаешь, чего и ждать. Он привык соприкасаться с людьми солидными. С годами он усвоил предрассудки дворецкого в барской усадьбе и в этой обстановке чувствовал себя не в своей тарелке.

Однако ресторан помещался в буржуазной части квартала. Шавана встретил, пожалуй, чересчур предупредительный метрдотель, который усадил его в спокойном углу.

— Я поджидаю даму.

— Хорошо, мсье.

Так значит, Лейла приходила сюда... С кем? Кто был очередным избранником дня? И почему его одолевала странная тревога? Желая избавиться от такого впечатления. Шаван критически огляделся по сторонам. Ресторан смахивал на храм чревоугодия, с кабаньими мордами, как символ ex-voto^[8]; бра изысканно рассеивали свет по скатертям и столовым приборам. Насколько же его вагон-ресторан выглядел шикарнее при всей строгости отделки! Он пробежал глазами меню. Весьма подходящее, но дорогое. Надо зарубить себе на носу, что Лейла, Доминик и иже с ними привыкли вкушать неординарные ресторанные блюда и он не должен скаречничать. Предстать перед ней господином, может, и заурядным, но только не скупердяем.

И вдруг она явилась — в каракулевом мантио и меховой шляпке, глаза веселые — ни дать ни взять Золушка, приехавшая на бал. Гардеробщица бросилась ее раздевать; метрдотель пододвинул кресло. Доминик уселась поудобнее и помотала головой направо-налево, как истинная профессионалка, способная сосчитать взгляды мужчин на лету.

— Правда, нам будет тут уютно?.. И мы сможем вдоволь наговориться — ведь нам нужно так много друг другу поведать!

Доминик извлекла из сумочки зеркальце и проверила, все ли в порядке.

— Аперитив? — предложил Шаван.

— Разумеется. Портвейн.

— Два портвейна! — заказал он. — Вы мне еще так и не сказали, где же ваш дом.

— О! Отсюда не совсем чтобы рукой подать. На улице Труайон. Квартира стоит мне бешеных денег. Но я вынуждена поддерживать определенный standing^[9]. Если вам доставит удовольствие, я покажу ее. Увидите — моя квартирка немного меньше Лейлиной, но очень приятная. Как правило, мы не любим...

Доминик говорила без толики смущения. В ее прозрачных голубых глазах легко читались мысли, тогда как карие глаза Люсьены были ловушками, отражающими свет.

— У меня волчий аппетит, — заявила она. — А у вас?

В ней все было легким, изящным, непосредственным. В голосе играла смешинка, как в шампанском — пузырьки. Шаван вдруг приревновал ее ко всем мужчинам, которые ее посещали. Желая разрушить очарование, он предложил:

— А что, если нам немножко заняться меню... Послушайте... Устрицы для начала?..

— О да, — согласилась Доминик, и ее глаза заблестели. — Да, устрицы и мюскаде.

— Затем рыба?

Она с прилежанием изучала список блюд, сдвинув подведенные брови.

— Знаете, что бы я съела? — наконец изрекла она. — Говяжье филе с кровью и картофель фри. Простенько, но со вкусом, а? И к этому молодого божоле.

— Как я понимаю вас, — сказал Шаван, чувствуя, как быстро улечиваются остатки его недоверия.

Сделав заказ метрдотелю, он наклонился к Доминик.

— И давно вы знакомы с Лейлой?

Доминик шлепнула его ладошкой по спине.

— Надеюсь, вы не намерены говорить со мной только о ней. Я тоже существую.

— Не бойтесь.

Они примолкли, пока официант водружал на металлическую подставку, стоявшую между ними, большое блюдо с великолепными устрицами.

— Пища богов! — воскликнула Доминик. — Жорж, а знаете, вы просто лапочка!

Шаван вздрогнул. Жорж? У него совершенно выскочило из головы, что он Жорж Матеи. Избави бог совершить оплошность. И как же будет ему приятно в ответ назвать ее Доминик.

Проглотив первую устрицу, она продолжила разговор:

— У меня такое впечатление, что мы с Лейлой знакомы чуть ли не всю жизнь. Мы еще вместе учились в алжирской школе. Вы же знаете, что она дочь фермера из окрестностей Бона?

— Она всегда была со мной не очень болтлива. Но я смутно припоминаю, что слышал от нее о таком городе.

— Ее отец женился на берберке, но, заметьте, берберке из знатного рода и красавице в придачу. Лейла своей особенной красотой пошла в мать! И она многим нравится!

Шаван улыбнулся и наполнил бокал Доминик.

— Похоже, она не в вашем духе?

— Нет, почему же. Только я никогда не могла понять, что в ней находят мужики. Вы, например? Что привлекло вас? Ну-ка, объясните.

Попав в затруднительное положение, Шаван притворился, что раздумывает.

— Что меня привлекло? Честно говоря, не знаю. Может, ее несколько... экзотическая внешность.

— Экзотическая? Да не смешите меня! — («Как жаль, что она малость вульгарна», — мелькнуло в голове Шавана.) — Сразу видно, что вам не приходилось видеть ее по утрам, когда мы еще такие, какими нас создала природа. Уверяю вас, она выглядит как любая другая женщина.

— Вы меня удивляете, Доминик. Я считал вас снисходительнее. Ведь Лейла — ваша подруга.

— Одно другому не помеха.

Она вытерла пальцы и предупредила:

— Прошу вас, Жорж, миленький, не нажимайте на мускат. Лично я от него сразу хмелею.

Допив стакан, она осторожно прикоснулась к щекам.

— Начинают гореть, — сообщила она. — Чего доброго, вы подумаете, что я пьянчужка.

— Возьмите еще парочку устриц, — настаивал Шаван. — Они вам фигуру не испортят.

— Она не дурна, моя фигурка, — прыснула Доминик. — Вам нравится?.. Вижу. Вам моя фигура до лампочки. Что вас интересует, так это Лейла. Ладно. Так что же я вам говорила? Ах да. Ее папа был богач. Если бы не восстание, Лейла стала бы хорошей партией. Но ее

подобрал славный малый и отвез во Францию. И вот тут-то вы у меня от удивления рот разинете. Она вышла замуж. Вот чего вы не знали, верно? Незавидный брак, насколько я могла понять, ибо разговоров на эту тему она избегала. А вскоре этот тип умер. Туда ему и дорога!

— Да! — выдавил из себя Шаван, уязвленный в своих лучших чувствах. — Туда ему и дорога... Ну а вы? Прошу вас, расскажите мне немножко и о себе.

Пока убирали со стола и принесли в мисочке теплую воду обмыть пальцы, они хранили молчание. Закуривая «Голуаз», Доминик извинилась:

— Мне не следовало бы курить. Это женщину не красит. От табака мерзкий вкус во рту. Но странное дело, вас я не стесняюсь.

Подали вырезку, и Шаван заказал салат из свежих овощей. Явно зная толк во вкусной еде, Доминик разрежала свой кусок и изучающе посмотрела на него.

— Какое нежное мясо! Хоть вилкой режь.

Метрдотель наполнил их бокалы божоле.

— Я просто наслаждаюсь нашей трапезой, — продолжила Доминик. — Жорж, ты не против, если я перейду на «ты»? Но стоит ли мне рассказывать о себе?

— Без всякого сомнения.

— Так вот, мои родители и я вернулись во Францию после известной тебе заварушки^[10]. Настало невеселое времечко... А потом я попала в Париж... и там... Но чем еще прикажете заняться девушке без гроша в кармане? Я начала с малого, и не единожды все могло плохо обернуться. Клянусь тебе, старикан, добиться независимости — ой как трудно... Право, не знаю, зачем я все это тебе рассказываю. Думаю, ведь и тебе несладко пришлось в Габоне.

— И вы снова повстречали Лейлу?

— Да, совершенно случайно. В магазине «Три квартала». Она покупала перчатки. Я тоже. Мы оказались рядом нежданно-негаданно. Какая все-таки странная штука жизнь! Мы оглядели друг дружку. Вид у нее был неказистый. Я повела ее к себе. Мы поболтали. И я узнаю, что она была замужем, овдовела. Невооруженным глазом заметно — в роскоши она не купается. Я сказала ей: «Последуй моему примеру. Увидишь: стоит однажды решиться...»

— И она решилась.

— О! Не сразу. Она боялась типа, который подобрал ее в Алжире и удочерил... Но в конце концов принялась за дело. У меня обширные знакомства. Я порекомендовала ее одному, другому.

— Как это великодушно с вашей стороны, — дрогнувшим голосом изрек Шаван.

— Бог велел помогать ближним, — сказала Доминик. — Но потом она меня поразила. И знаешь чем? Как правило, типы, которые в нас нуждаются, — я не о тех, кто просто любит это дело, а о других — у кого хандра, так вот эти словно малые дети — их надо ублажать. А с Лейлой все вышло с точностью до наоборот. Я плохо объясняю: все так запутанно... но ты меня понимаешь. Она много страдала, и это делало ее интересной. Так она сколотила клиентуру из стариков, которые вполне годились ей в отцы.

— Они возвращали ей вкус к жизни?

— Вот именно. До такого надо додуматься, ты согласен?

— А может, она и вправду хлебнула горя? Я говорю не о ее детстве, но потом?.. Если у нее был несчастный брак?

Доминик, которая уже протянула руку к бокалу, похоже, задумалась.

— Пожалуй, — допустила она. — Возможно, она хотела взять реванш.

Еще одно слово, вонзившееся ему занозой в самое сердце. Шаван умолк. Официант принес салат, и Доминик собиралась разложить его.

— Позвольте, — остановил ее Шаван.

Привычным жестом он зажал салатный прибор между пальцами так, чтобы ложка была снизу, и ловко поддел салатные листья.

— Bravo! — похвалила Доминик. — Как если бы занимался этим всю жизнь.

Шаван покраснел.

— Я занимался всем понемножку, — пробормотал он. — Но, возвращаясь к Лейле: и много она зарабатывает?

— В этом-то все и дело! — вскричала Доминик. — Насколько мне известно, у нее клиентов — раз-два и обчелся. К тому же она проводит здесь половину недели... А где вторую? Загадка. И тем не менее у нее большие возможности. Я надрываюсь, чтобы свести концы с концами... Ладно, не буквально, разумеется. Словом, я вкалываю. А мадам набивает себе карманы без всякого напряжения.

Шаван схватил Доминик за запястье.

— Между нами говоря... Вы ее недолюбливаете?

С вымученной улыбкой она протянула свой стакан.

— Еще капельку!

— Вы мне не ответили.

— Кому какое дело до того, люблю я ее или нет. Да, я ее не люблю, если хочешь знать. Не из зависти, нет, скорее, она меня раздражает. Лейла — тот самый муравей среди стрекоз из знаменитой басни, помнишь? Женщина, которая копит, копит, но никогда не раскошеляется.

Доминик попала смешинка в рот, и она уткнулась лицом в салфетку.

— Я перебрала, — прошептала она. — Так о чем я тебе толкую?

Промокнув глаза, она изменила тон:

— Ну, хватит. Пора нам сменить пластинку. Поговорили о Лейле, и будет.

— Мороженого? — предложил Шаван.

— Охотно.

— Тогда два мороженных!

— Ты намерен ее дожидаться? — тут же продолжила Доминик.

— Кого?

— Лейлу, черт подери. Долго ждать себя она не заставит. Но предупреждаю, мой мальчик. Держи с ней ухо остро. Иначе она обдерет тебя как липку.

Перед Шаваном молнией промелькнула картина: больничная палата, капельница на кронштейне, и его взгляд скользнул по трубкам к застывшему лицу Люсьены.

— Знаешь, — изрекла Доминик, — прошлое та же кошка. Когда его будишь, оно царапается. Оставь ее — мой тебе совет.

— Может, вы и правы.

Пока Доминик снова наводила красоту, Шаван потребовал счет.

— Полтретьего, — сказала она, обводя помадой гримасничающие губы. — У меня полпятого свидание. Время у нас есть.

— Время на что? — спросил Шаван.

— На то, чтобы поехать ко мне. Мне хочется показать тебе, где я живу. Надеюсь, ты у меня еще появишься пропустить стаканчик? Наверное, тебе ужасно одиноко.

— Ужасно.

— Бедный зайчик. Поехали со мной!

— А кофе не хотите?

— Дома.

Они встали, и вокруг них засуетилась обслуга. На улице Доминик взяла Шавана под руку.

— У меня кружится голова, — пробормотала она. — Но мне хорошо. До стоянки такси рукой подать.

Шаван взволновался, почувствовав руку молодой женщины, затянутую в перчатку, в своей разгоряченной подмышке. Когда они с Люсьеной выходили из дому вместе, она всегда шла поодаль. И если на тротуаре было много людей, руку предлагал ей он.

На стоянке дежурила одна машина.

— Улица Труайон, — сказала таксисту Доминик и прильнула к Шавану. — Эта квартира — моя собственность, как и на бульваре Перейра. Мне порекомендовали вложить деньги в камни. Все это премило, но пришлось влезть в долги и платить разорительные проценты. Видишь ли, я сейчас переживаю трудные времена.

Шаван притворился, что не понимает.

— А что это за свидание полпятого? — спросил он.

— О, не бог весть что. Молодой дурачок приносит мне цветы и распинается в чувствах. До чего же можно быть глупым в таком возрасте. Ты рисуешься мне таким же до твоего отъезда в Габон.

— Спасибо.

— Любовь! На нее нужно столько времени!

Доминик отстранилась от Шавана и молчала, как если бы ее донимали тягостные мысли. Такси остановилось. Они сошли, и Шаван расплатился с таксистом.

— Приехали, — сказала Доминик. — Нам на третий. Я покажу тебе вид на авеню Мак-Магон.

В кабине лифта Доминик гладила кончиками пальцев стенку, по цвету напоминающую сейф.

— Здесь все новенькое, с иголки. Так что я не дала маху. Моя квартира в конце коридора.

Отперев двери, она зажгла светильник в прихожей, потом, взяв Шавана за руку, провела из комнаты в комнату.

— Квартирка малогабаритная, но хорошей планировки. У меня есть и терраска. Сейчас слишком холодно выходить, а вот в теплую погоду ты представить себе не можешь, до чего там приятно... Сними пальто.

Она раздвинула гардины. Шаван подошел к окну и обнаружил вид на авеню Мак-Магон под низким небом, от которого крыши принимали свинцовый оттенок. Местами на них еще лежал снег.

— Я приготовлю кофе, — предложила Доминик.

— Нет, — отказался Шаван. — Извините, но у меня самого свидание.

Он должен был возвратиться в больницу. Должен был как-то оправдаться перед Люсьеной.

Доминик обвила его шею руками:

— Мы же все-таки не расстанемся с тобой на такой ноте, мой миленький Жорж!

С этого момента Шаван совершенно утратил понятие времени. У него было впечатление, что он живет в пузыре, постоянно находится где-то еще, с Доминик. Каждый отъезд из Парижа становился для него мукой, каждое возвращение было ему в радость. Едва переступив порог дома, он бросался к телефону, звонил подолгу, твердя самому себе: «Она подойдет. Она не может быть очень далеко». И когда на другом конце провода трубку наконец снимали, душившая его невидимая рука разжималась на горле. «Алло, Доминик, я хотел пожелать тебе спокойной ночи. Нет. Ничего нового. Нет, ничего не нашел по своему вкусу. Но Бретань мне понравилась». Он заставил Доминик поверить, что намерен приобрести небольшой дом, чтобы разумно потратить сбережения, но, не доверяясь посулам объявлений, выезжал на место сам. Однако случилось, что Доминик так и не отвечала на звонки или, хуже того, говорила:

— Сегодня вечером я занята.

Шаван был не в состоянии совладать с собой и швырял трубку. Он в бешенстве мерил шагами гостиную, от злости хотелось пинать ногами стулья. Ему не хватало воздуха. А потом он валился в кресло и убивал себя непереносимыми видениями. Доминик в объятиях какого-нибудь похотливого старика вроде Офруа. Доминик, млеющая в любовной истоме, — ведь теперь он знал, на что способна эта женщина; он знал и то, что в жизни еще не встречал ничего подобного. Это напоминало недуг, поселившийся у него в крови и порою ослеплявший слезами. Он разговаривал сам с собой: «Какой-то кошмар. Это должно пройти. Что же я, однако, за подонок. В мои-то годы голову от любви не теряют».

И тогда он нескончаемо задавал себе вопросы, один за другим, как перебирают волосок за волоском, вычесывая вшей у обезьяны. Неужто он и вправду полюбил Доминик? Выходит, достаточно одного сладострастного объятия?.. И вслед за ним вспыхивает пожар в крови, налетает шквал страсти? Однако вряд ли с ним все обстояло так просто. Не будь Лейлы, Доминик наверняка никогда бы его не заинтересовала. Доминик — всего лишь посредник, переводчик. И коль скоро Лейла принадлежала ему, Доминик тоже становилась его женщиной... Он начинал путаться в странных мыслях; видел себя играющим в жмурки с тенями, которые ускользали, издеваясь над ним. Доминик... Лейла... Люсьена... Он любил всех троих и всех по очереди ненавидел. Дни проносились мимо, как отшвыриваемые летящим в ночи экспрессом полустанки с их бледными огнями, с тележками носильщиков на опустевших платформах. Время от времени он встречал Людовика в больнице. Незадолго до Рождества дядя ему сказал:

— Знаешь, малыш, я за тебя волнуюсь. На тебя страшно смотреть. Вот уж не думал — только не обижайся, — что ты ее так любил. Ничего не поделаешь. Приходится смириться с мыслью, что она уже никогда больше не будет такой, как прежде.

Шаван едва удержался, чтобы не пожать плечами. Ничто уже не было таким, как прежде! Ничто и никто. Начиная с него самого.

— Доктор дал мне понять, — продолжал Людовик, — что мы могли бы вскоре увезти ее домой, при том условии, разумеется, что заручимся помощью медсестры для вливаний.

Шаван слушал его рассеянно. Он молча обращался к жене. «Я тебе не изменяю. Люсьена... Ты должна меня понять. В каком-то смысле я бегаю за тобой... Доминик... Помнишь? Твоя подруга... Она то, чем была ты... И я для нее, как и для тебя, просто еще

один мужчина среди прочих...» И от того, что он произнес имя Доминик, желание увидеть ее безотлагательно обожгло все его нутро. Кинув последний взгляд на странное создание с закрытыми глазами, он убежал от Людовика, бросился в такси и велел шоферу отвезти себя на улицу Труайон. И там, подобно коммивояжеру, которого ничем не обескуражишь, ждал у дверей. А когда она отворилась, Шаван прижал Доминик к себе. Напрасно стремился он скрыть волнение.

— Я поднимался пешком, — объяснил он, стараясь отдышаться.

— Мой бедненький Жорж! Ты такой же сумасшедший, как и все прочие.

Доминик увлекала Шавана в гостиную, угощала чашечкой кофе, в какое бы время он ни явился. С пристрастием оглядывала с головы до ног.

— И где ты выкопал этот галстук? У тебя такой вид, как будто ты только что прибыл из своего захолустья. И почему ты всегда одеваешься в темные цвета? Ни дать ни взять служащий из похоронного бюро. Хочешь, я займусь тобой всерьез? Да, поняла. Позже. А сейчас ты хочешь другого. Давай пошли!

Она входила в спальню первая.

Однако частенько входная дверь так и не отворилась. Шаван прикинул лицом к глазку, врезанному в дерево. Может, она стояла за дверью и наблюдала за ним, но отказывалась открыть, поскольку была не одна. Шаван воображал себе пиджак, отброшенный на стул, поверх него брюки, носки, валявшиеся у изножья кровати... Сжимая кулаки, он прикинул лбом к двери. «Лейла, — лепетал он, — ты не имеешь права». Наконец он уходил, но, случалось, возвращался и звонил снова. Возможно, Доминик не слышала его звонка?

Однажды он явился на бульвар Перейра как в дурмане, думая, а вдруг она вернулась. Кто? Да Лейла, кто же еще. «Я совсем чокнулся, — подумал он. — Бедный недоумок, ведь Лейла — тебе ли не знать, где она сейчас». Тем не менее он заглянул в почтовый ящик. Пусто. Но там могла лежать записочка от Фреда. «В моих же интересах, — объяснил он сам себе, — повидать его опять».

Новогодние праздники промчались как гирлянды света, бегущие по всему составу «Мистраля». Доминик встревожилась.

— Может, все-таки следовало бы известить полицию о ее исчезновении? Тут что-то неладно. Я прекрасно знаю. У Лейлы свои мелкие секреты, но будь у нее намерение отправиться в настоящее путешествие, она бы меня предупредила.

— Вы часто виделись?

— Часто — не скажешь. В этой профессии каждый печется о себе. И все же я встречалась с ней раз в неделю — десять дней, или же мы перезванивались. Может, с ней что-нибудь стряслось, я не шучу, мой миленький. Достаточно натолкнуться на психованного мужика — и тебя задашат как пить дать.

— Тебе угрожали?

— Да, в самом начале. Потом я научилась остерегаться. Лейла тоже была осторожной, но ради денег она готова на все. С другой стороны, ходить в полицию не по мне. А вот ты — да, тебе это с руки. Ты к Лейле неровно дышишь, да или нет?

— Что за вопрос... Но не хочу лезть в ее дела.

Шаван переживал эти разговоры всю дорогу. Он помнил все до последнего словечка. Помнил и расписку о долге, обнаруженную им в плюшевом медвежонке. Может, из-за нее-то на Люсьену и напали. Обслуживая пассажиров, он мысленно снова и снова перебирал свои подозрения. Потом, сам того не желая, сбивался на мысли о Доминик. Стоило оказаться

вдали от нее, как ему удавалось судить о создавшейся ситуации хладнокровно. Она была безвыходной. Чего мог он ждать от Доминик? Он желал, чтобы она принадлежала одному ему, тогда как такая женщина принадлежала всем. Он брал ее напрокат, когда они выходили куда-нибудь в свет. Она предоставляла в его распоряжение свое хорошее настроение, свои остроумные соображения и дружеские жесты, порою смахивающие на порывы любви, что входило в условия неписаного договора. Он платил ей за это, и немалые деньги. Лейлины. Это Лейла оплачивала его интимные встречи с Доминик. А когда эти деньги иссякнут, Доминик пошлет его куда подальше, и тогда...

Шаван не знал, что произойдет тогда, но чувствовал, что готов пойти на самые крайние меры. Возможно, таким же психом, о котором однажды упомянула в разговоре Доминик, окажется он сам!

После несчастного случая, произошедшего с Люсьеной, события переплелись настолько туго, что он оказался в путах, которые уже ничто не могло ослабить. У него не оставалось в запасе больше ничего, кроме возможности присутствовать при далеко не смешном зрелище собственного падения. Слово это не было слишком сильным. Он и в самом деле катился по наклонной плоскости. Все, что он делал, выглядело смехотворно. Прежде он являлся своего рода интендантом, отвечавшим за питание пассажиров. Теперь же вел себя как черт знает кто. Впрочем, его команда о чем-то догадывалась. К нему относились по-прежнему с доверием, но он знал, что за спиной о нем судачат. К счастью, вагон-ресторан далеко не пустовал — ряды клиентов пополняли отпускники-лыжники, делегаты конгрессов, организуемых на Лазурном Берегу. Шаван по уши уходил в работу, с дежурной улыбкой на устах. Скоро Париж! В квартире нужно навести чистоту. Время от времени он кое-как убирался, на скорую руку постирывал свое белье, форменные куртки и бежал увидаться с Доминик.

— Ты начинаешь меня утомлять, — однажды вечером сказала она.

— А тебе не хочется, чтобы я остался?

— Представь себе, нет. У меня одно желание — побыть у себя дома одной.

— Тебе со мной скучно?

— Наконец-то дошло. Мне с тобой тоска зеленая, и нечего изображать страдальца. Мы добрые приятели, верно? Вот и радуйся. Какого еще рожна тебе надо?

И вдруг она взорвалась.

— Так я и знала, что этот момент настанет. Неужели ты не способен зарубить себе на носу, что я вольная птица? Все! Проваливай. Придешь завтра.

— Не перегибай палку.

— Что ты сказал? Не перегибай палку? Честное слово, ты возомнил себя моим мужем.

Она направилась к входной двери.

— Доминик!

— Доминик не существует. Обратись к Лейле. В конце концов, это твоя проблема.

Он взял шляпу, но остановился на пороге.

— Ты меня прогоняешь?

— Да нет же, глупыш. Я только прошу тебя — позволь мне свободно дышать. Неужели тебе не понятно?

— А можно мне прийти опять?

— Вот зануда!

Доминик вытолкала Шавана за дверь. Он побрел под дождем к Триумфальной арке, как

пришибленный от горя и возмущения. По дороге он зашел в кафе позвонить Людовику.

— Извини меня, крестный. Мне бы следовало позвонить тебе раньше, но поезд сильно запоздал. У тебя есть новости?

— Есть. Им потребовалась палата, которую занимает Люсьена. Нам необходимо принять решение. Для меня самое приемлемое то, какое я тебе предлагал раньше. Врач тоже считает, что это лучший выход из положения. Они испробовали все. Так что теперь колебаться не приходится. Не бери в голову. Я с тобой.

— Спасибо, крестный. Но эта кома — чем она рискует обернуться?

— Кто знает?.. По словам Мари Анж, мозг Люсьены умер. Ты же знаешь ее, Мари Анж! Она не утруждает себя и говорит без обиняков. Не смог бы ты подыскать нам преданную служанку? Поспрашивай у соседних лавочников... А я займусь поисками медсестры, точнее, двух — ведь нам потребуется еще и ночная сиделка. Это станет нам недешево, но что прикажешь делать?.. На несколько недель или месяцев — тут колебаться не приходится. Люсьена обречена, мой бедный малыш. И видишь ли, я бы желал, чтобы она поскорей отмучилась. Так будет лучше и для нее, и для нас.

Зажатый в узкой будке, Шаван с потерянными глазами смотрел на фломастерные надписи вокруг телефонного аппарата. Если Люсьену перевезут из больницы домой, он утратит свободу уходить и приходить, когда ему заблагорассудится. Людовик станет задавать вопросы. Прости-прощай, Доминик.

— И когда же мы должны ее перевезти? — спросил он.

— Как можно скорее.

— А точнее?

— В конце этой недели.

— Нельзя ли немножко повременить? Этот уикэнд — мое дежурство в «Мистрале».

— Если ты согласен, тебе ни о чем не придется беспокоиться. Решай!

Люсьена дома — это равносильно тому, что их дом превращается в больницу. Медицинская сестра постоянно путается под ногами! Не говоря уже о Людовике. Даже не поговоришь по телефону без уверенности, что тебя не услышат. «Да что я им такого сделал, боже правый!» — думал Шаван.

— Алло! — напомнил о себе Людовик. — Ты меня слышишь?

— Да-да. Я прикидывал, как нам лучше поступить. Ладно. Согласен. Выбора у нас нет.

Шаван повесил трубку и, прежде чем покинуть кафе, выпил коньяку. Темнота на улице отдавала привкусом беды.

Люсьену перевезли в субботу, когда Шаван подавал на стол блюдо с овощами, где-то на пути к Сансу. По возвращении Шаван не узнал своего дома. В гостиной стояла раскладушка. На ней он будет спать в промежутках между дежурствами на поезде, когда Людовик останется у себя. А во время дежурств Людовик его подменит. Лучшее кресло переставили в спальню — для сиделки. Людовик раздобыл стол, который поставили у постели Люсьены, — он годился на все случаи жизни. Она по-прежнему сохраняла ужасающую неподвижность, с лицом таким же белым, как подушка. Теперь на кронштейне висела только одна капельница, которая в привычной обстановке спальни приобретала зловещий смысл.

— Колба опорожняется за четыре часа, — объяснил ему Людовик. — Потом ее надо менять. Доктор уточнил все детали до последней; впрочем, всем этим заправляет медсестра.

— А где же она сама?

— Пошла в аптеку. Ее зовут Франсуаза. Увидишь, она очень опытная. Кстати, она же приведет к нам и ночную сиделку, свою коллегу. Но успокойся — нет никакой необходимости не спускать с Люсьены глаз. После того как гигиенические процедуры закончены, достаточно время от времени бросить на нее взгляд и поменять колбу.

Схватив Шавана за руку, Людовик отвел его в сторону.

— Строго между нами, — понизил голос Людовик, — разумеется, мы сделали для нее все возможное, но лечи ее не лечи, а результат один. Та, кого мы видим, уже не Люсьена. Бедная малышка!.. Я покидаю тебя, Поль.

И Шаван остался один, у изножья кровати, глядя на недвижимую фигуру жены. С ее головы давно уже сняли бинты, закрывавшие лоб. Волосы отросли заново. Но не прежнего цвета воронова крыла, а светлее и не такие послушные. На этой голове, напоминающей муляж, только они и оставались живыми. На лице появилось какое-то детское и в то же время недовольное выражение, как будто Люсьена ушла из этого мира, чтобы укрыться в другом месте, известном ей одной, где есть игрушки и плюшевые мишки. И вот теперь она одним своим присутствием начнет вести за ним наблюдение, станет свидетелем его ночных походов и постыдных возвращений домой. Как сможет он, примирившись с Доминик и едва вырвавшись из ее объятий, представать перед Люсьеной, трогать ее руки и, возможно, на глазах у растроганной сиделки чмокать в лоб? Как сможет, находясь перед одной, перестать думать о другой? Здесь он мечтал бы порвать с Доминик, а там всеми силами души желал бы смерти Люсьене. Когда же он потеряет обеих, что неизбежно произойдет в один из дней, он продолжит жизнь с призраком Лейлы, которая станет шептать ему на ушко то языком одной, то словами другой. Так что же прикажете ему делать, чтобы обрести свою мечту? Гоняться за юбками, встречаться со случайными женщинами? Шаван понял, что квартира на бульваре Перейра послужит ему убежищем, когда он уже не сможет больше выносить себя в этой спальне.

Три дня спустя он переночевал там после телефонного разговора с Доминик.

— Можем мы увидеться?

— Не сегодня вечером, зайчик. Сожалею.

— А завтра вечером?

— Исключено. Я буду с аргентинцем. Красавчик парень, приятный во всех отношениях. Ты бы его видел!

— Шлюха! — стиснув зубы, процедил Шаван и, шмякнув трубку, оборвал связь. Он вернулся к себе домой в семь часов следующего утра.

Ночная сиделка укоризненно посмотрела на него, но от замечаний воздержалась.

— Ничего нового?

— Нет. Ничего.

Шаван вошел в спальню, приблизился к кровати Люсьены. Его переполняли бешенство и раздвоенность.

— Я переночевал у тебя, — пробормотал он так, словно Люсьена способна его слышать. — Не в последний раз. И ты мне этого не запретишь!

Однако, когда ему пришлось два часа спустя помогать Франсуазе обмывать Люсьену, оказавшись перед этим отошавшим телом, податливым, как тряпичная кукла, он почувствовал, что готов рассмеяться. Над кем? Он не знал. Ему хотелось остаться одному и больше не слышать слащавых причитаний Франсуазы: «Такая молодая женщина... Вот несчастная судьба... Право же, человек — всего лишь хрупкая былинка!»

«Заткнись, старая мымра! — рычал про себя Шаван. — Да неужели же меня никогда не оставят в покое?!»

День тянулся смехотворно медленно. Шаван сходил купить пачку сигарет, выходил из дому под малейшим предлогом, на минутку задерживался у кровати. А когда ночная сиделка сменила Франсуазу, сбежал. И возвратился на бульвар Перейра. Он устал и посулил себе хорошую ночь в круглой кровати Лейлы. Хватит ему терзать себя.

В почтовом ящике лежала бумажка, которую он развернул. «Я на пределе». Почерк Фреда — накорябано дрожащей рукой, как будто вслепую.

Шаван колебался. Состояние души Фреда его мало волновало. Но он сказал себе, что Лейла знала бы, почему бывший жокей адресовал ей эту странную фразу, звучащую как мольба о помощи. Фред нуждался в деньгах? Но в таком случае он выразился бы иначе, и вот самый момент во всем разобраться. Шаван пересчитал купюры в своем бумажнике: он был, можно сказать, ими набит.

Такси доставило его к бару «Милорд». Времени уже около одиннадцати, и клиентов осталось не много. Шаван высмотрел Фреда — тот сидел в глубине, над рюмкой шартреза. Когда Шаван подошел к столику, Фред поднял голову.

— Не узнаете?

— Погодите... — изрек Фред голосом, осипшим от курения.

И внезапно глаза его оживились.

— Вы друг Лейлы.

Фред поднялся.

— А где Лейла?.. Это она послала вас?

— Вы не против поговорить?

Подав знак бармену повторить заказ Фреда, Шаван уселся подле него.

— Нет, она меня не послала, так как еще не вернулась домой.

— Так долго... Не иначе как ее зацапали.

— Зацапали? Кого вы имеете в виду?

Фред отпил глоток, чтобы, выгадав время, присмотреться к Шавану. Глаза его были воспалены, свободная рука судорожно сжималась и разжималась, словно ушла из-под контроля.

— Если вы пришли по заданию, — сказал он, — можете меня брать.

— Но... Я вас не понимаю, — запротестовал Шаван. — Я друг Лейлы — вот и все. Обнаружив записку в ее почтовом ящике, я пришел узнать, какая у вас проблема. Вам нужны деньги?

Фред грустно улыбнулся.

— Что правда, то правда — в карманах у меня пусто, — признался он. — Так значит, вы не легавый?

— С чего вы это взяли?

— Разве вам не известно, чем Лейла каждую неделю тайком снабжала меня?

— Нет.

— Так вот — она давала мне коки. О, самую малость. Только чтобы перебиться — у меня есть свой поставщик.

— Коки? Вы хотите сказать, кокаином?

— Тсс. Ну да... Причем высшего качества. Но мне жутко не повезло. Мой поставщик как испарился, а Лейла бросила меня на произвол судьбы... Чует мое сердце — добром это

не кончится. Если вам известно местонахождение Лейлы, будьте другом — немедленно дайте ей знать.

Шавану почудилось, что он пьян. Лейла промышляет наркотиками? Разумеется, каким-то кружным путем, но она приобщена к миру гангстеров. Ему следовало давно уже догадаться. Проститутка, втянутая в это дело, быстро попадаетея, ее шантажируют, ей, несомненно, угрожают, и приходится жить тише воды ниже травы, беспрекословно подчиняться. Если же она, на свою беду, особой покорностью не отличается, ее расплющивают о фонарь. Картина начинает проясняться.

— На кого она работает? — спрашивает Шаван.

— Но... ни на кого.

— То есть как? Разве она не относится к какой-нибудь мафиозной сети?

— Ни боже мой. Она совершенно ни от кого не зависит. Для нее это маленький бизнес, которым она занимается на свой страх и риск. Сразу видно, вы плохо знаете Лейлу. Работать на кого-то — да ни за что на свете! Только не она! Но как я понял, в Ницце у нее есть свой человек, который ее ссужает еженедельно крошечной порцией «катуши», а затем она уже сама умудряется сбывать ее здесь. Должно быть, нескольким постоянным клиентам, людям вполне надежным. Все остается, так сказать, в пределах узкого круга, понимаете? Особого риска нет.

— Ну, какой-то риск есть.

— Не без того.

— Ведь кто-то — ее поставщик или сообщник — должен еще доставлять ей наркотик в Париж...

— Думаете, я не допытывался? Как раз для того, чтобы предостеречь ее от неприятностей. Она смеялась. Говорила, что с этой стороны ей абсолютно ничто не угрожает.

— Послушайте, одно из двух: либо кто-то приезжает из Ниццы в Париж, либо она отправляется за товаром сама.

— Нет. Ни то ни другое. Она утверждала, что придумала неплохой ход.

— Какая ерунда! Наркотик сам ножками не ходит.

— Со временем я поверил в это.

Шаван мысленно перебрал несколько гипотез. Но ни одна из них не выдерживала критики. Он точно знал, что в дни его отдыха в Париже Люсьена из дому не выходила. Летала ли она куда-нибудь регулярно, пока он находился в поездках? С риском, что ее засекут? Об этом нечего и думать.

— Так она говорила вам о своем этом ходе? — продолжил Шаван.

— Именно такое слово она и употребляла. И добавила, что никому на свете до правды не докопаться.

— Любопытно! Видите ли, все, что вы сейчас сказали, меня просто ошарашило. Я оставил во Франции робкую, скрытную особу, а кого застаю по возвращении? Особу, которая опутана любовными связями и торгует наркотиками. Я никак не могу прийти в себя.

Фред покачал головой в знак несогласия.

— Вы не совсем правы. Как бы это вам объяснить? Прежде всего, Лейла не то, что вы думаете. Она вовсе не профессиональная путана, не уличная девка — она живет свободно, по своим правилам, как и многие женщины. Меня, например, это не шокирует. И снабжает парочку друзей несколькими граммами порошка!

— Несколько граммов раз-другой, а в сумме — немалые барыши!

— Немалые, да, но, повторяю, Лейла не профессионалка. И вот вам доказательство: щепотку коки, которой она снабжает меня, я получаю безвозмездно. Я оказал ей несколько услуг, и это ответный жест благодарности. Лейла — отличная девка. И если она не вернется в ближайшие дни, мне будет ее чертовски недоставать... Сейчас вы заставили меня призадуматься, и я припоминаю, что в последний раз она показалась мне чуточку озабоченной. Не то чтобы обеспокоенной, нет... Но и беспокойной. Может, поэтому она и уехала. Вы ничего не заметили в аэропорту?

Шаван чуть было не спросил: в каком аэропорту? Он уже по уши увяз во вранье, своем и Люсьены.

— Ничего, — сказал он.

И чтобы покончить с этим разговором, доставая бумажник, присовокупил:

— Будем считать, что это от Лейлы... стоимость нескольких доз.

Он отсчитал купюры по пятьдесят франков. Деньги, вырученные от торговли наркотиками, теперь оплачивали откровенные признания Фреда. Пожав руку экс-жокею, Шаван поспешил уйти. «Лейла нашла ловкий ход, — думал он. — Беспроегрешный! В чем же он мог заключаться?»

Шавана осенило, пока «Мистраль» ехал берегом Беррского залива, расцветенного, как праздничный город, огнями нефтеочистительного завода, ярко освещавшими купола, резервуары, нефтяные вышки, сопла, из которых вырывалось пламя. Он размышлял, стоя на пороге вагона-ресторана, в который раз повторяя про себя данные задачи: никто наркотик не приносил и никто за ним не являлся, а тем не менее он беспрепятственно циркулировал между Ниццей и Парижем. Либо Фред сочинял сказки, либо...

Вот тут до него и дошло. Ну конечно же, кто-то выполнял роль челнока... Он сам! Этим невольным поставщиком являлся он сам, никто другой. Наркотик прятали где-то в его скромном багаже, при выезде из Ниццы. Люсьене же оставалось только его получить. Однако весь его багаж умещался в дорожном чемоданчике: бритвенный прибор, помазок для бритья, мыло, зубная паста, зубная щетка, расческа, две белые форменные куртки. И больше ничего. Войдя в вагон, он вешал выходной пиджак на плечики, но снова надевал его перед выходом из поезда — в Ницце и Париже. Может, наркотик прятали под подкладку?.. В таком случае в пути приходилось бы ее подпарывать и пришивать снова. Но персонал ресторана постоянно сновал мимо платяного шкафа, так что это совершенно исключалось. Может, в его умывальном несессере имелся тайничок? Бритвенный прибор, мыло, зубная паста, расческа отпадали, но вот помазок или зубная щетка? Эта догадка не была абсурдной, но тогда приходилось бы подменять их на полые, а его рука узнавала свой помазок, едва прикоснувшись к нему, а зубную щетку он то и дело покупал новую. Выходит, такое предположение несостоятельно.

Оставались его форменные белые куртки. На стоянке в Ницце они ночевали в вагоне, а по возвращении в Париж Лейла их стирала. На худой конец, они могли бы служить ей для пересылки наркотика, но у них нет подкладки. Шаван поспешил себя ощупать. В мягкой материи тайника не оказалось. А между тем Шаван был уверен, что близок к разгадке. В Ницце, пока состав еще не подали к платформе, кто-то проникал в вагон-ресторан с помощью дубликата ключа. Кто-то, кого Лейла, несомненно, встречала в Париже: может, любовник, а может, наркоман. Вместе они и придумали способ переправлять товар микроскопическими партиями, которые, долгое время скапливаясь, впечатляли.

Так вот оно, почему Люсьена жила с ним! Она бы вовек не пошла на развод, так как нуждалась в этом муже, который регулярно отлучался из дому и привозил несколько граммов порошка, сбываемого ею без всякого труда. Конечно, ей приходилось делить барыши с неведомым поставщиком из Ниццы, но с этим приходилось мириться — какая мелочь в сравнении с выгодой! Он вспомнил про миллионы в брюхе плюшевого мишки — всего лишь ее деньги на карманные расходы, тогда как большую часть капитала она отдавала в рост, о чем свидетельствовала расписка.

«Мистраль» прибывал в Марсель. Сейчас начнется обслуживание пассажиров второй смены. Шаван перестал думать о Люсьене, но, подавая бутерброды с семгой, чувствовал, как унижение леденило ему сердце. Он, образцовый служащий железной дороги, переправлял наркотики в этом вагоне-ресторане, который доверила ему компания...

Шаван принес корзину с хлебом, графин, и у него зачесалось вдруг все тело, как если бы по нему ползали паразиты. Ведь в ночь несчастного случая с Люсьеной он провозил наркотик, как обычно, и этот наркотик все еще находился в тайнике где-то рядом с ним или

даже на нем, поскольку Люсьена так и не смогла воспользоваться очередной партией. Где он? Но где же? Шаван до умопомрачения твердил себе одни и те же слова — скучный перечень его личного багажа. Ни мыло, ни бритвенный прибор, ни зубная щетка, ни расческа... А больше искать негде.

В Ницце, сославшись на необходимость проверить счета, Шаван задержался в ресторане. И когда все его покинули, принялся обыскивать вешалку, потом выпотрошил чемоданчик и внимательно изучил стенки, дно, крышку, не хуже сапера — специалиста по разминированию. Тщетно. Он снял с себя китель и вдруг глазом зацепился за эполеты. Твердый золоченый галунный шнур пришит к синей планке-основе. Этот шнур... А что, если он полый?

Отстегнув эполеты, Шаван просунул палец в завитки галунного шнура и обнаружил сбоку нечто вроде пластиковой пробочки, которую вытащил не без труда. Шнур оказался внутри трубочкой, куда был насыпан белый порошок. Вытряхнув его себе на ладонь, он подумал — наверное, кокаин. Какие-то несколько щепоток, не более. Второй эполет, в свою очередь, выдал ему свое содержимое. Всего-то граммов десять. Но при двух езках в неделю за год это составит с килограмм. О! Фред был прав. Речь шла о крошечной коммерции на свой страх и риск. Неважно. Главное то, что он втянут в эту авантюру без его ведома. Подавленный, он сунул куртки в чемоданчик и, сдав свои отчеты и деньги в контору вокзала, пошел в помещение, предназначенное для отдыха служащих железнодорожной компании.

Там, в темноте и тишине, он заставил Люсьену предстать перед ним. Но на экране своей памяти увидел лишь глухую, немую и слепую женщину. Она никогда не сумеет оправдаться. Подлинные мотивы ее поведения предстояло вообразить ему самому. Ими, безусловно, являлись деньги. Но зачем ей были нужны деньги, коль скоро, в сущности, она так мало ими наслаждалась? Квартира на бульваре Перейра принадлежала не ей. Ее туалеты, меха далеко не представляли собой большой ценности. Половину недели она жила крайне скромно. Во вторую половину, конечно же, позволяла себе вести совсем иной образ жизни. Но если и ходила в ресторан, то за нее платили. И впрочем, даже если бы захотела, она не могла ни покупать в досталь, ни вкладывать деньги, иначе ей пришлось бы время от времени, в зависимости от характера своих приобретений, обнародовать подлинное имя. Таким образом, ей были заказаны большие расходы, как другим заказано играть в казино. В таком случае зачем было ей заниматься этой мерзкой торговлей наркотиками? Вот чего Шаван никак не мог взять в толк. То, что Люсьена, побуждаемая примером Доминик, уступила соблазну мелкого приработка, еще можно было понять. Но и тут во всей своей силе встал вопрос: зачем Люсьена копила деньги? Секс был для нее только средством. По признанию самих клиентов, она была не слишком одаренной по этой части... Так почему же она упорствовала?.. И уж совсем нет объяснения ее идее приумножать доходы с помощью наркотиков. Разве что ее кто-то надоумил? Однако теперь Шаван был склонен думать, что идея родилась в голове самой Люсьены. И вот тому доказательство: никто не мог подсказать ей мысль использовать в качестве тайника эполеты мужа.

За всем этим скрывалась особая изошренность той двойной жизни, какой она жила, что внушало Шавану какой-то ужас. Может, Люсьена была психически ненормальной, страдала паранойей? А почему бы и нет, в конце концов. Может, она испытывала острое удовольствие, насмехаясь над всеми, кто имел с ней дело? Может, она желала остаться одна в мире, где вновь обретет свои игрушки и детство, которого ее так жестоко лишили? Ведь в конце концов, эти спрятанные в шкафу игрушки наверняка что-нибудь да значили. Шавану

наконец приоткрывалась некая правда, пока еще только смутно угадываемая: возможно, Люсьена вовсе не чудовище, а маленькая девочка, затерявшаяся среди взрослых, которые, не обращая на нее никакого внимания, шли своей суровой земной стезей, просто не замечая ее. Шаван проникся к Люсьене жалостью и почувствовал, до какой степени ей недоставало мужа.

Может... Шаван был еще не в состоянии сформулировать ничего, кроме предположений. Но в нем уже начинало укрепляться очевидное: он повел свое расследование, затаив против Люсьены злобу, с намерением смешать ее с грязью, чтобы лучше отстраниться от нее и ненавидеть, а в ее лице ненавидеть всех женщин, подобных ей, во избежание попасться на крючок такой шлюхи, как Доминик. Он с ходу уверовал в то, что она кругом виновата и решила его обмануть, унижить. Тогда как у нее просто не оставалось выбора.

Шаван отдавал себе отчет в том, что плохо выражает обуревающие его чувства, что слова его подводят — они как бы изничтожают то, о чем он так мучительно старался догадаться задним числом.

В помещении было слишком жарко натоплено. Шаван встал выпить стакан воды и внезапно осознал, что наполовину грезил. Хватит! Допустить, что Люсьена была в каком-то смысле не виновата! Какая ерунда. Два часа утра. Пора спать.

И первое, что ему надлежало сделать по приезде в Париж, это перерыть все вверх дном, чего он еще не сделал, всю квартиру Лейлы — имя, от которого его тошнило, — и убедиться, что там не осталось ни малейшего запаса наркотика.

С непривычки подолгу размышлять Шаван уснул только под утро и сошел с «Мистралья» в Париже без единой мысли в голове. Людовик клевал носом в гостиной, сидя перед пустой чашкой.

— Я тебя ждал, — невнятно пробормотал он.

— Нового ничего?

— Ничего. Вчера приходил доктор. Когда спрашиваешь его мнение, он пожимает плечами. Типичный представитель новой школы, они считают, что жестоко продлевать жизнь больным, которые уже не живут, а погружены в сон смерти, как он выразился.

— Ты не переутомился?

— Да, малость. Какую чудную жизнь мы ведем, бедный мой Поль. Не знаю, долго ли я протяну. Спокойной ночи. Попытаюсь добраться до дому. Я говорю — попытаюсь, потому что моя машина, как и ее хозяин, совсем не тянет.

Шаван перешел в спальню. Медсестра читала. Он не позволил ей встать и, облокотившись на спинку в изножье кровати, смотрел на Люсьену так, словно бы видел впервые. Скулы выпирали. Приоткрытые губы слегка обнажали зубы. Он думал о молодой женщине на картине. Которая из них была настоящей? Чтобы сменить медсестру, он обогнул кровать. Шаван прикоснулся губами к смеженным векам, но те не отреагировали. Затем погладил податливую левую кисть и тут обратил внимание на отсутствие обручального кольца. С каких пор его нет на безымянном пальце? После несчастного случая?.. Неужели он по рассеянности не замечал? Или она потеряла его еще раньше? На Шавана так похоже жить рядом с женой, ничего не замечая. Возможно, будь он меньше занят самим собой...

— Ступайте отдыхать, — велел он медсестре. — Я немного подежурю.

— Сейчас. Только замену капельницу...

Это обручальное кольцо — что может быть проще? Люсьена снимала его с пальца

всякий раз, как становилась Лейлой, а потом надевала снова. Но в ночь несчастного случая метаморфоза не завершилась, и оно где-то припрятано. Нужно искать. Шавану хотелось курить, ходить, лишь бы прогнать впечатление, что он бодрствует у гроба покойницы. Вытянувшееся недвижимое тело, слабый свет ночника у изголовья. Не хватало только цветов. Шаван попытался вернуться к своим мыслям прошлой ночи и вспомнил, что в какой-то момент сказал себе, что, возможно, Люсьена и была в известном смысле безвинна, но уже потерял нить своих рассуждений. Ему приоткрылось было нечто важное, способное вернуть мир его душе, а вот сейчас он снова движется на ощупь в потемках. Кончилось тем, что он уснул, запрокинув голову на спинку кресла, с приоткрытым, как у мертвеца, ртом.

На следующий день, после того как Шаван помог Франсуазе обиходить Люсьену, он сел в такси и поехал на бульвар Перейра. В почтовом ящике лежало письмо для Лейлы, а точнее, визитная карточка с лаконичной припиской:

*Несколько дней пробуду в Париже. Зайду повидаться в четверг около четырех пополудни. Хотел бы узнать ваше мнение о новой игре. С дружескими чувствами,
Феликс Деаене,
Мехельсестеснвег, 120.
Антверпен.*

Имя и адрес отправителя просто-таки сбивали с толку. Шаван вскрыл бандероль, как для пересылки печатных изданий, и обнаружил в ней плоскую коробочку. Он внимательно изучил марку. Какой-то славный малый посылал Лейле игрушки из Бельгии. Что еще за новая тайна? Шаван так занервничал, что принялся вскрывать посылочку еще в кабине лифта и извлек ее содержимое, едва переступив порог кухни. Это оказалось что-то вроде пасьянса. Каждая деталь его мозаики имела форму завитка, идеально пригнанного один к другому, и изображала пейзажи северной природы. Дикие фьорды, северное сияние над ледником, сибирская тайга под снежным покровом. С чего бы этот Деаене интересовался мнением Лейлы? Сегодня как раз четверг — день, когда тот намеревался зайти! До четырех пополудни времени хоть отбавляй. Он успеет позвонить Доминик. Пасьянс! Шаван не мог прийти в себя. Перед тем как набрать номер Доминик, он все еще продолжал думать да гадать. Люсьена никогда не проявляла ни малейшего интереса к подобного рода развлечениям. Она не любила ни карт, ни домино. Почему же этот бельгиец решил консультироваться с ней как с экспертом по части детских игр? Озадаченный, он позвонил Доминик и услышал на другом конце провода незнакомый женский голос.

— Могу ли я поговорить с Доминик? — спросил он.

— Мадам уехала.

— А с кем имею честь?

— С уборщицей. В отсутствие мадам я прихожу делать генеральную уборку.

— И долго ли она будет отсутствовать?

— Неделю.

— Не знаете ли, куда она уехала?

— На Корсику, к двоюродной сестре.

Шаван в бешенстве швырнул трубку. Черт бы побрал эту кузину. Ему вдруг стало невтерпеж задать Доминик тысячу новых вопросов насчет Лейлы. Похоже, все это время он исходил из ложной посылки: ему хотелось главным образом сделать больно себе, вместо

того чтобы стараться понять Люсьену. Людовик был осведомлен о детстве Люсьены меньше, чем Доминик. Доминик — ее школьная товарка, ее первая задушевная подруга. Прежде чем совратить Люсьену и придумать Лейлу, Доминик играла с маленькой девочкой-незнакомкой. Было ли у этой девочки счастливое детство? Дружно ли жили между собой ее родители? Стала ли бы она с годами богата, не разразись революция? Вопросы... Вопросы... Все узнать пока еще не слишком поздно. Ведь если Люсьена умрет...

Шаван обнаружил, что уже сама эта мысль отозвалась в нем острой болью. Новизна такого переживания его озадачила и даже в какой-то мере шокировала. И это после всего того зла, какое она причинила ему! Он вновь перебрал в памяти: портрет, ее двойная жизнь, эти игрушки и, в довершение ко всему, наркотики, которые он перевозил как остолоп. Но может, именно потому, что Люсьена зашла слишком далеко, она и не была виновной в том смысле, в каком он считал.

Шаван ждал визитера с вызывающим нетерпением. Несомненно, ее давний любовник. Как пить дать! Он угадывал, что между Деаене и Лейлой существовала давнишняя доверительная дружба — та самая, в какой Люсьена отказывала ему. Когда этот мужчина наконец позвонил, он уже кипел от злобы.

Деаене удивился:

— Мадам Лейлы нет дома?

— Она больна.

— Надеюсь, не серьезно?

— К несчастью, серьезно. Входите...

Деаене был рослым малым лет пятидесяти с кукольным веснушчатым лицом и голубыми бесхитростными глазами. Вешая в прихожей его пальто из верблюжьей шерсти и шляпу с завернутыми полями, Шаван рассказал визитеру про несчастный случай. Тот покачивал головой.

— Сожалею, право, сожалею... А нельзя ли мне ее навестить?

— В настоящий момент это исключено.

— Вы ее родственник?

— Двоюродный брат... Что вы пьете?

— Виски безо льда, пожалуйста.

Шаван наполнял стакан не спеша, чтобы успеть подумать. С Деаене басня про Габон была излишней. С ним, наоборот, следовало, добиваясь доверия, проявить кое-какую осведомленность.

— Лейла поручила мне заменить ее, — сказал он, — но я не полностью посвящен в ее дела. Естественно, мне знаком характер ее занятий. Каждый выбирает себе жизнь по своему разумению, не правда ли? Но сейчас я вынужден проявить любопытство, если хочу быть ей полезен. Как видите, я вскрыл вашу посылочку. И никак не пойму, какое отношение имеет моя кухня к этому пасьянсу.

Деаене угостил Шавана толстой голландской сигарой и закурил сам.

— Сначала вам следует узнать историю нашего знакомства, — сказал он.

Фламандский акцент придавал его словам забавный нюанс, а кустистые рыжие брови и рот, округлявшийся, когда он выдыхал дым, делали похожим на театрального персонажа.

— Нас познакомил один из моих друзей, — продолжал он. — Я возглавлял фабрику игрушек в Антверпене. В последние годы спрос на них сильно возрос, в особенности на миниатюрные игрушки, которые все больше и больше привлекают коллекционеров... Мы с

Лейлой долго беседовали...

— И вы стали любовниками?

— Ничего подобного, — возразил Деаене, размахивая сигарой в знак протеста. — Она превосходный друг, с которым я вижусь, когда наезжаю в Париж. Она вложила немалые деньги в мое предприятие.

— Сколько?

— Но позвольте, — изрек Деаене и намеренно комично приподнял бровь, — может быть, она не одобрила бы мою болтливость. Могу сказать вам одно: она очень умна. Я сразу же проникся доверием к ее суждению и взял себе за правило посылать ей образцы выпускаемых нами изделий, чтобы узнать ее мнение.

— Ах вот оно что!

— Простите?

— Ничего, ничего! Видите ли, я задаюсь вопросом: почему ее привлекали именно игрушки? Если она искала хорошего помещения капитала, то могла обратиться, например, к недвижимости. Так почему же игрушки?

— Я знаю ответ, — сказал Деаене. — Она говорила со мной не таясь. Могу ли я быть с вами откровенным?

— Ну разумеется.

— Она — женщина, которой жизнь не дарила подарков, и в то же время девчушка, детство которой все еще не закончилось. По крайней мере, как я понял из ее признаний.

— А я, честно говоря, не очень хорошо понимаю. В детстве она пережила драму, но...

— Она рассказывала мне. Эта драма наложила на нее ужасный отпечаток. В том-то и дело! В ней что-то сломалось... Как бы застопорилось, так и не найдя себе выхода. Я нередко ощущал это, беседуя с ней. Я не врач-психолог, но думаю, не ошибаюсь. И вот вам доказательство: как-то раз она сказала мне, что никогда не хотела иметь ребенка, что давать жизнь — преступление.

— Так она вам сказала? — задумчиво пробормотал Шаван.

— Да, но в то же самое время игрушки притягивают ее как магнитом. Любопытное явление: с одной стороны, ее воспринимаешь как очень старую, все пережившую женщину, а с другой, я видел, как она хлопала в ладоши, глядя на зайчика, играющего на барабане. Я удивляю вас?.. А между тем вы должны бы ее немножко знать.

— Совсем немножко!

— Она никогда не посвящала вас в свои планы? Ведь она не переставала строить планы.

— Я много езжу...

— Ах вот оно что! Видно, поэтому она и не говорила мне про вас...

— Какие планы?

— Так вот. Ее мечта — занять магазин игрушек. У меня даже было для нее кое-что на примете, в Антверпене. Да. Она говорила, что ее ничто не удерживает во Франции.

— Скажите на милость! — изрек Шаван, задетый за живое.

— О! Но это вовсе не значит, что она предприняла бы дальнейшие шаги. Словом, мне об этом ничего не известно. У нее никогда не знаешь, где правда, где ложь. Она не живет, а витает в облаках. Во всем, за исключением денежных вопросов. Вот тут, клянусь вам, она прочно стоит на земле.

— Она скупая? — спросил Шаван.

Деаене стряхнул мизинцем столбик пепла с сигары в пепельницу.

— Скупая? Нет, тут дело посложнее. По-моему, она всегда стремилась быть обеспеченной. Для нее деньги сродни защитному кокону, теплу. Она тянет на себя деньги, как другой, кому холодно, тянет на себя одеяло. Вам понятно?

— Да, до меня начинает доходить.

— По-моему, правда заключается в том, что она жила в вечном страхе. Этот страх никогда ее не отпускал... Не обычный страх... а страх, который она носит в чреве как живой эмбрион.

— Да замолчите же, — не выдержал Шаван. — Можно подумать, что вы ее любите.

— Это правда, — подтвердил Деаене. — Она того заслуживает. И она так одинока.

Он разразился смехом, от которого лицо залилось краской.

— Главное, не вздумайте вообразить себе что-либо такое-эдакое... Я женат... У меня детки. А Лейла...

Он подыскивал слово, уточняющее его мысль, и заключил свою фразу, внезапно перейдя на серьезный тон:

— Лейла — это Лейла! И ее спасут, правда ведь?

— Весьма сомневаюсь, — сухо ответил Шаван.

— Какой ужас! Молодая женщина — такая привлекательная... и такая хорошенькая. Как же мне больно это слышать. Я возвращаюсь домой послезавтра... Вы позволите вам позвонить и узнать последние новости?

— Я и сам уезжаю, — холодно выдавил из себя Шаван.

Деаене раздавил сигару и встал.

— Если с ней что-либо случится, хотя я и уповаю на лучшее, возникнут проблемы. Она не распространялась о родственниках. У нее не было нотариуса. Она полностью доверяла мне и правильно делала. А что будет теперь?

— В случае ее смерти, — сказал Шаван, — я дам вам знать. Ваш адрес у меня есть.

После ухода Деаене Шаван долго не покидал гостиную и, опустив голову, кружил вокруг стола. Он раскладывал по полочкам элементы проблемы, и мало-помалу подлинная Люсьена обретала форму; от того, что он открывал для себя, его сердце сжималось. Люсьена не переставала убегать не только от него — он для нее ничегошеньки не значил, — но и от чего-то смутного и мучительного, что плохо поддавалось определению, она жила как загнанный зверек в поисках утраченной норы. Толстяк Деаене разобрался в ней. Она говорила, что ее ничто не удерживает во Франции. Эта фраза мучила его, как если бы в него всадили нож. Но, по правде говоря, ее ничто уже не удерживало нигде. И быть может, в конце концов она решила отпустить баранку и ее, как сомнамбулу, притянула пустота. Он так и не узнает правду. И никогда больше не перестанет доискиваться, блуждать по ее следу. Движимый внезапной потребностью увидеть Люсьену, Шаван поспешил домой, словно в страхе, что не успеет застать ее в живых. Но она была тут, вытянувшись на спине в той же позе, в какой он оставил ее. Медсестра вязала. Слышался только легкий перестук металлических спиц, и ее губы шевелились, подсчитывая петли.

Сев подле кровати, Шаван пробормотал у уха жены:

— Люсьена, это я... Мы больше не расстанемся, обещаю тебе.

Он выпрямился, посмотрел на закрытые веки цвета увядших фиалок. Ему хотелось, упершись в стенку, плакать в согнутую в локте руку, как прежде, когда он был ребенком.

— Не знаю, хватит ли нам хлеба, — сказал Амеде. — Эта забастовка на авиалиниях выйдет нам боком. Они должны были предупредить заранее. Теперь все бросятся в поезда. Для первой смены еще наскребем. Но вот увидите, шеф, в Марселе нас ждет столпотворение.

Шаван ничего не ответил. Он думал о шести днях отдыха, которые собирался попросить. Работа перестала его интересовать. Стоило ему надеть белый китель, как он испытывал чувство вины. Уже в Париже он неоднократно проверял эполеты, но порошка в них больше не обнаружил. Таинственный поставщик в Ницце понял, что связь нарушена, и больше не объявлялся. Но стыд не проходил. Он отпечатался на Шаване, как татуировка, сделал его молчаливым. «Ничего удивительного, — бормотал Амеде, — перенести такую беду, какая обрушилась на его плечи».

Шаван работал как заведенный. Устойчиво поставив поднос на предплечье, быстрым движением правой руки он подцеплял порцию говядины. Ложка, захватив немного соуса, поливала мясо, затем, добавив гарнир из картофеля и лист салата, он обслуживал следующего пассажира. Он продвигался по проходу, как по борозде, засевая тарелки едой, и только краешком глаза видел разнообразные прически, лысые макушки, покрасневшие от бордо уши.

Украдкой он поглядывал на свой хронометр, уже считая часы и минуты, отделяющие его от Парижа. Ему не терпелось снова очутиться у изголовья Люсьены, чтобы упорно продолжать следствие по ее делу. «Послушай, мы остановились на том моменте, когда твой папа обнаружил на стенах овина угрожающие надписи. Вы перепугались?.. Естественно, вы перепугались... Людовик мне рассказывал. Именно в этот момент ты и перестала посещать школу...» Таким манером он по клочкам восстанавливал прошлое Люсьены. Ему так хотелось восстановить его минута за минутой, чтобы открыть, в какой именно миг произошел перелом и маленькая девочка решила, что мир — страшная иллюзия, и навсегда замкнулась в себе.

— Будьте любезны принести горчицу.

— Сию минуту.

Шаван снова погружался в обслуживание. Амеде готовил мороженое.

За окнами нет-нет да и мелькнет бледно-голубое море и подъемные краны, скрестившие свои руки над недостроенными стенами. Речь шла о подлинном расследовании преступления. Людовик силился извлечь из памяти забытые детали давних лет.

— Ну как, по-твоему, я могу вспомнить, во что она была тогда одета? — возмущался он. — Да, похоже, она любила наряжаться. Но какое значение это может иметь теперь?

В Марселе «Мистраль» ожидало необычное скопление пассажиров. Тем лучше! Чем больше клиентов, тем быстрее пролетит время. Ресторан быстро заполнялся. Амеде пек слоеные пирожки. Шаван думал, что если Люсьена умрет, то он уйдет с работы или же попросит, чтобы его перевели на другую линию, например Париж — Венеция. С «Мистралем» у него были связаны слишком тяжелые воспоминания. Пожалуй, он даже согласился бы перейти на должность проводника спального вагона. Тогда он смог бы ночи напролет смотреть, как пробегают кадры из его жизни и жизни Люсьены — фильм, смонтированный умалишенным.

Вторая смена затянулась; в ресторане ни единого свободного места. Затем, после

Авиньона, он превратился в кафе. То был час, когда старые дамы, ковляя из вагона в вагон, с опаской проходили через гармошку между ними, чувствуя себя неуверенно перед стеклянными дверьми, которые автоматически раздвигались перед ними в самый последний момент. Они приходили выпить чашку чая. Шаван возлагал их обслуживание на своих подручных и позволял себе потрепаться с Амеде — короткий перекур перед тем, как наступит пора заниматься ужином.

Усталость исподтишка поднималась по его ногам. От самого Дижона Шаван орудовал как робот. Ни одного свободного столика. Стоя перед плитами, Амеде напоминал ударника джазового оркестра, руки которого находятся всюду одновременно, а тело трясется в ритме буги-вуги. Шаван и малыш Мишель то идут гуськом, то навстречу один другому, проворные, деловитые, с гримасой любезности на устах.

Вот и настало время второго захода. Пассажиры теснились у двух входов в вагон-ресторан. Тому, кто не решался войти, Шаван указывал на свободные места. Внезапно он столкнулся лицом к лицу с Доминик. Их взгляды встретились, и это был миг хуже не придумаешь. Однако годы работы в вагоне-ресторане так вышколили Шавана, что он ничем не выдал панического ужаса.

— Нас трое, — сказала Доминик, ехидно ухмыльнувшись.

Шаван вытянул руку.

— Вот свободное место, прошу вас.

Теперь зал был забит битком. Шаван укрылся у входа в контору; он думал: «У меня не хватит сил. Я больше не выдержу». Он потел, как актер, забывший текст своей роли в тот самый момент, когда занавес поднимается. «Как же она, должно быть, сейчас потешается надо мной в душе! Мужчина из Габона! Богатый колонист!.. Да он же не кто иной, как гарсон из кафе!»

— Что с тобой творится? — спросил Амеде. — Посмотрелся бы в зеркало! У тебя лицо такое же белое, как камамбер. Плохо себя чувствуешь?.. На! Держи севрюгу.

Установив поднос на предплечье, Шаван начал обслуживать клиентов. Он вспомнил про забастовку на международных авиалиниях. Нормальное дело — за отсутствием самолета она возвращается с Корсики на «Мистрале». А ее спутники — молодая женщина и мальчик — несомненно родственники. По мере того как Шаван приближался к Доминик, у него на лбу выступал пот. Ей ничего не стоит уязвить его публично, оскорбить при подчиненных или же расхохотаться прямо в лицо, спросить: «Какого шута ты тут делаешь?» И что он ответит? «Я пытаюсь вернуться в строй. И вот согласился на эту работу в ожидании лучшего!» Шаван догадывался, как смешно он будет выглядеть, и краешком глаза наблюдал за Доминик. Та, явно нервничая, крошила свой хлеб. И когда он подошел к ее ряду, подняла глаза, которые смотрели сквозь него.

— Мы возьмем баранину.

Шаван продолжал опорожнять свое блюдо. Отныне что толку названивать у дверей этой шлюшки. И все вопросы, которые он рассчитывал еще задать ей о Лейле, так и останутся без ответа. Все заканчивается хуже быть не может. Преодолевая себя, Шаван обслуживал пассажиров, задевая Доминик по пути туда и назад, каждый миг ожидая оклика, поскольку она не из тех особ, какие спускают обиду, и, должно быть, говорила себе, что он здорово над ней поиздевался. Тем не менее он подавал бараньи отбивные непринужденным движением кисти, чем весьма гордился, и так, будто между ними ничего не произошло. Дуэль состоялась в тот момент, когда он, выписывая счет, задержался у ее столика. Разумеется, он

мог бы поручить это дело кому-нибудь еще. Но взимание платы принадлежало ему по праву, и он ни разу еще не перекладывал эту работу на другого. «В конце концов, — думал он, — я здесь у себя, и, если она хочет скандала, она получит его!»

И все же когда он принес сыр, затем мороженое, внутри у него все дрожало. Доминик выглядела озабоченной и не обращала на него ни малейшего внимания, но Шаван был готов держать пари, что с самого начала трапезы ее мысли вертелись вокруг него.

Он вернулся в проход между столиками с кассой, снабженной выдвижным ящиком для денег, которая висела у него на груди, как лоток. Ему пришлось остановиться как раз за спиной у Доминик, чтобы перевести фунты стерлингов какого-то англичанина во франки — заурядная процедура, хорошо им освоенная благодаря таблице пересчета, и он справлялся с ней без запинки. Тут он заметил, что Доминик извлекла из сумочки чековую книжку. Она обернулась. Их взгляды снова встретились. Шаван собрал все свое мужество, чтобы выдержать ее взгляд и не опустить глаза. Она сдалась первая и стала заполнять чек — медленно, старательно до тошноты. Затем протянула его кончиками пальцев, словно боясь испачкаться, и ее улыбка была оскорбительнее пощечины.

Невозмутимо проверив чек, Шаван прочел подпись: «Леони Руссо». Он чуть было не указал Доминик на ошибку. Но тут мысль сработала так молниеносно, как никогда в жизни. Он понял все, увидел все в каком-то пароксизме прозрения... Кузина, которая подпудривала лицо... Доминик, фамилия которой вовсе не Луазлер, а заурядная Руссо. Доминик Луазлер — так ее величали на боевом посту, таково ее имя женщины легкого поведения. Он положил чек в ящик кассы под купюры и уже удалялся, когда Доминик его окликнула:

— Гарсон!

И подтолкнула по скатерти две пятифранковые монетки.

— Вы забыли чаевые.

Их взоры снова схлестнулись, бросая вызов. Шаван с достоинством поклонился.

— Благодарю вас, мадам.

Но он был вынужден, стиснув зубы, ретироваться на кухню. Ослепляющее озарение, подобно вспышке молнии, осветившей ночной пейзаж, открыло ему все, что ускользало до сих пор. Заемщица — та, кто подписала расписку о получении денег под проценты своим настоящим именем, была Леони Руссо; та, что задолжала Лейле пятьдесят тысяч франков, была Доминик... И все та же Доминик толкнула ее «пежо» на фонарный столб, чтобы избавиться от соперницы, которой завидовала, поскольку та зарабатывала гораздо больше ее самой и ей она должна была вернуть долг. Доминик не только свела Люсьену с пути истинного, приобщила к этой жуткой профессии, но и убила ее. Такова очевидность. Последнее время Лейла боялась. Фред заметил это. Обе женщины, несомненно, были на ножах.

Но и это еще не самое страшное. Поскольку Доминик и спровоцировала аварию, она знала изначально, с первого взгляда на него на бульваре Перейра, что Лейла вовсе никого не встречала в аэропорту. Она мгновенно сообразила, что так называемый друг Лейлы, этот колонист, прибывший из Габона, не кто иной, как самозванец. Ах! Как же она водила его за нос! С каким двуличием! С ума сойти!

— Дай-ка мне глотнуть чего-нибудь покрепче, — попросил он Амеде. — На твое усмотрение. Что-то закружилась голова.

И подумать только, он в нее втрескался, в эту суку! Ненадолго! Только из желания узнать, что же мог испытывать любовник Лейлы! Но с этим покончено. И она признается в

своем преступлении. Он выдавит из нее правду. Шаван выпил глоток спиртного, которое обожгло ему язык.

— Получшело? — посочувствовал Амеде. — Еще час — и ты дома. Хорошо выспишься и завтра будешь как огурчик, вот увидишь.

...Но час спустя Шаван катил на улицу Труайон. Время одиннадцать; входную дверь, пожалуй, еще не заперли. И в самом деле он вошел в дом без проблем и предпочел подняться пешком, чтобы израсходовать избыток энергии, заставлявшей его дрожать, как мотор при перегрузке.

Негромкий звонок в дверь... Никого... Она еще не явилась. «Минутка» на лестнице погасла. Шаван прислонился к стене, руки в карманах, потом прошелся в темноте направо-налево. До его слуха донеслась танцевальная музыка — преодолевая просторы тишины и ночи, она приглашала его к радости. Где Доминик? Вероятно, провожает кузину и мальчонку в отель, так как не смогла бы должным образом принять их у себя в малогабаритной квартирке. Значит, она скоро объявится. Что он скажет ей? И что сделает, если она во всем сознается? Донесет ли на нее в полицию? Он не имел никакого понятия. А что, если она станет нежно шептать: «С такими чокнутыми, как ты, лучше не заводиться. Неважно, из Габона ты или нет, но ты был тут и очень мне понравился», — попадет ли он опять на эту удочку?

Шаван услышал, как внизу сомкнулись створки лифта, и свет из кабины поднялся к нему на этаж. Доминик... Чтобы не испугать ее, он нажал на кнопку «минутки», и лестничная площадка осветилась.

Другая бы на ее месте невольно отпрянула.

— Скажите на милость, — не растерялась Доминик, — ты явился. Но до чего некстати. У меня нет никакого желания что-либо обсуждать. Ну просто ни малейшего.

Она рылась в сумочке, отыскивая ключи, и, пожимая плечами, проследовала перед носом у Шавана.

— Твоими выяснениями я сыта по горло. Ты хоть знаешь, который час?

Доминик открыла дверь. Шаван удержал ее за руку.

— Позволь мне зайти, — взмолился он.

Она выдернула руку.

— Чтобы ты еще говорил мне о своей женушке? — вскричала она. — Хватит! Я уже наслушалась до одури. Я не виновата, что она тебя бросила. Поезжай к ней — ведь у тебя проезд бесплатный.

Доминик со смехом оттолкнула его. Не дав двери захлопнуться, он протиснулся следом.

— Ты выслушаешь меня!

— И не подумаю! Если ты не выйдешь, я закричу!

И тут пальцы Шавана непроизвольно сжали горло Доминик.

— Давай кричи. Кричи! Кричи, кто же тебе не велит, кричи, сука!

Вторая рука поднялась на подмогу первой. Пальцы впивались в ее хрупкую плоть. Они походили на животных, которые перестали узнавать голос своего хозяина.

— Это ты убила ее... Ты!

Шаван бился в конвульсиях, а Доминик давно уже перестала отбиваться, когда его мышцы, одна за другой, ослабли. Пальцы разжались последними, и Доминик рухнула на пол. Он включил свет в прихожей, поискал носовой платок, чтобы вытереть глаза, ослепленные потом. Затем опустился на колени возле трупа и перевернул его на спину.

«Я задушил ее, — думал он. — Это произошло само собой. Выходит, это проще простого!» Им овладела безмерная усталость. Он сел на палас и долго сидел неподвижно, будучи не в состоянии шевельнуться. Мало-помалу он осознавал, какая сложилась ситуация. Поднимать на ноги полицию необходимости нет. Двоюродная сестра Доминик, забеспокоившись, предпримет все необходимое. Никто не удивится. Проститутка, убитая случайным клиентом, — в этом нет ничего из ряда вон выходящего. При условии, если подработать декорацию. Шаван поднялся на ноги и налил себе две порции водки с водой. Он выпил одну, оставил оба стакана на столе, стерев следы своих пальцев. Потом высыпал содержимое сумочки на пол и разбросал. Вот! Кто-то задушил Доминик, но это был не он.

Ни малейших угрызений совести. Напротив, неизведанный душевный покой. Как если бы он выполнил дело бесконечно трудное, но необходимое. Выключив свет, он бесшумно запер дверь и вышел из дому, не встретив на своем пути ни души.

Когда Шаван явился домой, Людовик уже ушел.

— Мсье Людовик ждал вас до одиннадцати, — сообщила ему сиделка. — Он оставил вам записку.

«Извини, что я тебя не дождался, — прочел Шаван, — но я забыл дома папаверин. Зайду завтра утром. Не беспокойся. Все нормально».

Шаван прошел в спальню. Люсьена лежала тут, как неодушевленный предмет. Он остановился в изножье кровати. «Лейла умерла», — чуть слышно сказал он, словно она могла его услышать и порадоваться. Облокотившись на медную трубку кровати, он замечтался. Долгая погоня наконец закончилась. Отныне ему не светит ничего, кроме этого немого тет-а-тет, более содержательного, нежели любой диалог. Вконец изможденный, Шаван был уже не в силах сделать и шагу, чтобы пойти и лечь спать. Он смотрел на Люсьену. Он больше никогда не устанет смотреть на нее. Голова его закачалась, и он отдал себе отчет в том, что теряет сознание. Едва успев опуститься в кресло, он уже спал.

На следующее утро его разбудил Людовик.

В каком-то оцепенении Шаван снова включился в рутину повседневной жизни. Метро, «Мистраль», суэта на работе. Все поплыло одно за другим, и он утратил ощущение времени. Ему больше не хотелось всматриваться в прошлое Люсьены. Достаточно и того, что она здесь. В какой-то момент он, конечно, интересовался тем, что газеты прозвали «делом Луазлер», но так, как будто речь шла о чем-то, не имевшем к нему никакого отношения. Полиция, поднятая на ноги звонком двоюродной сестры, обнаружила труп Доминик, но не знала, по какому следу идти. Было начато следствие, допрашивали подозреваемых. Но о ее обширных связях с мужчинами ничего не было известно, да и усердие полицейских оставляло желать лучшего. Одна вечерняя газета опубликовала довольно пространную статью — Шаван пробежал ее в Ницце, — где высказывалось такое предположение: преступление совершено случайным клиентом жертвы, возможно с целью ограбления, поскольку ее сумочку распотрошили. Поиски убийцы, несомненно, дело затяжное.

Шаван не чувствовал никакой угрозы. Разумеется, его, наряду с прочими мужчинами, видели в обществе Доминик, но в таких местах, где не принято лезть в чужие дела. К тому же никто не знал его имени. Да и какое значение это имело! Он уже не испытывал ни гнева,

ни ревности — никакого сильного чувства. Он, в свою очередь, как бы впал в кому, которая притупляла его мысли, смягчала воспоминания. Он больше не задавался вопросом: «А что теперь?» — а жил по инерции, довольный, когда уезжал, и более того — счастливый по возвращении. Он и слушать не желал, что Люсьена обречена. Важно было иметь ее в своем распоряжении, воспользоваться неизменностью присутствия этого тела, возможно и без души, но зато оно больше не могло от него ускользнуть. Сразу по прибытии в Ниццу он звонил Людовику.

— Что ты хочешь от меня услышать? — теряя терпение, отвечал тот. — Все по-прежнему. Пора бы тебе привыкнуть.

Сойдя с поезда в Париже, он торопился скорее попасть домой.

— Ну как она провела эти два дня?

Людовик и медсестра переглядывались. Шаван проходил в спальню, склонялся над Люсьеной. Никогда, чтобы ее поцеловать. Просто чтобы увидеть ее вблизи, изучить морщины, которые вокруг рта и крыльев носа все больше походили на трещины, как если бы ткань лица медленно трансформировалась во что-то вроде глины. Случалось, он брал ее руку. И бормотал: «Останься!» — как человек, разговаривающий во сне.

— Как это неблагоприятно с твоей стороны, — выговаривал ему Людовик. — Помнится, ты уделял ей гораздо меньше внимания.

— Но сейчас она нуждается во мне, — сухо парировал Шаван.

У него вошло в привычку привозить из Ниццы гвоздику, розу и класть на подушку.

— Это негигиенично, — протестовала медсестра.

— Зато мне приятно... И ей тоже, я уверен.

Дни начали удлиняться. Вечер долго алел над Беррским заливом. Под Авиньоном они проехали первое грушевое дерево в цвету, и Шаван, застыв посередине прохода с кофейником в руке, провожал его глазами, пока оно не исчезло из виду. В тот же вечер он узнал новость: убийцу Доминик наконец-то арестовали. Этот бармен, работавший на авеню Ваграм, уже признался в убийстве двух проституток и не замедлит признать себя виновным и в смерти Доминик Луазлер.

«Пусть себе выкручивается, как знает», — подумал Шаван. Но целую неделю был сильно озабочен — настолько, что его тянуло послать в полицию анонимку, снимающую вину с этого парня. Он отказался от этой затеи, так как мало-помалу при воспоминании о Доминик он вспоминал Лейлу, а Лейла была Люсьеной, и он силился отвергать такое непристойное сближение, напоминавшее ему о его собственном блюде. И тогда начинался его возврат к Лейле и Доминик, создавая у него впечатление, что он бесконечно кружится в беличьем колесе, отчего у него обрывалось сердце. Пусть себе!.. Он смолчит.

Шаван купил в Ницце огромный букет мимозы и повез в Париж.

— Вы балуете ее, свою жену, — сказал ему Амеде. — Ей повезло, что у нее такой преданный муж.

А вот Людовик нахмурил брови.

— И что прикажете с этим делать?! Похоже, ты плохо соображаешь.

Взяв букет у него из рук, он швырнул его на кухонный стол, так что желтые шарики

рассыпались по плиткам.

— Поль... Прикрой-ка дверь!.. Чтобы нас не услышали.

Шаван внезапно почувствовал себя в опасности. Лицо Людовика не сулило ему ничего хорошего, как бывало в худшие дни.

— Садись.

Шаван покорно притянул стул к себе.

— Что означают эти цветы, а? — продолжал Людовик. — Что ты любишь Люсьену? Что ты мучаешься по ее милости?

Заложив руки за спину, он расхаживал по кухне, подыскивая слова.

— Нет, это было бы уже слишком, — возразил Шаван.

— Ты должен знать, Поль. Сегодня утром врач сказал без обиняков. Люсьена потеряна безвозвратно.

Он встал напротив Шавана.

— Потеряна, слышишь? По его словам, все решится днями.

— Да что он знает? — вскричал Шаван.

Людовик положил ему руку на плечо.

— Правда заключается в том, — продолжал он, — что Люсьена покинула нас уже давно. Мне не хотелось бы делать тебе больно... Ах, как же это трудно... Она перестала быть с нами еще задолго до несчастного случая. Понимаешь?

— Нет, — пробормотал Шаван. Но он уже опустил голову, желая скрыть стыд.

— Она обманывала тебя, мой бедный Поль. Она обманывала нас обоих.

Подняв с пола желтые шарики, Людовик машинально подбрасывал их на ладони.

— Девчушка, которую я... это невозможно!

Похоже, его глазам привиделась девочка, некогда взбиравшаяся к нему на колени. Он как бы очнулся ото сна и посмотрел на дядю.

— Не веришь? А между тем у меня есть доказательства. Однажды я встретил ее неподалеку от «Лидо»^[11] — она шла под руку с мужчиной. Представляешь?! Я просто обомлел.

Он ждал ответа. Шаван, оцепенев, стиснул зубы.

— Никаких сомнений — то была Люсьена... Тогда я решил удостовериться. В те дни, когда ты находился в поездке, я выслеживал ее... И в конце концов обнаружил, что она занимала квартиру на бульваре Перейра, скрываясь под именем... в жизни не угадаешь... Кетани! Это ее девичья фамилия. Она вернулась к своим истокам, как сахарская лисица возвращается в пустыню. И видишь ли, я спрашиваю себя, а была ли она вообще когда-нибудь с нами?

Усталым жестом он швырнул желтые шарики мимозы в раковину.

— Сам я слишком стар. Но ты со временем ее позабудешь. погоди! Я не закончил. Она выбрала себе довольно редкое имя — Лейла... Несомненно, для того, чтобы с большим успехом заниматься своей профессией... Ее профессия, Поль... Мне нет необходимости ее уточнять.

— Замолчи, — прошептал Шаван.

— Да, сейчас замолчу, только сначала... Ну что ж, пускай, я расскажу тебе все... При том, до чего мы сейчас докатились... Шестое декабря — дата, которую я не скоро забуду... Был вечер. Я увидел, как Люсьена входит в дом на бульваре Перейра с клиентом... Я вынужден употребить это слово... Разодета как принцесса... Я поджидал в своей машине —

когда приспичит, я умею быть терпеливым. Посреди ночи из дома выскользнул тип... И кого я вижу немного погодя? Следом выходит Люсьена, уже преобразившись — в своей обычной одежде. Короче, твоя жена! С некоторых пор она проявляла подозрительность. И вот, она смотрит направо, затем налево и, сев в ваш «пежо», тут же трогается с места. Все это происходит настолько быстро, что у меня нет времени для маневра. Я сразу подумал: «Тебе от меня не удрать, малышка!» И бросился в погоню.

— Вранье, — пролепетал Шаван, получив удар в самое сердце. — Не станешь же ты мне говорить, что это ты...

— Да, я. Я попытался было прижать ее к тротуару, чтобы вынудить остановиться. Она узнала меня и тут, должно быть, в панике потеряла управление. Я готов был прийти ей на помощь, если еще не поздно. Но тут же подумал о скандале, о нашей подмоченной репутации, о тебе, мой бедный Поль. Я предпочел поставить на ноги полицию, но не назвался. А потом, увидев, как ужасно она пострадала, счел за лучшее не усугублять твоего горя. Но теперь хватит, я уже не в силах выносить твои страдания. Люсьена — разумеется, мы станем за ней ухаживать, как только сможем, но выполняя свой долг, и ничего более.

— Значит, ты...

— Да. Я!

Людовик протянул руку Шавану, но тот отпрянул.

— Не прикасайся ко мне!

— Ах, Поль! Ты меня просто убиваешь. То, что она нас обманула, ужасно само по себе. Но если она сейчас нас разлучит...

Двух мужчин разъединяла стена молчания. Некоторое время спустя Людовик подошел к двери.

— Ты предпочитаешь, чтобы я ушел?

— Да.

— Прости меня, Поль. Я был обязан открыть тебе глаза на правду.

— Да-да! — крикнул Шаван. — Но оставь меня одного, господи, оставь меня одного.

Людовик вышел из кухни. Шаван долго протирал глаза. Потом приготовил кофе и выпил чашку залпом. Главное — больше не раздумывать, не увиливать. Правда! Она была налицо. Людовик совершенно прав. Так больше продолжаться не может. Шаван вернулся в гостиную, полистал телефонную книгу и снял трубку.

— Алло... Полицейский участок?

Он говорил шепотом, чтобы не услышала медсестра.

— Алло... Я хотел бы поговорить с инспектором... Значит, так... Мне надо сделать заявление. Убийца Доминик Луазлер... Да, знаете, на улице Труайон... Это я... Меня зовут Поль Шаван, я проживаю в доме тридцать три по улице Рамбуйе... Нет, это истинная правда. Я вовсе не расположен рассказывать басни... Убийца — это я... О! У меня нет намерения убежать, это очевидно. Можете не торопиться. Я вас подожду... Второй этаж, дверь направо...

Шаван положил трубку. Никогда в жизни он еще не ощущал такого умиротворения. Он пошел к медсестре и шепнул ей на ухо:

— Ступайте спать в соседнюю комнату. Мне спать еще не хочется. Я подежурю. И если услышите звонок, не беспокойтесь. Я сам открою дверь. Ко мне должны прийти.

Сиделка подавила зевок.

— Капельница еще почти непочатая. Когда она опорожнится, кликните меня. Я заменю

ее на другую. Так распорядился доктор. Он считает, что наша больная очень ослабла.

— Не волнуйтесь. Я прослежу.

Шаван закрыл за ней дверь. Какая гора внезапно свалилась у него с плеч. Он подошел к кровати, не без труда снял с пальца обручальное кольцо и надел его на безымянный палец Люсьены. Кольцо оказалось великовато для ее костлявого пальца. Одной рукой он с неизбывной нежностью придерживал его, не давая соскользнуть, а второй — отсоединил трубку от колбы. И стал дожидаться прихода полицейских.

ЛЮБИМЕЦ ЗРИТЕЛЕЙ

Разумеется, роман этот — вымысел от начала и до конца, и если по ходу действия нам приходилось вводить в него того или иного реального персонажа из мира кино, то непринужденность тона здесь только кажущаяся. Мы делали это без толики неуважения. Как раз наоборот. Что касается разговоров, которые ведут на их счет наши вымышленные персонажи, то ответственность за сказанное полностью остается на их совести.

— Вас освежить, мсье Дорель?

— Да, само собой.

Сильвену нравится это бульканье — только флаконы с лосьоном издают подобные звуки. Он прикрывает глаза. Ароматная жидкость увлажняет его лоб, щеки, стекает с затылка. Сильвен преодолагает невольную дрожь.

Ему приятно. Сильные пальцы мастера массируют кожу на голове. Голова откидывается направо-налево. Ему приятно.

— Многие дамы позавидовали бы вашей шевелюре, — сообщает парикмахер слегка запыхавшимся голосом, словно на бегу.

Теперь его пальцы имитируют движения пекаря, кончающего месить тесто. Сильвен приоткрывает один глаз. Он видит в зеркале свою кошачью мордочку, напоминающую лицо Жерара Филипа или скорее лицо Колетт — подвижное, большеглазое, живое и как бы настороженное.

Он снова опускает веки. Ни о чем не думает. С наслаждением позволяет гребешку и щетке скрести, расчесывать, расчесывать. Теплый воздух фена гуляет вокруг ушей, как бы по-дружески его обнюхивая. Теперь вокруг его головы порхают ножницы — выщипывают, подстригают брови, убирают волосы из ноздрей.

— Вы никогда не подумывали отрастить усы? — спрашивает мастер. — А ведь они бы вам очень пошли.

Болван! Усы! Как будто у Гамлета были усы! Сильвен вырывает себя из блаженного оцепенения, которое все еще сковывает его поясницу, ноги. Он выпрямляется в кресле. Парикмахер стоит за его спиной, сосредоточенно, с серьезным лицом изучая свою работу в зеркале.

«Хватит с меня, — внезапно раздражаясь, говорит себе Сильвен. — Кино закончилось».

Только перед глазами умирающего за один миг проходит вся жизнь. Достаточно пустяка, промелькнувшего образа. Сильвену слышится голос режиссера: «Готовы?.. Тогда поехали!» Юпитеры ослепляют... Нечеткие силуэты... Человек приближается, едва различимый по поясу, как тореадор перед очередным пассом, но только у этого в руках полуоткрытая пасть хлопушки.

— «Красное и черное». Дубль седьмой.

— Отлично. Вы настоящий художник, мсье Робер, — бормочет Сильвен.

Сильвен поднимается с кресла, сбрасывает пеньюар. Робер проводит щеткой по его плечам, спине, напоминая ему последний момент перед уходом в школу. Мама тоже напоследок проходилась щеткой по его курточке, прежде чем встать к окну, чтобы

проводить глазами до угла.

— Погодите, — просит мсье Робер. — Не двигайтесь.

Достав из нагрудного кармана блузы ножницы, которые соседствуют там со щеткой и расческой, он нацеливается на строптивый волосок, приметный лишь ему одному, чтобы точным щелчком отсечь, потом смахивает его тыльной стороной ладони.

— Вы сияете, как небесное светило, — заявляет он, просияв и сам. — А скоро мы увидим вас на экране? — Робер наклоняется, оглядывается вокруг и прикрывает рот ладонью. — Знаете, мсье Дорель, клиентки волнуются. Не далее как вчера тут происходил такой разговор: «Разве Сильвен Дорель оставил кинематограф? Что-то его не видно на экране. Какая жалость!»

— Правда? Прямо так и сказали? Ну что же, отвечайте, что не пройдет и полгода... Впрочем, нет. Ничего не говорите.

— Совершенно секретно, — рассмеявшись, шепчет Робер. — Вас понял. Ведь стоит неосторожно проболтаться, и считай, прожект лопнул. Но со мной вам бояться нечего.

Сильвен расплачивается, насаживает на нос солнцезащитные очки, долго смотрится в зеркало.

— Не забудьте свой дипломат, — спохватился парикмахер. Он протягивает Сильвену плоский чемоданчик и с миной чревоугодника добавляет: — Вот уж, наверное, повидал он в своем брюхе немало сценариев! Ну что ж, хорошего вам денечка, мсье Дорель.

«Хорошего денечка», — думал Сильвен, направляясь в сторону Одеона^[12]. Как будто ему еще можно ожидать хороших дней!

Десять часов. Рановато, пожалуй. Но Тельма — давний друг. Уж ей-то известно, что такое депрессия день за днем, медленное угасание надежды.

Сильвен следует по улице Карт-Ван. Тельма не нуждается в именной табличке — ее и так знают в мире шоу-бизнеса и политики. Она сама открывает дверь, еще в домашнем халате, и грозит Сильвену пальцем:

— Не могли позвонить? Как нелюбезно с вашей стороны заявиться без предупреждения.

Тельма проводит его в приемную. Серые шторы, серый ковер, кожаные кресла, круглый стол из мореного дуба. Чувствуется, что к ясновидению тут относятся вполне серьезно. Возраст ее определить трудно, так сильно она накрашена. Глаза тоже серые, а волосы подсиненные.

— Садитесь... Итак, что происходит? Дайте руку. Подвиньтесь поближе.

Два кресла стоят рядом. Тельма берет руку Сильвена — не так, как врач, а нежно и осторожно, как будто имеет дело со слепым.

— Давайте, Сильвен. Расслабьтесь.

Тельма умолкает, чуть прикрывает веки, и Сильвен уже не смеет дышать.

— Вокруг вас какая-то суэта, — бормочет ясновидящая.

Пауза. Тельма прислушивается к движению теней внутри себя.

— Да. Суэта. Вы боретесь... Натыкаетесь на преграды... Все это, похоже, плохо кончится... Вокруг вас кровь.

— Но... буду ли я сниматься? — тихо спрашивает Сильвен.

— Похоже... да... все как в тумане, очень запутанно... Вас окружают враги... возможно, это актеры. Я вижу брюнета. Вы ему угрожаете... И потом я вижу вас — вас с окровавленными руками... Ах! Мне это не нравится.

— А не происходит ли все это в фильме? Если, конечно, мне еще суждено сниматься.

— Вполне возможно.

— Вы уверены, что я буду сниматься?

— Я говорю вам то, что вижу... На письменном столе лежит книга, и вы с кем-то ссоритесь... Пока все. Извините меня, Сильвен, но я не хочу переутомляться спозаранок. Сегодня у меня приемный день, будет много народу.

— Но вы не сообщили мне ничего определенного. В последний раз вы сказали, что я окружен огнями. И даже уточнили, что это похоже на блики вспышек фоторепортеров.

Мадам Тельма отпускает руку Сильвена и встает.

— Ответьте мне, — настаивает Сильвен. — Вы все еще видите эти огни? Мне так важно знать! Вы себе даже не представляете, как это важно.

— Подойдите, — говорит Тельма. — Да, точно, свет по-прежнему тут... Выпьете со мной чашечку кофе? — Она усадила его в столовой напротив себя. — Из-за вас я даже не успела поесть... Наливайте кофе... И потом, чуточку расслабьтесь. Я чувствую, что вы на взводе.

Сильвен в задумчивости помешивает ложечкой в чашке.

— До чего же мне хочется вернуться к работе, — сказал он. — Знаете, час назад мне стукнуло тридцать шесть. Да, сегодня день моего рождения. А также день, когда смонтировали последний фильм с моим участием. Пять лет назад. И с тех пор ровно ничего. Я попал в черный список.

Мадам Тельма намазывает маслом гренки, сосредоточенно, как художник кладет краски на палитру.

— В черный список, — повторяет она. — Скажете тоже. В ваши годы провал — это поправимо.

— Вы говорите так, потому что не знаете мира кино. Я мог бы назвать вам с десятков актеров, которые сошли с афиш неведомо почему. Они перестали нравиться, но никто не знает, кому именно. Зрителям? Прокатчикам? Тайна за семью печатями. Достаточно пронестись слушку после фильма, который прошел незаметно. Несколько лет подряд меня превозносили до небес. Помните... «Пятое марта»... «Красное и черное»...

— Да-да, — сказала мадам Тельма. — Вы всегда рассказываете мне одно и то же.

— Я вам докучаю, да?

— Нисколько. Только вы ожидаете, чтобы я пообещала вам скорый успех. Да будь это в моих силах...

Поджаренный хлеб хрустит у нее на зубах. Она не спеша прожевывает слишком большой кусок, то и дело прикладывая к губам салфетку.

— Я вас очень люблю, — говорит она, — но мне не дозволено лгать. Я вижу вас в центре какой-то заварушки. Правда. Но я сама тут бессильна.

— Вы упомянули про кровь, — продолжает Сильвен, — это уже что-то новое. Прежде крови вы никогда не видели.

— Мне сдается, что это кровь, но не стану утверждать.

— Может, меня пригласят сниматься в детективе?

Улыбаясь, Тельма протягивает руку Сильвену над столом.

— Я вас разочаровываю, признайтесь. Вы считаете, что я вам недостаточно помогаю... или, скорее, что-то утаиваю от вас? Что-то неприятное?... Да? Я чувствую, вы на меня рассердились.

Сильвен примирительно пожимает руку Тельмы.

— Прежде вы объявляли мне только хорошие новости и никогда не ошибались. Помните? Вы первая знали, что меня прочат на роль Андре Шенье^[13]. Никто этому не верил, а ведь какой сногшибательный успех! И вот теперь... Ну, расскажите мне все. Прошу вас... Я с кем-нибудь подерусь? Меня арестуют и на меня накинутся репортеры? Я больше никогда не снимусь в кино? Ведь я вправе знать, что ни говорите!

Мадам Тельма отнимает свою руку, всю в кольцах, и призадумывается, как будто сортирует в голове картины.

— Это не так просто, — бормочет она. — В отношении фоторепортеров — да. И в самом деле они толпятся вокруг вас... Я спрашиваю себя, уж не попадете ли вы в аварию.

— Я погибну?

Сильвен чуть не расплакался.

— Вы сегодня хуже мальчишки! — восклицает мадам Тельма. — Кто говорит вам о смерти? Да нет, вы не умрете. Послушайте, Сильвен, приходите-ка меня повидать этак неделки через две. И перестаньте себя накручивать. В данную минуту я как бы в тумане... Внезапно вы оказались в центре всеобщего внимания. Оставьте мне предмет, к которому я могла бы часто прикасаться. Очень помогает.

Сильвен стал шарить по карманам. Ключи? Исключено. Пачка «Голуаз»? Нет. Бумажник?

— Бумажник годится?

— Отлично. Только без содержимого, пожалуйста.

— Ладно, — соглашается Сильвен. — Я мигом его выпотрошу.

Он выкладывает на стол три стофранковые купюры, удостоверение личности, пластиковую карточку «American Express», пачку проездных билетов и письмо. Мадам Тельма берет письмо.

— Вы позволите, Сильвен?... Дайте мне угадать. Вам пишет девушка... смуглая... более чем смуглая... Она уроженка Дакара.

— Мне это неизвестно, — говорит Сильвен. — Она студентка. У меня даже назначено с ней свидание в полдень. Она просит у меня интервью для своего киноклуба. Не знаю, черная ли она, но верю вам. Вы не перестаете меня удивлять.

— Ах! Как видите, вас не забыли, — шутит мадам Тельма. — Возможно, я не выгляжу молодо, но у меня сохранился глаз женщины. Вы не из тех мужчин, кто проходит незамеченным.

— Благодарю за комплимент, — говорит Сильвен. — Вы очень милы. Берегите мой бумажник. Подарок Марилен. Если она заметит его исчезновение... при ее-то ревнивом характере... мне несдобровать.

Сильвен чмокает мадам Тельму в обе щеки.

— До скорого. Буду осторожен. Обещаю.

— Погодите! — говорит мадам Тельма. Ее глаза внезапно уставились на бумажник. Она осторожно держит его, проводит по нему кончиками пальцев. — Гёте, — бормочет она. — Гёте.

— Что-что? При чем тут Гёте?

— Не знаю. Я слышала, как это имя произнесли совсем рядом.

— И это касается меня?

— Наверняка. Только не спрашивайте, как и что... Я возвращаю вам его, ваш бумажник. Не желаю стать причиной семейной сцены. Теперь ступайте! Не заставляйте девушку ждать.

Приходите опять недельки так через две. И не падайте духом!

Сильвен глянул на ручные часы. Одиннадцать. Погода восхитительная. Париж окрашен в цвета весны. Медленным шагом он направился к Сене. Гёте? Что бы это могло означать? И кровь вокруг него? Кровь киношная, разумеется. Кровь неизменно присутствовала в сыгранных им ролях. Он видит себя в роли герцога Энгиенского лицом к лицу с карательным взводом... Быть может, этот персонаж — его лучшее творение... Восторженные отклики в прессе... Газеты пестрели его именем... А что, если ему предложат роль в детективе? Сильвен серьезно обдумывает этот вопрос, что не мешает ему остановиться перед «ламборгини» и восхищаться линиями ее кузова. У Жана Шанселя точно такая же модель. Машина, похожая на отдыхающего хищника. Достаточно одного успеха на экране, чтобы и он смог позволить себе такой каприз. Сильвен припоминает свой «порше», который был у него прежде. После того, как он сыграл Шопена. Он задыхался от кашля. Тонким кружевным платком украдкой вытирал губы, обгагриваемые кровью, и, дублируемый Таккино, с потерянным взором играл «Прощальный вальс». Но, покидая студию, запрыгивал в свой «порше» и проводил ночь у Режины. Времена радости, силы, славы...

А между тем он по-прежнему красив, по-прежнему изящен. Ему нет равных, когда нужно передать меланхолию, изысканную неврастению или погранное мужество, наконец, даже лихорадку тщеславия. А ему предложат роль полицейского. Немыслимо!

Сильвен останавливается, чтобы увидеть свое отражение в витрине антикварного магазина. В конце концов, что и говорить — он по-прежнему великий Сильвен Дорель! Денди! Только нынче пошла мода на плебеев типа Жерара Депардье. Водолазка. Выцветшие, заношенные джинсы. Ну а тех, кто воплощал на экране заносчивых маркизов, долой!

«Я никогда не смог бы, — думает Сильвен. — Для меня полицейский комиссар — это толстяк, тупица, как Дюбари, или, напротив, некто с божественными повадками, прядью волос, падающей на глаза, и в баскетке, как Ив Ренье в роли Мулена. Я, пожалуй, смог бы сыграть, как Френе^[14] в роли комиссара Венса. Нет, не представляю себя в боевике».

Сильвен зашагал дальше, с грустью думая о том, что на роль современного киногероя он не тянет. Он экспонат Музея кино Гревена. Сильвен пересек Сену. Река сверкает на солнце. Тельма видела свет, блицы фотовспышек. А ведь это хорошо! В конце концов, никто и не требует от него играть роль сыщика.

Сам себе навывдумывал, только бы помучить себя. Наверняка ему в конце концов предложат что-либо достойное!.. Да какому актеру не приходилось пересекать свою мертвую зону. Возьмем Жана Габена. А потом удача к нему вернулась. Да какая! Нет, до Музея Гревена еще далеко! Вполне возможно, в этот самый момент в какой-нибудь конторе на Елисейских Полях продюсер и режиссер задаются вопросом: «А что, если нам пригласить Сильвена Дореля? Он был кумиром у зрительниц, и потом, у него талант — этого не отнимешь. Зрительский интерес к нему резко упал. Но то-то и оно, значит, его можно заполучить по дешевке. А рядом с Роми Шнайдер он пойдет, как письмо по почте!»

Сильвен улыбнулся. Ему бы только романы сочинять. Но ведь продюсеры всегда так. Они экономят на том, на этом — на всем, на чем можно. И в то же время делают вид, что им по карману пригласить Роми Шнайдер и Лоуренса Оливье. Тоже любители пофантазировать!

Сильвен замечает Триумфальную арку. Он у входа в страну чудес. Еще несколько месяцев — и, чего доброго, прохожие начнут оборачиваться ему вслед, как бывало. Фоторепортеры станут преследовать его, словно птицы, следующие за мощными хищниками

джунглей.

Сильвен направляет свои стопы к «Фуке». Он назначил свидание именно близ этого ресторана, так как он — место встреч для киношников, все равно что Тортуга — для флибустьеров. К тому же он хочет устроить праздник этой студенточке. Она была бы жестоко разочарована, если бы он принял ее в другом месте.

Ева поджидает его на террасе. Стрижка под мальчика, глаза, издали напоминающие черные цветы, и костюм мужского покроя, плохо скрывающий пышный бюст. Ее эксцентричный вид гармонирует с этим значным местом. Она курит сигару и улыбается ему еще издали.

— Похоже, ты впервые явился в назначенное время.

Сильвен наклоняется, чмокает ее в обе щеки и швыряет дипломат на соседний стул.

— Что ты в нем таскаешь? — интересуется Ева.

— А ничего. Он служит мне для придания солидности... Джин-тоник, — обращается он к гарсону.

Сильвен оглядывается по сторонам. Похоже, никто его не узнал. И это в таком месте, где все знакомы со всеми.

— Гёте, — произносит он. — Тебе это имя что-нибудь говорит?

— Гёте? Автор «Фауста»?

— Нет. Скорее, я думаю, так зовут продюсера. Может, он американец. Ты, кто знает в кино всех, неужели это имя тебе ничего не говорит?

— Нет. А зачем он тебе?

— О, так, была одна мысль... А вот и она, держу пари. И привела с собой подружку.

Обе девушки рыщут глазами. Та, что выше ростом... Тельма не ошиблась... великолепная негритянка: прическа «африканская головка», узкая юбка до пят, ожерелья, браслеты, одна серьга и великолепные зубы, как деталь одежды. Другая одета во что-то наподобие комбинезона автомеханика, весь в застежках-молниях, — на груди, на бедрах, по диагонали, как разрезы сабель. Множество косичек тоньше крысиных хвостов, украшенных разноцветными бусинками, которые, пружиня, дрожат вокруг головы.

— Какие милашки! — бормочет Ева. — Не иначе ты внушаешь им восхищение, коль скоро они явились парой.

На душе у Сильвена теплеет. Он встает и приветственно машет. Девушки робко подходят ближе.

— Я Мариза, — говорит негритянка. — А она Сильви.

— Мой импресарио, — представляет Сильвен. — Ева Винтроп. Она знает обо мне все... и лучше меня сможет ответить на ваши вопросы... Садитесь. Что вы пьете?

— То же, что и вы.

Подняв руку, Сильвен кричит гарсону:

— Еще два!

— Вы студентки? — интересуется Ева.

Сильви трясет бусинками.

— Мы на втором курсе коллежа Жорж Санд.

— Но сколько же вам лет?

— Мне восемнадцать, — отвечает Мариза, — а ей семнадцать с половиной.

Дрожащими пальцами она достает из сумки в виде торбы пачку «Голуаз» и зажигалку. Руки у нее немного дрожат.

— Держу пари, вы мечтаете сниматься в кино, — продолжила Ева.

Мариза не спешит с ответом и закуривает сигарету.

— Ну что ж... пожалуй... а почему бы нам и не... — извлекает она из себя вместе со струйкой дыма.

— В самом деле, — шутит Ева, — почему бы и не вы... А кто подал вам мысль обратиться к господину Дорелю?

Слово берет Сильви.

— Наш проф! В нашем классе практикуют разные тесты для развития устной речи. Мы выбрали тему кино, так как не пропускаем ни одного фильма. Ясно, да?.. И разослали письма.

— Кому, например? — спрашивает Сильвен.

— Я уже позабыла, — говорит Мариза. — Бельмондо... Брассеру... Рошфору...

— А актрисам не писали?

— О! Как же! — встречает Сильви. — Мы написали Изабель Юппер, Катрин Денев Анни Жирардо. Хотите посмотреть список?

— Нет, — отвечает Сильвен. — А какие же вопросы вы собираетесь им задать?

— Мы хот ели бы... — дуэтом начинают они и, смеясь, обе осекаются.

— Говори ты, — наконец предлагает Сильви.

— Ладно. Так вот, — продолжает Мариза. — Наш проф считает, что кино переживает кризис. А мы... мы говорим, что... значит...

— А вы с ним не согласны, скажем так, — заканчивает за них фразу Ева, снисходительно улыбаясь.

Мариза поводит плечами.

— Вот именно. Только мы предпочли бы провести опрос по кино, а не по другой теме. Наш проф — жуткая зануда, вы даже представить себе не можете.

— А актеры ответили вам согласием? — допытывается Сильвен.

Девушки переглянулись.

— Всякий раз нам отвечали секретарши... — признается Мариза.

— Если я правильно понял, — делает вывод Сильвен, — ни у кого, кроме меня, не нашлось времени вас принять.

Уловив в его голосе горечь, похоже, они засмутились. Сильвен заставил себя успокоиться и продолжал:

— Разумеется, кризис налицо. И даже... — Он умолк, чтобы поприветствовать Брунс Кремера, который в этот момент направлялся к бару. — Видала? — шепнул он Еве на ушко. — Он сделал вид, что незнаком со мной. Я ему это припомню. — Сильвен залпом осушил стакан. — Вы меня извините? Мне нужно позвонить.

Час пик. Официанты разносят подносы, заставленные позвякивающими бутылками. Лавируя между ними, всячески стараясь избежать столкновения, Сильвен пробирается к кабинкам. Все они заняты. Он ждет, прислонившись к стене. И знает, что Ева воспользовавшись его отлучкой, поведаст этим двум девушкам про его жизнь. Он рос сиротой, а это автоматически рождает симпатию. Сильвен знает эту песню наизусть.

«Сильвен совсем не знал отца. Франсуа Дорель, фармацевт в IX округе, был участником Сопротивления, он выстрелил в себя, когда гестаповцы пришли его арестовывать, в апреле 1944 года. Представляете себе состояние его мамы, когда она произвела сына на свет! Эта драма наложила на него отпечаток. Поэтому не следует обижаться, если Сильвен нервный и

вспыльчивый. Бедному ребенку выпало нелегкое детство!»

Она выше всяческих похвал, эта Ева, преданная душа и все такое, но... перебарщивает. Если правда, что он нервный и вспыльчивый, зачем сообщать про это первому встречному-поперечному? По ней, актер, желающий преуспеть, должен создать себе легенду.

Сильвен забарабанил в стекло кабинки. Японец, продолжая разговаривать по телефону, отвечает ему любезной улыбкой и поворачивается спиной. Черт-те что! Делоны, Бельмондо, Брассеры — они могут позволить себе послать всяких сарделек куда подальше. Они превыше всех, далеки от толпы. Они не принадлежат больше никому. Жрецы искусства!

Японец кладет трубку и с церемонным поклоном выскальзывает из кабины. Сильвен берет еще теплую трубку и набирает номер домашнего телефона.

— Алло!.. Берта?.. Мадам еще не вернулась? Ничего особенного. Пожалуйста прослушай автоответчик, кто звонил мне с утра.

Стоит ему уйти из дома — и он говорит себе, что рискует упустить важный звонок. Берта уже привыкла. Она идет проверить, а у Сильвена колотится сердце, как и вчера, и позавчера, и каждый божий день, когда он находится вне дома. Его раздражают сомнения и вера. Только бы не упустить свой шанс.

— Алло! Мсье?

— Слушаю. Ну, говорите.

— Так вот, звонила ваша мама, мсье.

— Ладно. А кто еще?

— И ваш брат, мсье.

— Ах, этот!.. Делать ему больше нечего... только бы названивать. Кто еще?

— И потом кто-то сказал: «Это Шарль... я перезвоню».

— И все?

— Да. Мсье не вернется к обеду?

— Нет. Если вам надо уйти, не забудьте подключить автоответчик.

— Разумеется, мсье.

Шарль? Возможно, Шарль Мерсье. Сильвен выходит из кабинки озабоченный. Наверняка Мерсье. Правда, есть еще Шарль Меренго, но тот не сказал бы так, по-свойски: «Это Шарль». Меренго — друг Сюсфельда, а Сюсфельд — продюсер на студии «Гомон». А что, если, несмотря ни на что, звонил именно Меренго?.. Ну хоть неотлучно дежурь в двух шагах от телефона. Все эти люди, которые говорят «я перезвоню», никогда не перезванивают.

Сильвен прикидывает, кто да что. Он никого не видит. Ему уже доводилось работать для «Гомона», так что было бы весьма кстати, если бы... Он никак не может припомнить, где оставил Еву. И тут видит ее — она продолжает беседовать с девушками, и черная что-то записывает. Сильвен садится. Ему все это уже осточертело.

— Ну что? — спрашивает его Ева, как больного, вынужшего градусник.

— Да ничего, — неохотно отвечает Сильвен.

Черная закрывает блокнот.

— А вы поедете в Канны? — спрашивает Сильви.

Ему хочется послать ее куда подальше. Зачем ему ехать в Канны? Он выглядел бы там попрошайкой, выпрашивающим роль.

— Пока не знаю, — говорит он. — Я не больно люблю Канны.

— А мне бы так хотелось, — вздыхает Мариза.

— Вопросов больше нет? — спрашивает Ева, желая покончить с этим.

— Вроде бы нет.

Девушки разом поднимаются с места.

— Я в вашем списке последний? — интересуется Сильвен.

— Предпоследний, — отвечает черная. — Теперь мы попытаемся повидать Даниеля Марсьяля.

— Вряд ли он вас примет! — восклицает Сильвен.

— А вы с ним знакомы? — спрашивает Сильви.

В ответ молчание. Ева гасит свою сигару и прикуривает следующую.

— Да разве вы не знали? — говорит она. — Даниель Марсьяль — первый муж мадам Дорель.

Девушки сообразили, что явно дали маху. Тем не менее Марица продолжает:

— По-вашему, он не достоин нас разговором?

Сильвен смотрит на часы.

— В этот момент, — произносит он, — Даниель, должно быть, занят четвертой или пятой порцией виски. На вашем месте я скорее попытался бы добиться встречи около пяти, когда он уже уходит после утреннего возлияния, но еще не приступил к вечернему.

— Не слушайте Сильвена, — вмешивается Ева. — Это правда, Даниелю случается надраться. И даже сверх всякой меры. Но я уверена, он охотно поболтает с вами.

Девушки благодарят — нахальные и в то же время какие-то зажатые — и уходят, весело смеясь.

— Уф! — облегченно вздыхает Сильвен. — Я выдохся и не хочу идти домой. Давай пообедаем здесь. Быстренько перекусим — сэндвич и пиво. Мне не хочется есть — эти две стрекозы перебили мне аппетит. — Сильвен заказывает. — Какое дурацкое утро, — бормочет он. — Парикмахер... Тельма... Эти две девушки...

Он рассеянно машет парню, который одет под Дэви Крокетта.

— Новоиспеченный ассистент Ури, — объясняет он.

— И что же тебе нагадала твоя Тельма? — интересуется Ева.

— Ах! Почти все то же самое, что и всегда... Похоже, вокруг моей персоны что-то затевается. Она считает, что меня ждет какое-то предложение.

— Знаешь, — говорит Ева, — хотя я и не ясновидящая, но тоже убеждена, что тебе предстоит новый старт. Во всяком случае, у меня уже есть для тебя предложение... Пока ничего сногшибательного... но это тебя отвлечет. Сегодня утром я виделась с Нгуен Мин Хуонгом. Он ищет красивый голос для дикторского текста будущего фильма Россифа [\[15\]](#). Похоже, это будет что-то уникальное про горилл.

— Издеваешься? — взрывается Сильвен. — *«Дорель и гориллы»!* Да весь Париж покатится со смеху!

— Послушай, цыпленочек, ты становишься занудой. Не *«Дорель и гориллы»*, а *«Россиф и Дорель»*. Улавливаешь разницу? Работать у Россифа — в этом нет ничего зазорного.

Сильвен в сомнении жует свой сэндвич.

— И все-таки я еще не пал так низко, — говорит он, рассеянно поглядывая на прохожих за окном.

— Да что ты себе думаешь? — возмутилась Ева. — Ты отказываешься от всего подряд: дубляж — не может быть и речи, реклама — ни в коем случае. Ему предлагают двухминутную рекламу галстуков от Ланвена. Мсье артачится. А вот Рошфор не брезгует

рекламой кофе. А ведь Рошфор — это имя!

— Не сердись, — шепчет Сильвен. — Знаю... Я должен был бы... Однако осталось же у меня право на гордость? Но не это главное. Если Дорель начнет подвизаться на экране между рекламами бюстгальтеров и тампонов «Тампакс», мой рейтинг упадет. Я не Рошфор, или, скорее, я больше не Рошфор. Раньше я мог позволить себе все. Но не теперь. А ну, скажи, что это неправда.

— С тобой не соскучишься, — вздыхает Ева.

Сильвен отталкивает тарелку.

— Дай-ка сигару, пожалуйста. Правде надо смотреть в глаза — я все еще дебютант. Нет, а да. Ведь несколько лет подряд со мной происходило нечто невероятное. Дорель здесь! Дорель там! Теперь до меня постепенно доходит, что повальный спрос — прямая противоположность успеху. Возьмем такого актера, как Бурвиль... да-да, именно его. Он никогда не был любимцем зрителей. Он карабкался вверх постепенно: его находили симпатягой, затем зауважали, потом заметили, что полюбили, и все это без барабанного боя. А я — я блистал, ну... как солист рок-группы... несколько сезонов, — и все...

— Я с тобой не согласна, — прервала его Ева. — Ну совершенно не согласна. Я тебе вот что скажу: ты персонаж костюмных фильмов. Стоит тебе надеть костюм другой эпохи — и ты неотразим... И нечего усмехаться. Я знаю, что говорю. А в пиджаке у тебя вид ряженого. К сожалению, постановочные фильмы типа «Больших маневров» или, скажем, «Трех мушкетеров» больше не выпускают из-за их дороговизны. И потом, они вышли из моды. Театр — то же самое. Но мода быстро меняется. Ничто не потеряно. Так что, дружок, не падай духом. Я вынуждена тебя покинуть. Вместо того чтобы есть себя поедом, почему бы тебе не взяться за перо? Нынче пишут все. Тебе тридцать шесть. Самый возраст писать мемуары.

Ева нежно похлопывает Сильвена по руке, потом слегка поправляет макияж. Зная, что некрасива, она не больно печется о внешности. Она встает.

— Так что же мне ответить Хуонгу? Ну, по поводу горилл?

— Что в данный момент я занят.

— Это твое последнее слово? Ладненько... Пока.

Сильвен остается в одиночестве. Вторая половина дня расстилается перед ним, подобно лунному пейзажу. Писать? О чем? Сходить в кино? Только не это. Чужие фильмы ранят его самолюбие. Он решает не спеша вернуться домой. Всю дорогу задается вопросами. Чем, в сущности, привлекал его успех? Деньги, спору нет. Он заработал их столько, что не слишком беспокоится о будущем. И может еще продержаться. Слава? Довольно скоро устаешь оттого, что тебя узнают на улице, в кафе... Автографы... подписи, нацарапанные на меню... Да, это забавно, это пьянит. Власть? Роскошные автомобили?... Раболепная челядь дворцов?... Этого тоже не сбросить со счетов... И тем не менее не в этом тайная тайных успеха... Но тогда в чем же? Сильвен не знает, не чувствует, что в каком-то смысле его возможности сужаются. Он чувствует, как становится заскорузлым, усыхает, увядает, подобно растению, подстерегаемому зимней стужей. В каком-то смысле он больше не Дорель. Просто Сильвен. Один среди прочих. Один из стада.

Нейи... Он толкает калитку, проходит через стеклянную дверь в сад к себе в кабинет. «Мсье не боится воров!» — целыми днями долдонит Берта, но если бы его обокрали, он воспринял бы это как Божье благословение — о нем бы снова заговорили газеты. О ворах он задумается позднее — когда станет никем уже окончательно и бесповоротно. Сильвен

проходит в вестибюль.

— Марилен!

Жена еще не вернулась домой. У нее крошечная роль в телефильме, который в общих чертах трактует социальные проблемы. Бедняжка Марилен! Она так рассчитывала пробиться благодаря ему! Она никогда не выдает себя, но, должно быть, испытывает разочарование.

Сильвен возвращается к себе в кабинет и включает автоответчик. Нет, никто ему не звонил. Он замирает на месте, как разочарованный рыболов. Ни одна рыбешка не попала в его сети, натянутые днем и ночью. «Если звонил Шарль Мерсье, то лучше выяснить не откладывая». Он набирает номер.

— Алло. Шарль? Ты мне звонил?

— Да, — признается Шарль Мерсье.

— Что-нибудь важное?

— Да нет. Просто хотел узнать, смотрел ли ты «Наследников».

— Нет.

— Ну так сходи посмотреть. Юппер играет обалденно.

Сильвен поворачивается в кресле. Им больше нечего делать, этим хромоножкам кинематографа. Болтать! Создавать себе иллюзию, что они еще на что-то способны и с ними надлежит считаться. Мерсье нету равных по части собирания сплетен. А в случае чего он сочиняет их сам. Никто доподлинно не знает, на что он живет. Он мелькает в мелких ролях по телевидению. Роль длиною в блиц фотоаппарата. Силуэт сыщика. Слуга. Ему известно все: кто с кем спит, кто с кем в ссоре. Он знает наизусть всю закулисную жизнь кино. Он наскучил Сильвену, однако такому человеку цены нет, когда не знаешь, как убить предстоящий час.

— Слышал новости о Марсьяле?

Сильвен подскакивает как ужаленный и орет в трубку:

— Оставь меня в покое с этим типом!

— Ладно, ладно. Не заводись. Просто хотел узнать, в курсе ли ты.

— В курсе чего?

— Как, тебе не говорили? Похоже, он будет играть в телефильме «Черные одежды».

— А что это такое — «Черные одежды»?

— С какой луны ты свалился, старина? По роману Поля Феваля. Эти ребята писали километрами. Хватит на сериал в дюжину серий. Так что можешь себе представить, как ему подфартило, нашему Марсьялю.

— Это точно?

— Ходят такие слухи. Вандёвр слышал, как Гритти говорил об этом кому-то по телефону... ты бы навел справки. Глядишь, там и тебе что-нибудь обломится.

Сильвен нервно грызет ноготь.

— Не стану я играть в одном фильме с Марсьялем!

— Вы по-прежнему на ножах? — удивляется Мерсье. — В чем все-таки дело, Сильвен? Ты увел у него жену и свистнул роль Жюльена Сореля. Между нами говоря, мог бы теперь и ты сделать первый шаг.

— И не уговаривай.

— Согласен. Умолкаю. Кстати...

Он продолжает трепать языком. Сильвен кладет трубку на письменный стол, закуривает, зеваает. Что и говорить, со стороны его затянувшаяся ссора с Даниелем выглядит

смехотворно. Два приятеля, в один год закончившие театральное училище, удостоенные первой премии *ex aequo*^[16], две в равной степени многообещающие карьеры... и если бы между ними не встряла Марилен...

— Алло... Алло...

Приглушенный голос Мерсье. Сильвен снова прикладывает телефонную трубку к уху.

— Ах! Я подумал, что нас разъединили, — говорит Мерсье. — Знаешь, что ответил Бельмондо...

— Послушай, старик, — в изнеможении бросает Сильвен, — я жду звонка. Так что, понимаешь...

— О, извини. Выставляй меня за дверь, когда я тебе надоедаю. Если узнаю про «Черные одежды» что-нибудь новенькое, звякну. Чао!

Сильвен долго сидит неподвижно. «Черные одежды». Надо достать роман. Поль Феваль описывает времена эффектных костюмов. Широкий плащ с воротником, цилиндр, сапоги. У него фигурируют важные сеньоры и кавалеры — все это Сильвен просто обожает. Однако в историях подобного рода всегда фигурируют добрый и злой. Если ему случайно и предложат роль, он ни за какие деньги не согласится играть отрицательного героя. Но и Даниель тоже. Так что... Так что, говорит он себе, надо выбросить это из головы. Сильвен набирает следующий номер.

— Алло, мама! Ты мне звонила? Что-нибудь стряслось?

Дрожащий голос его мамы. Всегда такое впечатление, что она готова расплакаться.

— Я хотела поговорить о твоём брате. Знаешь, я за нею тревожусь. Его поведение меня пугает. Одевается как бездомный бродяга. Разговаривает грубо.

— Да сейчас грубо разговаривают поголовно все, — успокаивает ее Сильвен.

— Ах, и не говори... На каждом шагу грубость. Мои замечания он называет глупостями... Он становится невыносим. Не смог ли бы ты с ним поговорить?

— Послушай, мама, парню девятнадцать лет. Он совершеннолетний... И потом, мы с ним никогда особенно не ладили. Что ты хочешь... Ведь он всего лишь мой сводный брат.

Ну вот. Она разревелась. Сильвену хочется шмякнуть трубку, не слышать больше об этом злосчастном Николае.

— Ты еще будешь попрекать меня вторым замужеством, — бормочет мама. — А ведь без Эмиля мне было не дать тебе такого блестящего образования.

Это мы уже слышали. Сильвен сухо говорит:

— Он в могиле. И пусть земля ему будет пухом. Что касается Николая, что прикажешь мне делать?

— У тебя такие обширные связи.

— Что толку! — взрывается он. — Я и сам никак не могу вернуться в строй. Николая — бездарь. Бренчит на гитаре, думает, что он — Джанго Рейнгардт, и объедает тебя. Вот!

— О, Сильвен!

— Что — *Сильвен*? Это же суцая правда. Он только и умеет, что жить за твой счет. И за мой, если бы сумел. Знаю я таких молодчиков. Заруби себе на носу: я отказываюсь принимать участие в его судьбе. Он меня не интересует.

Сильвен швыряет трубку. Он сыт этими стенаниями по горло. Бедная старуха! Старое воспитание. Елейные речи. Она гордилась мужем-провизором, его клиентурой из высшего общества. И вот оккупация, подполье, беглые посещения каких-то подозрительных личностей. А в довершение ко всему — необъяснимое самоубийство мужа. Она так и не

уразумела, что бывают самоубийства из чести.

Сильвен приоткрывает тайничок письменного стола, где хранятся вещи, оставшиеся после отца. Они навевают грусть. Револьвер соседствует с медалью за участие в движении Сопротивления. Несколько пожелтевших от времени газетных вырезок. Семейный музей Сильвена. Никто не вправе совать сюда нос. Когда его мама вторично вышла замуж, ему было семнадцать. Она сказала ему: «Забери все это с моих глаз... Мне неловко хранить эти вещи...» Сильвен никогда не простил матери этих слов. Вторично она вышла за книготорговца. В сущности, вся ее жизнь прошла за кассой. Микстуры или романы — какая разница. Главное — выдать сдачу.

Сильвену не забыть ожесточенных споров с этой посредственной личностью, претендовавшей стать заменой отцу. «Без него мне бы не поставить тебя на ноги», — сказала мать. Чушь собачья! Он встал на ноги и жил вне семейного очага. Сам подготовился к экзаменам в консерваторию. А потом ему помог Франсуа Перье^[17]. И все же ему пришлось натерпеться нужды.

Сильвен призадумался над всем этим. Он злоупотребляет сигаретами — чего доброго, зубы пожелтеют. И мало занимается гимнастикой. Внешний вид для него — хлеб насущный. И снова обрывки мыслей о матери. Сильвена клонит ко сну. Он никогда не был счастлив, исключая моменты, когда фильмы с его участием выходили на экран и он видел очереди у касс кинотеатров. Или же когда знакомился со статистическими сводками в журнале «Фильм Франсэ»: 200 тысяч зрителей... 300 тысяч... 500 тысяч. Друзья прочили ему кассовый успех: «Вам ничего не стоит преодолеть миллионный рубеж!» Вот тогда его жизнь была цветущим садом.

Сильвен с трудом покидает кресло. Зевает. Идет в ванную и рассматривает себя в зеркале, кончиками пальцев приглаживая волосы над ушами. Почему же все-таки звонил Николя? Наверное, хотел попросить денег. Но в основном он домогается их не напрямую, а через мать. К счастью, фамилия Николя не Дорель, а Белями. И люди, как правило, не знают, что у него есть сводный брат. Сильвен никогда о нем не упоминает.

И вдруг телефонный звонок. Сильвен передергивает плечами. Очередной зануда, или кто-то ошибся номером. Не спеша, доказывая самому себе, что отныне ничего не ждет и запрещает себе волноваться по этому поводу, он возвращается в кабинет и снимает трубку.

— Это ты, котенок? — спрашивает Марилен.

— Конечно, — ворчит он. — А кто же еще?

— Похоже, ты чем-то недоволен.

— Голова побаливает... А как ты? Откуда звонишь?

— Со студии. И это еще не конец. Черт-те что! Трубим без остановки с самого утра. Я валюсь с ног. Что новенького дома?

— Ничего... Ах да. Я болтал с Мерсье. Он рассказал мне об одном проекте. «Черные одежды» — это тебе о чем-то говорит?

— Дай подумать. Вроде бы я что-то читала в таком духе, но очень давно. Что-то в жанре плаща и шага, да?

— Да, что-то наподобие. Похоже, из этого сделают телесериал.

— Скажи на милость. А ведь могло бы получиться интересно. Ступай и скорее купи книжку. Ева в курсе?

— Не думаю.

— Ах она такая-сякая! Ей все подавай на блюдечке. А как Тельма — ты виделся с ней?

— Да.

— Но что с тобой сегодня? Приходится тянуть из тебя каждое слово.

— Тельма... В ее речах, как всегда, намешано и хорошее и плохое. Она видит вокруг меня кровь.

— Кровь! О господи!

— Знаешь, беспокоиться нечего. Может быть, кровь по ходу фильма, в котором мне предстоит сниматься.

— А я?

Это крик души. Сильвен улыбается.

— Не беспокойся. Я дам согласие только при условии, что в нем найдут роль и тебе. Скоро вернешься?

— О, поздно, не раньше вечера. Ужинай без меня, котенок. И сбегай за книжкой. А потом предупреди Еву, пусть подсуетится! Нечего!

— Что ты ешь? Я слышу: хруп, хруп.

— Какой тонкий слух. Грызу печенье. С этим Анри даже нету времени нормально поесть. Ну вот и жуешь что попало, на ходу. Убегаю. До вечера, котенок.

Щелк. Она отключилась. Завтра... Кстати, какой день сегодня? Среда. Так вот, завтра, послезавтра и весь уик-энд, а вполне вероятно, что еще очень долго, они будут тут, ничем не занятые, перебирать прожекты, обреченные на провал, жить чужой жизнью, черная сведения о ней из случайных разговоров, встреч, свиданий, поджидая, чтобы подала знак удача.

Сильвен водружает ноги на угол письменного стола, желая расслабиться. Он думает о Марилен. О своих партнершах. Многие из киноактеров, по ходу действия сжимая в своих объятиях женщину, абсолютно ничего не испытывают. Он наслушался на эту тему немало откровенных признаний. Для них поцелуи, затяжные, взасос, страстные объятия — всего лишь тренировка, не влекущая за собой никаких последствий. Профессиональная разминка, и не более того. Сильвен припоминает слова одного приятеля: «Когда режиссер — сущий маньяк — снимает по пять-шесть дублей, тебе, скорее, хочется покусать этих бабенок!»

Только не ему! Он влюбляется в своих партнерш с ходу, при первой же необходимости прижать их к сердцу. И так продолжается все время, пока идут съемки. Он страшится того момента, когда у него наступает обморочное состояние. Поцелуй — страшное дело, он обязывает. Поцелуи нельзя раздавать направо и налево. Иные актрисы сразу же бесстыдно приоткрывают рот, забавляются, чувствуя, что партнер изнемогает от нахлынувшей страсти. Сильвену так и хочется избить их и изнасиловать. А еще ему хочется сказать им: «Берегитесь! Я вполне способен вас любить!» Он никогда не позволяет чувствам вылиться наружу. Крупные планы его сдержанной страсти и прославили Дореля. Всем киношникам было известно, что Сильвен целуется бесподобно, со знанием дела. Еще в консерватории Марилен не упускала случая его подразнить: «Ну поцелуй меня... Пусть Даниель тебя не смущает. А ты и вправду мастер по этой части!» Даниель делано смеялся. И вот в один прекрасный день такие любовные игры привели их к разводу. Вот тогда он женился на Марилен, и этот брак ознаменовал начало его падения. Он только что кончил сниматься в «Шуанах». Фильм провалился. Беспощадная критика. Продюсер разорился. Полный разгром!

Сильвен устал без конца пережевывать эти горькие воспоминания. Он переодевается, достает теннисную ракетку, выводит из гаража малолитражку и катит в «Ролан-Гаррос» [\[18\]](#). Там он без труда найдет себе партнеров.

И в самом деле. В баре он натывается на Жака Перрена.

— Ну, как дела? — спрашивает он актера. — Ты в простое?

— До завтрашнего дня, — отвечает тот. — А как твои-то дела?

— Ни шатко ни валко.

Перрен больше не задает ему вопросов. У больного раком о здоровье не спрашивают.

— Сыграем сет? — предлагает Перрен.

Сильвен играет в теннис мастерски. У него уже не те ноги, что в двадцать, но он все еще хорош в подаче. Очень скоро он забывает про свои невзгоды. Он вызывает восхищение своими кручеными мячами, силой прямых ударов. Мяч прочерчивает в воздухе поразительно четкие кривые. Ему бы хотелось, чтобы его траектории материализовались и стали образчиками, которые можно выставлять напоказ. Он классно делает подрезки и воображает себе такую надпись к экспонату: «Passing-short^[19]. “Ролан-Гаррос”. Сильвен Дорель».

Перрен мужественно отбивается и сравнивает счет. Сильвен предпочитает остановиться, чувствуя, что выдыхается. Ему жарко. Сейчас он почти доволен судьбой. Во всяком случае, что касается второй половины дня. Он легко поужинает в snack-bar^[20]. Кругом молодняк. Все толкаются и не обращают на него ни малейшего внимания. Может, эти молодые люди и припомнят его имя, но оно ассоциируется у них с былой славой Дореля. Будь бы еще у него лицо зрелого мужчины, отмеченное в уголках глаз возрастом! Вот если бы он мог играть сорокалетних! Так нет же! Он еще на многие годы останется стареющим юношей, где-то между Деваэром и Делоном. Ни рыба ни мясо. Устарел, не успев самоутвердиться. Ах, право же, какая необходимость водружать на нос темные очки? Он не более чем силуэт. А еще недолго — и вовсе станет призраком.

Купив «Франс суар» у разносчика газет, Сильвен открывает страницу зрелищ. Он ищет программу пригородных киношек. Вот... «Аполло» — в Иври. Внезапно он заторопился и, расплатившись, прыгает в машину. И думает: вот ведь как папаше Ванелю подфартило с его лицом в морщинах и трещинах, как на заскорузлой коже. Зато он уверен, что его место никто не вправе оспорить. Ему уже нет необходимости прихорашиваться, целоваться взасос — достаточно, что он фигурирует на экране — кряжистый, сутуловатый. Старый человек. И тиражирует самого себя до бесконечности.

Сильвен замедляет ход. В сумерках замерцали огни кинотеатра, напоминающего небольшой вокзал. Он без труда пристраивает машину. Переходит улицу походкой празднующего и останавливается перед афишами. «Майерлинг».

Сильвен красуется на этой афише почти в натуральную величину. Роль эрц-герцога Рудольфа — самая выигрышная из его ролей. Повторная постановка затмила фильм с участием Шарля Буайе. Он видит на афише только себя. О своей партнерше ему хочется забыть. Рудольф — это Сильвен Дорель. Сколько лет прошло с тех пор? Девять?.. Десять?.. До чего же он был хорош собой. Выглядел царственно. Старт, обещавший триумф.

Несколько девиц разглядывают афишу одновременно с ним. Они жуют жвачку. Эти явились затем, чтобы их тискали в темном зале. А фильм? На него им плевать. Сильвен растроган до глубины души, как если бы стоял перед иконой. Он медленно пятится назад. Возвращается к себе в машину. Не спеша трогается с места. Теперь ему все ясно — он ушел в небытие.

Телефон. Звонок за звонком, но ничего существенного. Телефон стал для Сильвена как бы личным врагом, хитрым и мстительным, который следит за его приходами и уходами и звонит, едва он повернется к аппарату спиной, чаще всего когда он стоит под душем или же

обедает. Сильвен восседает в постели с подносом на коленях и чашкой кофе в руках. Он кричит Марилен:

— Послушай, пожалуйста!

Марилен пробегает через спальню, закутавшись в банный халат.

— Если Мерсье, — добавляет Сильвен, — пошли его к черту.

Он допивает кофе, прислушиваясь к тому, что происходит в кабинете. Марилен возвращается.

— Спрашивают тебя.

— Кто именно?

— Ева. Говорит, что у нее хорошие новости.

Сильвен мигом приободрился. Он отставляет поднос, роняя при этом гренки, и, не теряя времени на то, чтобы натянуть пижамные штаны, бросается в кабинет.

— Алло, Ева!.. Привет... У тебя, говорят, хорошие новости?

— Да. Но погоди... Вчера я узнала от Даниеля Желена, что Медье... Помнишь Медье?.. Он еще поставил фильм по роману Чейза...

— Да. Ну и что?

— Так вот, он собирается вкуче с мелким итальянским продюсером — его имя ничего никому не говорит — Джузеппе Фрескини... Словом, Желен говорит, вроде бы этот Фрескини заработал немалые деньги на порнофильмах...

— И ты намерена предложить мне такое?

— Да нет же, дай договорить.

Марилен крадучись вошла в кабинет и, поджав ноги, села в кресло, глядя на Сильвена, как кошка в ожидании лакомства.

— Медье и Фрескини задумали нечто весьма оригинальное, — продолжает Ева. — Успех «Дон Жуана» разжег их аппетит, и теперь они решили экранизировать знаменитые романы, вдохновившие композиторов на создание опер, но отталкиваясь при этом как от оригинального произведения, так и от оперного либретто. Такое кино убивало сразу двух зайцев: было по вкусу и любителям литературы, и любителям музыки. Разумеется, актеров будут частично дублировать оперные певцы.

— По-моему, это сущий бред, — говорит Сильвен, крутит пальцем у виска и вздымает глаза к небу. Ева смеется своим мужеподобным голосом на другом конце провода.

— А что не бред в шоу-бизнесе? — парирует она. — Но слушай дальше. Они хотели бы... продолжим в условном наклонении... начать с «Вертера».

Сильвен хихикает и шепчет Марилен:

— Расскажу тебе потом. Бред сивой кобылы. — И продолжает в трубку: — Я прекрасно слышу: «Вертер». Но такой фильм уже был... Режиссер — Макс Офюльс... Ну и что же тут интересного для меня?

— Для тебя? А ты еще не догадался? Они ищут — словом, это пока что слухи — кандидатуру на роль Вертера. Актера не слишком молодого и не слишком старого, с опытом. Первого любовника — не слишком первого и не слишком любовника... чтобы не платить ему больших денег. Тебе это улыбается? В принципе, разумеется, пока что все это вилами на воде писано.

Прикрыв ладонью микрофон, Сильвен консультируется с Марилен:

— Вертер. Ты меня видишь в роли Вертера?

Та хмурит брови.

— «Вертер»?.. Это где длинное соло на скрипке?

— Нет. Ты спутала с «Таис». «Вертер» — это лунный свет.

— А это не чушь собачья? — бормочет Марилен.

Сильвен — в трубку:

— Марилен считает, что это вроде бы чушь собачья.

— Какие же вы глупые оба, — возражает Ева. — Я же тебе сказала — они отталкиваются не только от оперы, но и от книги.

— Какой такой книги?

— Ну как же, от романа Гёте.

Это слово попало в яблочко. Все детали мозаики складываются в голове Сильвена в цельную картину. Тельма оказалась права. Гёте... «Вертер»... вспышки бликов... кровь... Кровь при самоубийстве, черт побери! Значит, он сыграет Вертера... И его ждет триумф!

— Что ты призадумался? — спрашивает Ева.

— Ничего. Прикидываю. А ты знаешь, как связаться с ним, этим Медье?

— Разумеется. У него контора на улице Мариньян.

Трубка дрожит в руке Сильвена. Он запинается.

— Позвони ему, — просит он. — Надеюсь, еще не слишком поздно. Я согласен. Давай не тяни.

Марилен теребит мужа за рукав. Тот с раздражением высвобождается.

— Насчет денег не жадничай.

— Внимание! — предупреждает Ева с тревогой в голосе. — Не бери пока что в голову. Ты как ребенок. Дай мне срок навести справки. Может, все это липа. Буду держать тебя в курсе. Пока все. Тебе и вправду доставит удовольствие сыграть Вертера?

— Да, пожалуй... Я уже так давно... Прошу тебя, немедленно позвони Медье... И если дело на мази, подсуетись насчет роли для Марилен.

— Для меня? — воодушевляется Марилен.

Сильвен ставит аппарат на место и садится на ручку кресла.

— Выкладывай, — требует она. — Так что же я буду играть?

Сильвен чешет ладошку, оставляя вопрос жены без ответа. По правде говоря, он малость обалдел.

— Это формальное предложение? — допытывается Марилен.

— Нет... но попытка не пытка. Прошу тебя, ступай и посмотри в «Ларуссе» — что там сказано про Гёте?

Марилен отправляется в библиотеку. Сильвен слышит, как шелестят страницы толкового словаря. Он просто без сил. Эта задумка скрестить оперу с романом — слишком хороша, слишком экстравагантна, чтобы быть правдой. А между тем ведь Тельма никогда не ошибалась.

— Ты хочешь, чтобы я зачитала тебе статью целиком?

— Нет. Только место, где говорится про «Вертера».

— Начнем с того, что роман называется «Страдания юного Вертера». Далее...

— Да, теперь припоминаю.

Он позабыл. А ведь «Страдания» — уже само по себе целая программа! Какую же гамму чувств можно тут передать мимикой. Вертер! Этот образ в одной струе со всем, что уже принесло ему успех. И как же он не додумался сразу!

— Не знаю почему, — продолжает он, — но поначалу идея показалась мне ерундовой.

А это, наоборот, просто суперкласс. А что, в «Ларуссе» пересказано содержание романа?

— Нет.

— Жаль. Сюжет выветрился у меня из головы. Кажется, девушку зовут Шарлотта... Ее отец какой-то судейский чин... Шарлотта влюблена в Вертера, но помолвлена с верзилой по имени Альберт. Послушная дочь, она выходит за суженого. А Вертер кончает с собой. Чего уж говорить, в сравнении с фильмом «Апокалипсис сегодня»^[21] это просто мура. Ну да ладно, поживем — увидим. Берта явилась?

— Надеюсь.

— Сходи-ка за ней.

— Ты мог бы тем временем одеться поприличнее.

Сильвен накидывает домашний халат, роется в ящиках, находит визитку и пишет: «Роман Гёте “Страдания юного Вертера”. Найти в изданиях “Фолио”».

Вот и Берта. Тридцать лет. Белая блуза с пуговицами на плече. Развязные манеры.

— Сбегайте-ка в книжный магазин. Дайте им эту карточку. У них наверняка есть такая книжка. Она мне срочно нужна.

— Мсье будет сниматься в фильме?

— То-то и оно. Пошевеливайтесь.

Сильвену не сидится на месте. Девять часов. Этот Медье объявится в конторе ближе к полудню. Раньше часа ответа ждать не приходится. Чтобы успокоить нервы, Сильвен долго стоит под душем. Как любопытно! Почти все его персонажи заканчивают жизнь в крови... «Сен-Мар» — герою отрубили голову. Герцог Энгиенский расстрелян... Андре Шенье гильотинирован... Жюльен Сорель — тоже... Чахоточный Шопен — не в счет... А вот теперь — Вертер.

Сильвен думает о револьвере, из которого застрелился его отец. Все таинственным образом связано. Быстро вытеревшись, он звонит Тельме.

— Говорит Сильвен. Здравствуйте, мадам. Разрешите мне прийти?

— Только не сегодня утром.

— Какая досада. Потому что я намерен сказать вам о предложении или, скорее, проекте... Вы были правы в отношении Гёте. Возможно, мне предложат играть Вертера. Вот почему я хотел бы услышать ваше мнение.

— Будьте осторожны.

— Но дайте же мне объяснить...

— Это опасно.

— Опасно играть роль Вертера? От этого еще никто не умирал.

— Повторяю еще раз, я не желаю вступать с вами в спор. Но чувствую, что это чревато опасностью — и все. Вы вольны принять решение, разумеется.

— Опасно? Но что может со мной случиться? Я заболею?

— Я сказала вам все, что знаю. Теперь мне пора уходить. Извините меня, пожалуйста... Приходите на следующей неделе.

«Бред какой-то, — подумал Сильвен, вешая трубку. — Остерегаться — согласен. Но ведь я подпишу контракт не с закрытыми глазами... Порой она не в своем уме, бедная старуха. Ну и пусть! Я его все равно подпишу».

Он закуривает сигарету, чтобы успокоить нервы. Но это сильнее его, и он шагает взад-вперед по кабинету, распахнув стеклянную дверь, он задыхается.

Берта возвращается с книгой. Теперь ему хотя бы есть чем заняться. Сильвен

погружается в чтение. Вроде бы Марилен кричит ему с порога: «Вернусь в одиннадцать!» Сильвен читает.

«Я вздыхаю и кричу в душе: ах, если бы ты мог выразить словами то, что чувствуешь! Если бы ты мог излиться и запечатлеть на бумаге ту жизнь, которая пульсирует в тебе с таким пылом и жаром».

Какой приятный сюрприз! А он-то настроился на тоску зеленую. Разумеется, печать эпохи неоспорима. Написано в романтических тонах, подернуто туманной дымкой. Но текст запоминается с ходу. У Сильвена замечательная, прочная память. Он уже способен, прикрыв книгу, повторить фразы, задеввшие его за живое.

«О, какой огонь пробегает по жилам, когда мой палец ненароком касается ее пальца. Я отстраняюсь, чтобы не обжечься, но тайная магия притягивает меня вновь; у меня кружится голова. Все мои чувства приходят в смятение...»

По мере того как Сильвен переворачивает страницы, он чувствует, как Вертер становится ему все ближе и ближе. Столько страсти и в то же время чистоты — переживать такое ему еще не приводилось. И вот теперь все порывы, подавляемые им в себе, подступают к сердцу. Он хотел бы пережить все сначала с Марилен, но уже не в жестокости и ненависти. Он с изумлением замечает, что оторвал ее от мужа так, как это чуть было не сделал Вертер с Шарлоттой, в поэтическом самоотречении. Он читает вслух, и голос его дрожит от волнения.

«Разве то, что я питаю к ней, не любовь — самая святая, самая чистая, самая братская?.. Глаза мои наполнены слезами. Я не нахожу себе места. Ничего не желаю, ничего не хочу. Лучше мне уехать...»

Сильвен чувствует, что произнесет эти слова с душераздирающей экспрессией. Он встает. Складывает ладони. И произносит монолог, обращаясь к тени, которая находится перед его восхищенным взором. Она более реальна, нежели Катрин Денев или Мари Франс Пизье... или Даниель Лебрэн, или даже Марилен. Эта женщина-тень, которая состоит из слов, вздохов, молитв и музыки. Сама живая душа. И смерть.

Сильвен идет к потайному ящичку и, открыв его, достает тяжелый пистолет со все еще заряженным барабаном. Поднимает его к виску. Этот жест должен быть медленным, торжественным. Сильвен видит себя на экране. Зрители затаили дыхание. Крупный план: палец, который готов спустить курок.

Сильвен откладывает оружие. Она нужна ему, эта роль. Все происходит так, будто роли, сыгранные им ранее, подготовили эту, оповестили о ней. Он будет Вертером. Он уже Вертер. Этот жест, когда рука подносит пистолет к виску, — как трудно его выполнить, не создавая впечатления надуманности или позерства. Сильвен уже владел его секретом... как бы это сказать... он получил его в наследство, а точнее, унаследовал от отца. Весь фильм будет держаться на этом жесте — самоубийство из честности, — самом красивом, самом благородном. О нем станут говорить на званых ужинах: «Если вы не видели Дореля в финале “Вертера”, вы ничего не видели, моя дорогая. Это колоссально! Вас так и одолевает желание всадить себе пулю в лоб».

Сильвен потешается над собственной экзальтированностью, но воспринимает ее с благодарностью. Это и есть жизнь. Надо, чтобы пьяная дрожь пробегала по артериям, мускулам, стучала в висках, складывалась в песню, в припев, ритм которого настукивают кончиками пальцев. Ах! Телефон. Это Ева.

— Алло! Сильвен?

— Я. Ну что, ты виделась с Медье?

— Виделась — не то слово. Он не перестает мне названивать. Судя по разговору, информация Желена соответствует действительности. Медье и в самом деле намерен ставить «Вертера». Он при деньгах, а это главное.

— Ну а я? Что они думают обо мне?

— Много хорошего... Да-да, уверяю тебя... Над распределением ролей он еще вплотную не задумывался. На роль отца Шарлотты намечается Дюмениль или, возможно, Жорж Вильсон. С самой Шарлоттой он тоже еще не определился. Его коллеге хотелось бы видеть в этой роли итальянку, но они еще ничего не решили. Медье надеется осуществить франко-итало-немецкую постановку, так как знаком с одним промышленником из Рура, способным заинтересоваться таким проектом. Но тогда было бы политичнее сделать Шарлотту немкой.

— Какое-то темное дело, — вздыхает Сильвен. — Но скажи наконец, а как же я, черт побери?! Меня-то взять он согласен?

— Все, что я могу тебе сообщить, — мы приглашены на обед. В час дня, у Ледуайена. Ты, Марилен и я. Ведь ты знаешь продюсерскую братию. У них проясняется в мозгу только на полный желудок. Так что я настаиваю — пусть Марилен не опаздывает.

Сильвен в нерешительности.

— Согласен, — говорит он. — Но как бы нам пристроить к «Вертеру» и ее? Там всего четыре роли: отец, дочь, муж... и воздыхатель.

— Послушай, — он угадывает, что Ева закуривает одну из своих мерзких сигар, — если память мне не изменяет, у Шарлотты есть сестры...

— Но они совсем дети.

— Подумаешь! Что стоит взять одну из них и состарить? Между прочим, в опере так и поступили. Ты же знаешь, в кино все возможно. Значит, в ресторане... И без всяких там нарядов.

— Да, к слову, какой он из себя, этот Медье?

— Рыжий детина, по виду только что спустился с гор — водолазка, потертые джинсы. Голубые глаза смотрят поверх твоего плеча... лет сорока. Руки каменотеса.

— Это несколькостораживает, а?

— Как посмотреть. Он не из тех, кто мыслит масштабно, зато он мыслит современно.

— Именно так я себе его и представлял. Еще раз спасибо, моя добрая Ева. До скорого.

Сильвен чуточку смущен. Ему знакомы эти фильмы совместного производства. Они соберут в одну кучу двух французов, немку и итальянца. Или же итальянку и немца... Сценаристом будет американец, а режиссером — натурализованный поляк. Возможно, он и преувеличивает, но ему подфартило — на главную роль выбрали его. Ему еще предстоит показать, на что он способен!

Сильвен долго раздумывает, обзвывая свои костюмы. У него гардероб кинозвезды, и он останавливает выбор на довольно броской двойке в стиле принца Уэльского, чтобы казаться непринужденным. Он хочет с самого начала заявить о себе не как проситель. Ровно в полдень является Марилен.

— Мы где-нибудь обедаем?

— Да. Быстренько переодевайся. Нас пригласил Медье. Мне бы не хотелось заставлять себя ждать.

— Мы получили роли?

— Пока нет. Что ты себе воображаешь? Мы побеседуем — и все. Давай шевелись.

Медье объявился без четверти два. Ева описала его один к одному, только поверх пуловера на нем кожаная куртка. Очень удобно — он чувствует себя достаточно состоятельным, чтобы не трудиться над выбором формы одежды. Он дважды чмокает руку — Марилен и Еве, как будто клюет щука, и внимательно оглядывает Сильвена, затягивая мужское shake-hand^[22]. Обмен любезностями. Обсуждение меню. Но Медье не тот человек, который ждет, когда подадут кофе, чтобы перейти к делу. Покончив с рыбной закуской, он атакует, обращаясь к Еве:

— Я задержался по милости Вильгельма Голдсмита — знаете, этого промышленника из Франкфурта, который приобщится к нашему делу. Прошу прощения за опоздание.

— Вы с ним договорились? — интересуется Ева.

— Почти. Что его смущает, так это позиция Джузеппе Фрескини. Того совершенно не устраивает, что в будущем фильме актеры наполовину говорят, наполовину поют. У меня впечатление, что он не выносит Массне. Сколько я ему ни толковал, что мы не намерены держаться в рамках оперы, он стоит на своем и, как истинный немец, считает роман Гёте самодостаточным для хорошего сценария.

— Возможно, он и прав, — бросает Сильвен.

— Ах! — восклицает Медье. — Вы так полагаете?

Сильвен осторожничает, стараясь уловить, что у Медье на уме.

— Прежде всего, это великолепная любовная история, — решается он подать голос. — А зрителям только это и подавай. Вспомните успех «Love story»^[23].

Положив раковину устрицы на край тарелки, Сильвен прикладывает салфетку к губам и начинает декламировать:

— «Дорогой Вертер! Она впервые назвала меня “дорогой”, и радость, охватившая меня, проникает до мозга моих костей. Я повторял себе это слово сто раз».

— Да-а, — изрекает Медье, наливая вино по кругу. — Недурственно. Между нами, девочками, у меня, как и у всех нас, сохранилось лишь смутное воспоминание о Гёте. Но вот слушая вас... с чем вас и поздравляю... вы замечательно декламируете эти стихи (Сильвен удрученно переглянулся с Евой). Я прекрасно понимаю, что этот текст... — Он сосредоточенно рассматривает этикетки на бутылке муската. — Как бы это сказать... покрылся пылью. Нам же требуется современный Вертер, который не вздыхает, как дурачок. Понимаете, зрителей станет волновать только одно: а переспит ли он с героиней или нет.

Улыбка в сторону Марилен, которая ловит каждое слово Медье на лету.

— Разумеется, — допускает Медье, — речь не о том, чтобы шокировать публику, тем не менее, — его пальцы как бы продираются вперед, имитируя юркого зверька, — раз надо, так надо. Хороший сценарист — и мы решим эту проблему запросто.

Официант меняет приборы.

— В хороших сценаристах нехватки нет, — продолжает Медье. — Я бы, например, не возражал против Жана Эрмана, не лишнего чувства юмора. Юмор необходим в любом сюжете.

Пока официант обносит следующим блюдом, Ева самым непринужденным тоном задает вопрос, который гложет всех троих:

— Само собой, вы подбираете исполнителей согласно литературному сценарию?

Медье кивает, задумчиво пробуя розовое вино, и наконец выдавливая из себя:

— На сей счет у нас небольшая проблема.

Он смотрит прямо в глаза Сильвену, который съезживается при мысли: «Так и есть».

Сорвалось».

— Джузеппе, — продолжает Медье, — лучше, если вы узнаете об этом прямо сейчас, неравнодушен к Даниелю Марсьялю, с которым уже работал в фильме Дзино Мукьели. Серия «Б», ничего особенного, но Джузеппе задолжал ему, и эта роль стала бы хорошим средством расплатиться.

— Даниель наверняка об этом долге и думать забыл, — заявляет Марилен.

— Вы с ним знакомы?

— Марилен — бывшая жена Марсьяля, — поясняет Ева.

— Ах! Извините! — восклицает Медье. — Мне следовало бы навести справки. Я еще новичок в кинобизнесе. До этого занимался импортом-экспортом и чаще пребывал в самолете, нежели в Париже. Но раз уж речь зашла о распределении ролей, я очень хотел бы заполучить вас, Сильвен. Вы позволите мне звать вас по имени?

— Ради бога, — отвечает Сильвен, просияв.

— Я очень высоко ценю ваши картины. Ваш Шопен бесподобен.

— На роль Вертера, — произносит Ева, — более подходящего актера вам не сыскать.

— Охотно верю вам, — отвечает Медье. — И потом, откровенность за откровенность. Если я стану вечно уступать Вильгельму и Джузеппе, они сожрут меня с потрохами. Джузеппе очень мил, но чересчур тянет одеяло на себя. Ладно! Все это пока немного абстрактно... И я не могу твердо обещать вам эту роль. Сначала нам предстоит выбрать Шарлотту. Она — важнейший персонаж, не правда ли?

Сильвен придерживается совершенно иного мнения, однако кивает в знак согласия.

— Вот если бы нам удалось заполучить Юппер, — бормочет Медье, который, оттолкнув тарелку, набивает трубку.

Воспользовавшись паузой, Ева подсказывает:

— По-прежнему не исключена возможность пристроить и Марилен?

— Никаких проблем! — подтверждает Медье.

Возможно, они и не пришли к договоренности ни по одному вопросу, но все четверо наслаждаются этим моментом сговора, который венчает обед, затеянный для установления контакта между киношниками. Десерт. Кофе. Ликеры. Они перебирают имена возможных сценаристов. Буланже? А почему бы и нет? Он дорого берет, но если желаешь получить потрясающий текст... Был бы неплох также Жюллиан. О нем забывают, а ведь у него богатое воображение.

— Может, — замечает Медье, — я недостаточно задержал ваше внимание на том, что мы не намерены делать исторический фильм. Вертер — герой вне времени. Как и Манон. А ведь Клузо^[24], не колеблясь, поставил «Манон», героиня которого вышла из войны и немецкой оккупации.

— Вы откажетесь от костюмов той эпохи? — спрашивает Сильвен.

— Не задумываясь. У вас имеются возражения?

— Никаких, — спешит заверить его Сильвен. — Просто хотел подчеркнуть, что между костюмами и чувствами существует глубокая связь.

— Справедливое замечание, — признает Медье. — В самом деле, нам следует это учесть. Давайте вскоре повидаемся опять. Я не намерен тянуть резину. Мне хотелось бы приступить к съемкам в сентябре. А сейчас мне надо бежать.

Он встает. Обмен рукопожатиями. Очень рад познакомиться. Созвонимся. В суматохе Ева шепчет Сильвену:

— Мой бедный друг, мы не продвинулись ни на йоту.

«Созвонимся» — излюбленное выражение тех, кому уже нечего сказать друг другу. Сильвен пребывает в тревоге. Он дважды пытается связаться с Медье. Женский голос, мелодичный и скорбный, как голос по репродуктору в аэропорту, отвечает, что господин Медье в Риме, в Лондоне... Какого хрена ему делать в Лондоне! Сильвен вне себя. Уж не водит ли Медье его за нос? Что за дурацкая профессия! Знать бы еще, откуда он взялся, этот Медье. Начать с того, что его зовут не Медье. Ева навела справки. У нее повсюду таинственные осведомители. Ее агентство — своего рода ЦРУ в миниатюре, которое пустило глубокие корни в киношном мире. Оказывается, настоящее имя Медье — Сэмюэл Баллок, по происхождению американец, его отец жертва маккартизма, обосновался в Париже. Единственный фильм, какой он выпустил, создан по оригинальному сценарию, автор которого, вопреки слухам, вовсе даже не Чейз, а безвестный писатель, его первоначальное название «Утопленник пускает пузыри» прокатчики восприняли без особого восторга, и фильм выпустили на экраны как «Берегись! Ограбление!». Успех незначительный, кассовые сборы мизерные. Гангстерские фильмы уже не котируются! Вот почему, явно шарахаясь из одной крайности в другую, Медье и взбрела в голову мысль о «Вертере».

«Вертер» после «Берегись! Ограбление!»... Сильвена прошиб холодный пот. Должен ли он, несмотря ни на что, цепляться за Медье? Или лучше ему плюнуть на это дело? Он переходит от возмущения к унынию, меняя решение по десять раз на дню.

Марилен умоляет мужа не отказываться. Ева, более осторожная, полагает, что следует выждать. Она продолжает вести разведку. Что до Фрескини, то сведения тоже не бог весть какие. Подтверждается, что он, неплохо заработав на порнофильмах, теперь желал бы получить признание как серьезный продюсер. Голдсмит же — тот сколотил состояние на шарикоподшипниках, имеет сына, снимающего любительские короткометражки, который не прочь стать ассистентом режиссера. Время идет. Тельма стоит на своем — он должен отказаться от этого предложения, но привести мало-мальски убедительный довод она не в состоянии. Сильвен наконец внушил себе, что ее страхи ложны. Мерсье после дипломатических расспросов сообщил Сильвену, что проект постановки «Черных одежд» ушел в песок, но перед Даниелем, похоже, маячит новый. Неужто «Вертер»? Сумел ли Фрескини добиться у Медье роли для Даниеля? Нет и нет! Это было бы слишком несправедливо. Сильвен уже не ест, не спит. Марилен дуется. Жизнь являет какую-то сплошную непристойную гримасу. И вдруг неожиданный звонок поутру воскрешает Сильвена из мертвых.

— Алло! Господин Дорель? С вами говорит «Галлия-продюксьон».

У них мания — торжественно оповещать о себе через секретаршу. Если бы еще поставить у входа дюжего швейцара в белых гетрах, ударяющего о землю алебардой! Сильвена на секунду увлекает эта идея, и радость журчит в нем ручейком.

— Алло... Дорогой Сильвен... Как жизнь?

— Очень хорошо. Признаюсь, я ждал вашего звонка с известным нетерпением.

Медье прерывает его:

— Минутку. Дорогой Сильвен...

Голос удаляется, и Сильвен слышит на фоне перестука клавиш пишущей машинки: «Я на совещании. Пусть перезвонят часа в четыре». И вот Медье опять на проводе:

— Значит, так. Наш проект обретает форму. Не далее как позавчера собиралась наша группа. Мы достигли согласия по кандидатуре сценариста. Альберто Фьорентини. Этот парень мало кому известен у нас, но пользуется солидной репутацией в Риме. Изъясняется по-французски, с этой стороны проблем нет. Я бы хотел, чтобы вы встретились с ним. Вы не против? У меня в конторе, сегодня вечером, часиков этак в девять. Коль скоро вам предстоит совместная работа, было бы недурно обменяться идеями. Предупреждаю без обиняков: у Альберто оригинальнейший склад ума. И поначалу это может опарашить. Он хорошо относится к «Вертеру», но желает привнести в сценарий социальный элемент... Короче, он сам объяснит вам все. Могу я на вас рассчитывать?

— Разумеется, — бормочет ошеломленный Сильвен.

— Встретимся вечером, дорогой Сильвен. Мое почтение вашей очаровательной супруге.

Щелк. Телефон отключился, а Сильвен повторяет про себя: «“Социальный элемент!” Я сплю и вижу сон. Час от часу не легче. Это все больше и больше смахивает на бред!»

Сильвен немедленно назначает свидание Еве. Место встречи — бульвар Сен-Жермен, в баре. Ева терпеливо слушает его, прикрыв глаза, прикрыв веки от дыма своей вонючей сигары.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Признайся, — говорит он, — мне жутко не повезло, что я нарвался на такую публику. А ведь чего-чего — хороших продюсеров в Париже пруд пруди. Возьми «Гомон». Они покупают права на книгу, назначают продюсера, сценариста, исполнителя, и бац — три месяца спустя приступают к съемкам. А я — я стою на одной ноге, силясь не потерять равновесие. Буду ли я сниматься? И в чем? — спрашиваю я себя. Социальный элемент в «Вертере»? Ты знакома с ним, с этим Фьорентини?

Ева не знакома, но советует Сильвену запасть хладнокровием.

— Романы, — говорит она, — издаются для того, чтобы их переделывали. Они резиновые. Каждый выкраивает из них маску по своей мерке. Надеюсь, я не сообщаю тебе ничего нового! Так что играй в их игру.

Контора Медье находится в одном из этих старых зданий на Елисейских Полях — сплошные коридоры, которые скупо освещены и пахнут дезинфекцией. Две комнаты. Одна для секретарши — скоросшиватели, пишущая машинка под чехлом, на стенах афиши кинофильмов «Берегись! Ограбление!», «Шпана». «Весьма многообещающе», — иронизирует про себя Сильвен. Вторая — просторнее и уютнее: палас, клубные кресла, большой письменный стол, на котором разместились телефонные аппараты. Все это подмечено Сильвенем при беглом взгляде вокруг себя, поскольку Фьорентини уже здесь, стоит боком к окну, наблюдая за тем, что происходит на проспекте.

Подходит Медье и знакомит их. Фьорентини изящен на итальянский манер — несколько подчеркнуто. Красивое, немного строгое лицо, как у Витторио Гасмана. Очки в тончайшей оправе придают ему профессорский вид. Лет сорока. Медье достает из шкафа обязательное виски. «Meeting», как он выразился, можно начинать. Фьорентини говорит напрямик:

— В сущности, что мы имеем, если изложить сюжет «Вертера» в двух словах? Один персонаж, который впал в детство, один — рогоносец, героиня — ходячая добродетель, вместо первого любовника — девственник. Я намеренно упрощаю, чтобы нагляднее охарактеризовать действующих лиц.

— Вы слишком упрощаете, — произносит Сильвен.

— Самую малость. Заметьте себе, я восхищаюсь Гёте, но «Вертер» — литература для чахоточных. Роман, который нуждается в переливании крови.

Медье снисходительно улыбается, всем своим видом выражая: «Я предупреждал вас, этот парень — большой оригинал».

— Историю придется переписать набело, — продолжает итальянец. — Я говорю не о стиле — это уж само собой. Я говорю о взаимоотношениях персонажей.

Сняв очки, он протягивает их к свету и, проверив прозрачность стекол, протирает кусочком замши, не переставая разглагольствовать:

— Отец, принуждающий дочь выйти за нелюбимого, влюбленный, впавший в отчаяние, — ситуация довольно выигрышная. Я вижу, вы намерены мне возразить, что это мелодрама. Но если идти по такому пути, то как по-вашему, разве Верди — не мелодрама? Мелодрама — возвышенное искусство при условии, что чувства выявляют социальные противоречия данного общества. И вот тут как раз и...

«Ох, как он мне осточертел», — подумал Сильвен, сухо прерывая Фьорентини:

— Ну и что это дает?

— Значит, так, в двух словах. — Фьорентини сосредоточенно сводит кончики пальцев. — Нерв всей этой истории — деньги. Сейчас поймете. Отец Шарлотты будет у меня автоконструктором. Но само собой, его автомобили класса люкс, некогда очень престижные, перестали пользоваться спросом. Возникла экономическая проблема. Вы следите за моей мыслью? Заводы закрывают, неминуема безработица со всеми вытекающими отсюда последствиями. Остается одно — продать их преуспевающему конкуренту.

— Альберту? — догадался Сильвен.

— Точно. Альберту, который возжелал не только фирму, но и девушку. И если Шарлотта выйдет за Альберта, такой брачный союз поможет нашему горе-промышленнику частично сохранить свое положение.

— А я? При чем же здесь я? — вскричал Сильвен и мигом поправился: — Я неудачно выразился. Я имею в виду Вертера.

— Так вот, вы, несомненно, уже догадались, что Вертер — гонщик-испытатель при старике отце. Он завершает работу над конструкцией нового мотора. Деньги все решают и на сей раз! Альберт — конкурент, готовый ухнуть миллиарды, лишь бы обеспечить себе эксклюзивное право на этот мотор.

— А Вертер любит Шарлотту! — напоминает Сильвен.

— Да. К этому мы больше не возвращаемся, но Вертер, потеряв Шарлотту, задумывает адский план похоронить надежды Альберта, и тот разбивается за рулем испытываемой модели. Как видите, наши персонажи движимы уже не пустыми чувствами, но определенными материальными интересами. И эти интересы символизирует фон, на котором развивается действие: заводские корпуса, сборные конвейеры, испытательные треки, шумы современного индустриального мира.

Сильвен молчит, сраженный наповал. Медье согласно кивает.

— Да, конечно, — бормочет он, — это интересная точка зрения.

— Возможно, нам придется также изменить имена, — добавляет Фьорентини. — Имя Шарлотта устарело. Оно пристало горничной. И даже Вертер — не бог знает что. Все это придется пересмотреть. Каково ваше мнение, Дорель?

— Дайте мне отдышаться! — взмолился Сильвен. — Мне все это виделось несколько

по-другому.

— Я написал литературный сценарий, — сообщает Фьорентини. — Изучите его на досуге... Но, откровенно говоря, не думаю, что возможно сделать что-то лучшее на основе столь бессодержательной книги.

Он встает, глядит на часы. Сильвен ждет сакраментальной фразы: «Созвонимся!»

— Созвонимся, — чуть вызывающе произносит Фьорентини, как бы заранее отменяя всякую критику.

«Meeting» закончен. Итальянец спешит на самолет. Медье провожает его до дверей и возвращается с озабоченным выражением лица.

— Чувствую, вы не в восторге, — бормочет он.

— Он меня просто-таки нокаутировал, — признается Сильвен. — Он предлагает нам Мирбо, Берстайна — всех, кого угодно, только не Гёте.

— Что и говорить, — удрученно соглашается Медье. — Он перегнул палку. Я обговорю это с Джузеппе. У меня с ним встреча завтра в Риме. Но если верить словам Джузеппе, с Фьорентини можно либо согласиться, либо порвать.

— В таком случае я порываю, — заявляет Сильвен.

Он возвращается в Нейи, пав духом.

— Я влип, — объявляет он Марилен. И описывает встречу с итальянцем. — С такой интерпретацией Гёте мне в седло не вернуться, — заключает он. — Но какая же невезуха. Боже правый, какая невезуха! Можешь ты представить меня за рулем машины в воскресный вечер, сплевывающим, как последний забулдыга? Меня, Сильвена Дореля!

— Тебя задевает именно это? — спрашивает Ева.

— Нет, все, вместе взятое. Но в особенности это, да. Самоубийство Вертера — высочайшее волеизъявление. Это... ну, не знаю... самопожертвование: вот мое тело, вот моя кровь... жертвоприношение в его идеальной форме, а не занос колес на пяточке автотрека!

— Успокойся, — утешает его Марилен. — Может, кое-что не так уж плохо и пойдет в дело. При хорошем режиссере...

— О-о! — восстает Сильвен. — Ради роли ты согласна на что угодно.

— Ладно. Ну что же, тогда не будем об этом, — обиделась Марилен.

— Нет, напротив, — вмешивается Ева, — будем!

Она извлекает из сумочки газетную вырезку и протягивает Сильвену:

— Прочти!

«ИЗ ЛУННОГО СВЕТА В SUNLIGHTS»^[25]

Как нам стало известно из достоверного источника, вскоре предполагается экранизировать «Вертера». Впрочем, речь идет не об опере Массне, а о романе Гёте. И на роль Вертера прочат актера, некогда знаменитого, однако мы не назовем его имени, поскольку теперь оно всеми забыто. Как говорится, следите за афишами. Романтический герой? Таинственный красавец? Угадали! Играть Вертера в его возрасте!»

— Какая гадость, — бормочет Сильвен. — Кто же это решился на такую публикацию?

— И ты еще спрашиваешь? — говорит Ева. — Можешь не сомневаться, за ней последуют другие.

— Да, наверняка это Марсьяль выболтал секрет, — продолжает Сильвен. — Он знаком с Фрескини. Само собой, он исподтишка начинает наступать мне на пятки, чтобы занять мое

место. Правда, я занял его место.

— Заткнись, — говорит Марилен. — Хватит об этом.

Ева скатывает хлебный шарик и роняет его в пепельницу.

— Хочешь послушать моего совета, — говорит она, — оставь свой ответ про запас.

Ответив выпадом на выпад, ты потеряешь лицо, и тогда считай себя конченным человеком. Эстафету примут другие газеты. В конце концов, ты же знаешь, на что способны люди. На твоём месте я позвонила бы Медье и сказала, что принимаю его предложение, но тем не менее сценарий нуждается в доработке. И так от поправки к поправке мало-помалу заставишь признать себя. Если же дела не пойдут, то отступишь с честью. Тебя уже не обвинят в том, что ты клюнул на первое соблазнительное предложение сниматься. Ты повел себя, как надлежит подлинному профессионалу. И можешь на меня положиться. Я тоже умею обращаться со слухами. Марсьяль расшибет себе нос.

Сильвен даёт себя уговорить. Время не слишком позднее, и можно ещё звякнуть Медье домой.

— Я подумал. И не схожу с дистанции. Но настаиваю на том, что сценарий нуждается в переработке. Потрясенный интерпретацией Фьорентини, я забыл спросить у вас имя режиссера.

— Его ещё не выбрали, — говорит Медье. — Джузеппе подумывает о Марио Фальконе, но я бы предпочёл француза. Фальконе не лишен таланта — что правда, то правда, — но только он к месту и не к месту суёт политику, чем грешит и сам Фьорентини. Его история конкуренции автомобильных магнатов списана с реальной жизни. Вот почему я и колеблюсь. По возвращении из Рима звякну вам.

Благодаря усилителю звука Ева и Марилен тоже прослушали их разговор.

— Он осторожничает, этот Медье, — заявила Ева. — Вот видишь, хорошо, что ты ему позвонил. Значит, ещё не все потеряно.

У Сильвена отлегло, ему не до любви, и он предпочитает уединиться в спальне для гостей. На сон грядущий он наугад раскрывает своего «Вертера».

«Иногда я говорю себе: твоя судьба уникальна. Ты можешь считать всех других счастливыми: никогда ещё простой смертный так не мучился, как ты. А потом я читаю какого-либо древнего поэта, и у меня впечатление, словно я читаю в своём собственном сердце. Мне предстоит столько страданий! Как? Значит, и до меня жили такие же несчастные, как я сам!»

И уважительно откладывает книгу на тумбочку. Фьорентини — варвар! Мир прогнил. Кино выставляет поэтов на панель. Ах! Уснуть бы и не просыпаться. «Какой бред. Полная чушь!» — бормочет он себе под нос, побеждаемый сном. Но знает, что, проснувшись поутру, станет прислушиваться к телефону и, словно замороженный им, ждать и надеяться, до одурь считая часы.

Марилен приступила к небольшой роли в дубляже, и Сильвен сидит дома один. Мысли кружатся хороводом... Тельма... Она как в воду глядела, предупреждая, что съёмки будут опасными, если все-таки ему придется симулировать автомобильную катастрофу. Марсьяль — подонок. У него на уме всегда одно и то же — месть. И этот Фьорентини с его позой классного наставника... Газеты... Тельма действительно видела, что вокруг «Вертера» развернется шумиха. Ну и черт с ним... Que sera sera^[26]. Но как бы он ни караулил звонок, тот неизменно застаёт его врасплох, когда он стоит на пороге застекленной двери и смотрит на дождь.

— Алло! Дорель слушает.

На проводе Медье.

Голос приглушен расстоянием. Звонок издалека, который обычно приносит важные сообщения.

— Я в Риме. Дела с Фьорентини и Фальконе не ладятся. Они хотят сделать фильм наподобие «Захвата города», только на материале автомобильной промышленности. Вообразите себе: «Захват “пежо”» или «Захват “ситроена”»! Скандал обеспечен. Алло! В меня слышите?

— Я вас прекрасно слышу.

— Джузеппе их поддразнивает. Так что я ретируюсь.

— А как же фильм? — вскричал Сильвен.

— Я намерен делать его с Вильгельмом. Надо вам сказать, Вильгельм, со своей стороны, привлекает к работе Густава Мейера — немецкого сценариста. Мы изучим новый проект сценария. Мейер — ловкий тип. И потом, Гёте должен его вдохновлять. Сегодня вечером я возвращаюсь в Париж. Не смогли бы вы прийти ко мне завтра? Мейер тоже придет.

— Вы порвали с Джузеппе Фрескини окончательно?

— Ни боже мой! — отвечает Медье. — В нашем деле никогда до разрыва не доводят. Просто какое-то время держатся на расстоянии.

— И вы сумеете обойтись без итальянских капиталов? Извините за нескромный вопрос.

— Вопрос вполне законный. Если, как я надеюсь, у нас будет задействована кинозвезда, мы без труда получим под нее аванс. Пусть вас это не волнует.

— Какую звезду вы имеете в виду?

— Ну что ж, к примеру, Роми Шнайдер. До завтра, дорогой Сильвен. Скажем, в десяти утра.

Сильвену хочется топтать ногами и кусаться. Роми Шнайдер! Не смешно. Бедняга Медье! Он воображает, что Роми Шнайдер согласится быть партнершей незадачливого актера, забытого зрителями. Которому вдобавок ей придется уступить главную роль!

«Потому что главная роль моя! — Он так громогласно заявляет об этом, что его слова отдаются в кабинете эхом. — Нет! Пусть меня оставят в покое. Вертер устал, господин Медье. Вертеру хочется сходить на рыбалку!»

И все-таки скорее бы завтра. Этот Мейер не посмеет искорежить Гёте. Завтра наступит через двадцать четыре часа. Сильвену предстоит пережить эти сутки, час за часом, минута за минутой, до тошноты. Право же, думает Сильвен, лучше уж мне было стать фармацевтом, как папаша.

И ожидание начинается. Подобно тому, как волна, набегая, исподтишка подмывает скалу, разъедает крутой обрывистый берег, подтачивает его основание и мало-помалу разрушает, так и тревога, став еще более разъедающей из-за невозможности действовать, медленно накатывается на Сильвена. Он с трудом дышит. Ладони потеют. Настроение собачье.

Звонит Мерсье. Он прочел в газете заметку и сразу понял намек. Десятки таких же вот приятелей в Париже сейчас потешаются над ним. Сильвен отнекивается.

— Фактически еще ничего не произошло. Поступило предложение — ну, ты знаешь, как это бывает, — но, честно говоря, оно меня не соблазнило (Сильвен думает о Тельме, ее странных предостережениях). Я вовсе не горю желанием его принять, — заверяет он, хотя

прекрасно знает, что за эту роль готов продать душу дьяволу.

Вечером Ева сообщает ему кое-какие сведения о Густаве Мейере. Они скорее обнадеживают. Слов нет, Мейера на одну доску с таким продюсером, как Жан Лу Дебади, не поставишь, но он приложил руку к вполне приличным фильмам.

— Все дело в режиссере, — продолжает Ева. — Удивляюсь, что Медье начал не с него. Он ставит телегу впереди быков. И потом, меня поражает то, что он еще даже не заикнулся о твоём контракте. Если он не решится на это в ближайшее время, я сама вмешаюсь в это дело. Тут что-то неладно. Я вижу таких людей насквозь. Он ухватился за «Вертера» только потому, что не обязан платить Гёте! Бесплатно спекулирует знаменитым именем — ведь арии из оперы у всех на слуху — и, боюсь, готов прикрыть им любую муру, лишь бы фильм обошелся ему подешевле. Ничего не предпринимай, не посоветовавшись со мной.

— Вечная матушка-брюзга, — вешая трубку, ворчит Сильвен. — Тоска. Ей повсюду мерещатся жулики.

Марилен вернулась домой. Она перевозбуждена.

— Меня просто одолели вопросами. Всех интересуется, правда ли, что мой муж собирается играть Вертера. И клянусь, ни у кого и в мыслях нет насмеяться над тобой. В итоге эта заметка произвела положительный эффект. Вроде бы подлянка, но Вильмор считает, что это скорее смахивает на прощупывание с целью проверить нашу реакцию. И теперь я спрашиваю себя, уж не сам ли Медье, не подавая виду, дал просочиться такой информации.

Сильвен взрывается.

— Скажешь тоже! Не ему же все-таки делать намеки на мой возраст.

— Поди узнай! Случается, и злое словцо служит добрую службу. Хочешь знать мое мнение — нам не мешало бы поужинать в людном месте. Нас увидят и воочию убедятся, что ты способен еще выдать на экране очень даже презентабельного Вертера.

Они отправились к «Александрю». Сильвен отвешивает поклоны, раздает улыбки, пожимает руки, чувствуя, что за ним наблюдают безжалостные взоры. «Играть Вертера в его годы!» Похоже, все присутствующие в ресторане повторяют про себя эту газетную строку. Тем лучше. В сущности, Сильвен давно уже не ощущал себя в центре всеобщего внимания.

За какой-нибудь час он вновь обрел забытую радость жизни. Он уже перевоплотился в своего персонажа и наполняет бокал Марилен жестом Вертера — он уверен в этом. Внезапно Сильвена осенило: счастье его жизни заключается в том, чтобы перевоплощаться. Стоит ему стать другим — и он испытывает блаженство. Сам же по себе он лишний. Малыш Сильвен! Сильвен — посредственность! Сильвен — зануда!

— Что с тобой творится? — спрашивает Марилен. — А ведь ты и выпил-то всего ничего.

Сильвен не сумел бы объяснить Марилен. Он гладит ей руку.

— Все в порядке, — успокаивает он. — Клянусь тебе, все обойдется.

Назавтра Сильвен является к Медье. Сердце его бешено колотится.

— Вас ожидают, — сообщает секретарша с улыбкой заговорщицы, приберегаемой для тех посетителей, с которыми продюсер на короткой ноге.

Густав Мейер курит сигару. При появлении Сильвена он встает. Не щелкает каблуками, не склоняет голову в низком поклоне, а ограничивается любезным пожатием протянутой руки. Он брнет и живостью походит на латинянина и по-французски говорит без всякого

акцента. Решительно, одни французы коверкают иностранные языки, решает Сильвен, усаживаясь в кресло, на которое ему указал Медье.

— Я полагаю, — говорит Медье, — теперь мы начнем быстро продвигаться вперед.

— Но... у вас все еще нет режиссера, — возражает ему Сильвен.

— А вот и ошибаетесь. Я подписал контракт с Семейоном. До этого Жак Семейон специализировался на короткометражках, и замечательно — тут ничего не скажешь. Он удостоен нескольких премий. Ему двадцать семь. Надо же предоставить шанс молодым, верно? Он присоединится к нам с минуты на минуту. А пока что Густав изложит нам свои соображения.

Короткая пауза, пока Медье наливает виски, и Мейер приступает.

— Вполне четкого представления о будущем фильме у меня пока что нет. Мне чуточку не хватило времени, но по поводу одного мы наверняка согласимся: «Вертер» Гёте лишен содержания. В романе отсутствует сюжет, нет ни перипетий, ни характеров. Это своего рода длинное раздумье о страсти, которая натолкнулась на препятствие.

Мейер наблюдает за лицом Сильвена, а оно выражает одобрение.

— Так вот, — продолжает Мейер. — Выходит, что отправной точкой нашего сценария и должна стать несчастная страсть. А несчастная страсть порождает комплексы.

Сильвен настораживается.

— Очень интересно, правда? — встревает Медье.

Сильвен страшится вникнуть в смысл слов Густава Мейера, но тот, увлекшись, развивает свою мысль, отбивая при этом такт ногой.

— А что такое комплекс? Точное определение — подавленный порыв. Вертер страстно желает Шарлотту, но при этом запрещает себе ее любить. Почему? Признаюсь, я долго искал объяснения, пока не нашел. Отбросим предположение об эдиповом комплексе — оно слишком примитивно. Вообразим себе лучше, что Шарлотта — точный портрет своего папы. Что может быть естественнее, правда? Но когда Вертера потянуло к ней, у него создалось впечатление, что его также потянуло и к ее отцу. Подсознательно, разумеется. Но вы представляете себе этот ужасный конфликт? Бедняге Вертеру не чужда склонность к гомосексуализму, которую он подавляет, и она ищет себе выход в необычайных лирических излияниях. Танцуя от этой печки, нетрудно выстроить сюжет и, главное, оправдать его самоубийство. Ибо каждый сценарист знает, что нет ничего труднее, чем найти оправдание самоубийству. Я даже удивлю вас, сказав, что в подаче Гёте самоубийство Вертера неоправданно. У Вертера нет для самоубийства глубокой причины, оно — прихоть автора. Как сценарист Гёте не стоит... как это у вас говорят?.. Ах да! Вспомнил: не стоит выеденного яйца.

Сильвен думает об отце — тот покончил с собой, вовсе не страдая от комплексов. И проникается ненавистью к Мейеру, не способному понять, что есть чистые самоубийства — самоубийства с высоко поднятой головой лицом к лицу со вселенной.

— Ах! — воскликнул Медье. — Вот и Семейон.

И тут шумно входит крупный блондин. Несмотря на мягкую погоду, на нем дубленка и вельветовые штаны в крупный рубчик. «Хорош, — думает Сильвен, — ему бы еще пастуший посох, зажатый в кулаке, и стадо овец за спиной».

— Простите великодушно! — вскричал Семейон. — У меня увели мотороллер. Пришлось тащиться на велосипеде. — Он валится в кресло и обмахивает лицо, растопырив пальцы веером. — Ну что? — интересуется он. — На каком вы этапе? Когда я обедал с

Густавом, он объяснил мне свою задумку. Меня бы она устроила. А вас?

— Нам нравится, — дипломатично отвечает Медье, как бы ручаясь и за Сильвена.

Семийон повернулся к Мейеру.

— Я бы хотел, — продолжает он, — чтобы мы присутствовали при исцелении Вертера.

В общих чертах суть психоанализа всем известна, но тут представляется удобный случай продемонстрировать его на глазах у зрителей.

Вскочив на ноги, Мейер соединяет квадратом указательные и большие пальцы, словно отработывая раскадровку.

— Я начинаю снимать от дивана. На нем кто-то вытянулся. Медленно поднимаюсь вдоль ног и наконец обнаруживаю лицо Вертера. Голос off^[27] врача-психоаналитика: «У вас возникает одна ассоциация за другой: любовь, соитие... И тра-а-ах! Мы прозрели и знаем теперь, что к чему».

Сильвен спрашивает, делая вид, что активно участвует в обсуждении:

— Вы переносите действие в наше время? Никаких костюмов той эпохи?

— Отличный вопрос, — отвечает Семийон. — Лично мне видится вся эта история в Америке. Отец Шарлотты может быть священником.

— Ах! — восклицает Медье, как сладкоежка, предвкушая лакомый кусок. — Вот это мысль! Пуританская среда. Трудности с самого детства.

— В костюмах чуть-чуть в стиле ретро, — с железной логикой дополняет его Мейер.

Семийон подходит к Сильвену, кончиками пальцев поворачивает его голову на три четверти в профиль и при свете из окна долго размышляет, пока наконец не роняет:

— Оно еще не слишком помято. — Осознав, что он тут не один и что Сильвен смотрит на него, извиняется: — Не обращайтесь внимания. У меня такая привычка — размышлять вслух. Я прикидываю необходимое освещение. — Он дружески похлопывает Сильвена по щеке. — Сойдет, старина. — И возвращается в кресло, по пути налив себе хорошую порцию виски.

— Остается Альберт, — замечает Медье.

Мейер продолжает:

— В романе Альберт лишь оттеняет главных персонажей. Для меня, как, впрочем, и для Жака, подлинным партнером Вертера является его врач-психоаналитик. И так как он тоже влюблен в Шарлотту, то, сами понимаете... Это подспудное соперничество между врачом и пациентом...

— Чертовски современно, — одобряет Семийон.

Разговор продолжается, но Сильвен отключился. Он чувствует себя прижатым к стенке. Гомосексуалист! Он! Ему бы дубасить кулаком по письменному столу, вопить: «Нет, ни за что!» А у него уже нет сил даже открыть рот. Более того, кто-то в нем согласен, полагая, что такое вполне допустимо и даже, пожалуй, не так уж и плохо, — кто-то, кто сдается, кого душит стыд, но кто созрел для двойной игры. К счастью, самоубийство положит конец его душевному смятению.

Он встает одновременно с остальными.

— Ну что ж, — говорит Медье, — поскольку мы пришли к обоюдному согласию, нужно поднажать. Густав пишет режиссерский сценарий. Жак приступает к работе с Сильвенем, помогая ему стать Вертером, какого мы в общих чертах набросали. А я займусь подбором актеров. Дорогой Сильвен, пришлите мне своего агента для заключения контракта. Еще раз благодарю, друзья мои.

Горячие рукопожатия. Однако стоило Семийону удалиться по коридору на десять шагов, как он оборачивается к своим двум компаньонам:

— Не поддавайтесь на удочку. Не исключено, что этот тип — проходимец. Если он не предложит нам участие в доходах, я сделаю ему ручкой. Его «Вертера» можно снять где угодно. А идея — общее достояние.

Они расстаются на улице. Семийон проходит несколько шагов с Сильвенем.

— Забавный парень этот Фридолен! — оценивает он Мейера. — Фрейд может порадоваться — для него он второй Декарт. И все же нельзя допустить, чтобы он на нас слишком давил, — мы и сами с усами. — Он указывает на кафе. — А не пропустить ли нам по маленькой? Нет? В самом деле нет? Тогда до завтра. Я приду к вам — в моей клетушке вечно бордель. Так что напомните мне свой адрес.

— Тридцать-бис, улица Боргезе, в Нейи.

— Нейи! Мсье неплохо устроился. Adíós^[28]!

Сильвен бредет домой, как сомнабула. Жребий брошен. Он будет Вертером. Страдающим от невроза. В конечном счете невроз — тоже болезнь романтическая. Это даже позволит ему обновить жестикуляцию, модуляции голоса. С этой стороны предстоит что-то придумать. Он довольно легко сможет обновить свой арсенал выразительных средств. Да будет так! Сильвен звонит Еве.

— Все в порядке. Медье ждет тебя по поводу контракта. Только учти: на меня ложится вся тяжесть картины. А это стоит денег.

— Можешь на меня рассчитывать, цыпленочек. Я безотлагательно все улажу. Ужасно за тебя рада.

Сильвен падает в кресло. Ну все, наконец-то на горизонте замаячил край пустыни. Сильвену прыгать бы на радостях, а он все еще никак не преодолеет сомнений, не расстанется с ощущением поражения, которое так надолго его парализовало. Впрочем, ведь теперь ему предлагали роль победителя. В Вертере нет ничего общего с Андре Шенье или Шопеном. Играя эти роли жертв, он торжествовал победу. А вот если он воплотит образ добычи врача-психиатра, то не загубит ли тем самым всю свою актерскую карьеру? После чего — занавес!

Телефон... Надоело. Настойчивый звонок. Ну и черт с ним. Однако нервы не выдерживают, Сильвен снимает трубку.

— Сильвен Дорель слушает.

— Вот уже несколько часов я пытаюсь к вам прорваться.

— Алло. Кто говорит?

— Тельма. Извините за беспокойство. Но вы не должны — вы меня слышите? — в данный момент вы не должны давать согласие сниматься. Мои тревоги на ваш счет возрастают.

— Но...

— Послушайте, Сильвен. Вы питаете доверие к моим словам, правда ведь? Так вот. Дайте мне рассказать. После обеда я прикорнула, и мне вдруг привиделся сон: катафалк останавливается перед особняком — копия вашего. Окна затянуты крепом с инициалами наподобие рыцарского герба — переплетенные буквы С. Д. Понимаете? С. Д. Сильвен Дорель. Интуиция меня никогда не обманывала. Уверяю, речь идет именно о вас. Так что прошу... Если вы сейчас что-то затеваете — лучше отложить. У меня уже были странные предчувствия на ваш счет. Это не впервые. Будьте осмотрительны, Сильвен, я вас

предупредила.

— Спасибо, дорогой друг, — бормочет Сильвен, потрясенный словами Тельмы. — Посмотрим, что еще можно изменить.

Он кладет трубку, но знает, что сейчас изменить уже ничего нельзя. Ева у Медье. Жребий брошен. Слишком поздно. У него никакого желания что-то предпринимать. Под каким предлогом? Он будет выглядеть олухом царя небесного. К черту катафалк!

И когда час спустя звонит Ева и сообщает Сильвену, что контракт заключен, у него расслабляются мышцы, в голове ни единой мысли. Проиграл он или выиграл — неважно. Главное — перемирие. Но тут он внезапно вздрагивает. Если он втянется в их игру, как того требует Ева, если он в совершенстве воплотит образ душевнобольного Вертера, как его задумал Мейер, кто знает, не скажут ли зрители: «Так вот, значит, почему Дорель ушел из кино! Черт побери! У него не ладится семейная жизнь. Его жене, должно быть, живется невесело». Какой абсурд! Это правда, их брак мог бы быть счастливее. Но Марилен постоянно озабочена, как назойливая муха кружит вокруг сладкого, так и она вынюхивает себе роль. Не будь оба одержимы потребностью играть, они бы наверняка лучше ладили. Жили бы в свое удовольствие. Но что, собственно, значит «жить в свое удовольствие»? Это когда прохлаждаешься, ублажаешь свое тело, отметаешь заботы — вчерашние и завтрашние? Но какой интерес так жить! Жить — наоборот, значит вибрировать без всякой передышки в магнитном поле по образцу стрелки компаса, которая трепещет в пронизывающем ее потоке магнитных лучей.

Сердце Вертера работает целенаправленно. Кончается напряжение, которое его воодушевляет, и он умирает. И Фрейд тут совершенно ни при чем. А Мейер, Семейон, Медье — тупые ослы.

«А я, кто их слушает, становлюсь противен самому себе. Кстати, сколько мне заплатят?» Ева назвала цифру, но он как-то пропустил ее мимо ушей. 150 тысяч франков? 200 тысяч?

Сильвен перезванивает Еве.

— Сто сорок тысяч, — говорит она. — И мне еще пришлось бороться. Он жутко какой несговорчивый, твой Медье. Но что происходит? Ты не в своей тарелке?

— Нет-нет. Мне досадно, что я так низко котируюсь. Какое падение!

— Да. Но если фильм понравится зрителям, цена удвоится, утроится.

Ей не видно, что Сильвен передергивает плечами. Он разочарован, как игрок, которого подвел тотализатор.

— Медье говорил о своем желании ангажировать Роми Шнайдер, — продолжает Ева. — Блеф, конечно. Где ему взять денег? Так что им придется довольствоваться Линдой Клейн. Ее фильмы пользуются зрительским успехом. Она хорошенькая, разбитная. Если бы ты почаще ходил в кино, уверена, ты бы ее оценил. Медье ожидает ответа своего агента. Он вдруг заторопился.

— Линда Клейн и Сильвен Дорель! — усмехается Сильвен. — Вряд ли такое сочетание имен заставит толпы кинозрителей ломиться на сеанс.

— Как ты не можешь понять! Это же новый старт!

«Новый старт». Слова Евы подают Сильвену мысль перелистать рецензии на его фильмы. Несколько специальных папок, набитых газетными вырезками, стоят рядом на полках домашней библиотеки. Гробы его славы. От них исходит запах клея и старой бумаги.

*Сильвен Дорель — лауреат премии
за лучшее исполнение мужской роли.
Незабываемый Фредерик Шопен!
Триумф Сильвена Дореля
на Берлинском кинофестивале!*

Фотографии, пачки статей...

А не лучше ли будет сейчас ему потихоньку стушеваться, вместо того чтобы идти по стопам тех актеров, которые на закате карьеры никак не могут оторваться от экрана и год за годом оттягивают свое окончательное «прости-поощай»? Зрители их любили. Зрители их разлюбили. Таков закон природы.

— Ничего подобного, — говорит Семейон, который уже с неделю ежедневно приходит поучать Сильвена. — Ничего подобного! Если ты ошеломишь зрителей, они станут есть у тебя из рук.

Семийон обращается к Сильвену на «ты». Он «тыкает» и Мейеру, который заявляется регулярно через день с дипломатом в руке, как важный начальник. Оба они чувствуют, что Сильвен в глубине души артачится, но это не мешает Семейону просто заходить от воодушевления, наполняя кабинет завихрениями, жестикуляцией, тогда как Мейер терпеливо разъясняет тонкости своей концепции.

Сильвен вынужден признать, что изобретательность того и другого напрочь лишена чувства меры. Фантазия рисует Мейеру грандиозную картину передачи актером того, что он называет «клиническим случаем Вертера». А Семейон, разлегшись на ковре, воспроизводит мимику пациента, после чего, резко вскочив на ноги, изображает Шарлотту. Их дуэт прерывают драматические паузы.

— Понимаешь, — уточняет Семейон, — она уже готова упасть к тебе в объятия, но тут тебе надо всем своим видом показать, что тебе все осточертело, тебе и хочется, и не хочется. Попробуйся. Нет, не так. У тебя бегающий взгляд. Щека дергается. Ведь это же нетрудно сыграть. Ладно. Прервемся.

Новая пауза — виски. Втроем они уговаривают по бутылке за два дня. Семейон прохаживается по кабинету. Роемся в книгах.

— Ах! Скажите на милость! Золя... Анатолий Франс... Поль Бурже. Ты еще читаешь такую литературу? Ну ты даешь!

И вот пока Сильвен поворачивается к нему спиной, Семейон натывается на потайной ящик в секретере. Открывает. Обнаруживает пистолет.

— Нет, — говорит он, — шутки побоку! Это от воров?

Достав оружие, он подбрасывает его на ладони. Сильвен бледнеет.

— Положи на место, — говорит он. — Он принадлежал моему отцу.

— Значит, правду рассказывают? — любопытствует Семейон.

— Да. Он покончил с собой, чтобы не попасть в руки гестаповцев.

— О-о! — воскликнул Мейер. — Извини, пожалуйста.

Оба смущенно умолкают.

— Может быть, сцена самоубийства тебе не по душе, — наконец говорит Семейон. — А между тем она — сильное место в картине. Нельзя ее смазать. Это значило бы предать автора. Как ты себе ее представляешь? Обговорить ее мы сможем позднее, но снять обязаны.

— Дай-ка, — просит Сильвен.

Он берет в руки револьвер и не без отвращения — есть жесты, какие не делают на людях, — и медленно подносит дуло к виску.

— Стой! — кричит Семейон. — Так я и думал. Пуля в лоб. Нет, старик, нет!

— Не тебе меня учить, как покончить с собой, — возражает Сильвен.

Семийон шутит:

— Послушать тебя — скажешь, что ты кончаешь самоубийством каждое утро. Ты же Вертер, а не первый встречный. — И тут же поправляется: — Первый встречный — неподходящее выражение, но ты меня понимаешь? У Вертера красивая мордаха. И он не станет ее уродовать. Нет... Дай-ка мне свою пушку.

Снова завладев револьвером, Семейон садится за письменный стол.

— Я полагаю, — продолжает он, — что Вертер оставит письмо. Во всяком случае, не такой он человек, чтобы вlepить себе пулю стоя и замертво плюхнуться на паркет. Воспитание ему не позволит такое... Он умирает, приставив дуло к сердцу... вот так... — Он тыкает дулом себе в грудь, прямо в сердце, и спускает курок. — Тут у меня сразу пойдет затемнение. Какая необходимость показывать зрителю, как Вертер рухнул на письменный стол, подобно обанкротившемуся банкиру. Тебе остается только чуточку подрепетировать, и дело пойдет само собой. Повторим сцену, где Вертер обнаруживает, что любит вовсе не Шарлотту. Гюстав, перечитай, пожалуйста, свой черновик.

И работа продолжается. И дни текут за днями. И Сильвену становится все больше не по себе в том образе, какой ему навязывают. Они корежат Вертера. Он делится своими сомнениями с Евой.

— Контракт подписан, — замечает она, — и ты уже не можешь уклониться от его выполнения. Напоминаю тебе параграф четырнадцатый: Медье и ты, вы несете ответственность перед судебными инстанциями Парижа за «невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательств по настоящему договору». Поэтому, как видишь, что-либо оспаривать слишком поздно.

— Но я подыхаю от этого мерзопакостного фильма. Он мне осточертел.

— Объяснись с Медье откровенно.

Сильвен не решается. Он уже не знает, чего хочет. Он ссорится с Марилен по пустякам. Швыряет трубку, когда его мать пытается поговорить с ним по телефону. У него лихорадочный взгляд. В левой руке начинается что-то вроде дрожи — он не переставая сжимает ее и разжимает.

— Хорошо, очень хорошо, — говорит Семейон. — Еще немного — и ты дозреешь.

Линда Клейн объявилась в Париже. Ну и дылда! Почти на голову выше его ростом.

— Нет!.. — стонет Сильвен. — Как я буду выглядеть рядом с ней!

— Согласен, — уступает Семейон, — она смахивает на валькирию, но так и задумано. Похоже, у тебя никак не укладывается в башке, что любовь Вертера к Шарлотте — чистое недоразумение.

— А значит, — продолжает за него Мейер, — чем больше составляющие этой пары не подходят друг другу, тем яснее становятся мотивы отчаяния Вертера.

Эти мучители его больше не отпускают. Им случается осесть у него на целый день. В обед они прямо на месте съедают по сэндвичу, и Берта сокрушенно глядит на хлебные крошки, рассыпанные по кабинету.

— Я выставлю их за дверь, — угрожает Марилен. — Можешь прилепить себе свой фильм сам знаешь куда. Даже не сподобился добиться для меня хотя бы пустяковой роли.

Все досталось тебе одному!

В конце концов Сильвен взрывается.

— Я отказываюсь, — заявил он Медье. — Я не способен влезть в шкуру гомика. Какая-то бредовая история.

Медье не полез в бутылку. Ему известно, что актеры — народ непредсказуемый и не терпят грубого обращения.

— А вы отдаете себе отчет в том, — тихо говорит он, — что ваш отказ — катастрофа? Через два месяца я надеюсь приступить к съемкам. Я вложил в это предприятие немалые средства. Прокатчики крайне заинтересованы. Вы не вправе отступать. И потом, не забывайте, что благодаря этому фильму у вас откроется второе дыхание.

— Я отказываюсь, — упрямится Сильвен.

Медье призывает на помощь Мейера и Семейона. Разыгрывается бурная сцена, постольку Мейер считает, что лучше его сценария ничего не придумаешь. Со своей стороны, Семейон не согласен лишиться Вертера, которого он сумел довести почти до депрессии.

— Сценарий, — внушает ему Мейер, — в какой-то мере напоминает одежду — всегда есть возможность подрубить подол.

— У меня идея! — вскричал Семейон. — В данной версии Вертер обнаруживает, что через Шарлотту его влечет к себе пастор. Но возможно и обратное. Шарлотта через Вертера может быть влюблена в собственного отца. Достаточно, чтобы Вертер хотя бы отдаленно походил на пастора.

Очевидный смысл такой трактовки обдает их грязью.

— Для этого даже не потребуется вносить изменения в мой текст, — говорит Мейер.

— Но тогда основной станет роль Шарлотты, — возражает Сильвен.

— Тут уж, старина, ничего не попишешь, — как отрезал Семейон. — Тебе не улыбалось играть гомика... Ну что ж, успокойся. Ты станешь психиатром. Лично я без всякой натяжки представляю себе Вертера врачом-психиатром.

— Но тогда прости-прощай мое самоубийство, — лепечет Сильвен.

— Ежели вам непременно требуется самоуничтожение, — просияв, встревает в разговор Медье, — думаю, можно вам его устроить.

— Проще простого, — поддакивает Мейер. — Психиатр влюбляется в Шарлотту. Какой психологизм! Дело его совести — открыть пациентке глаза на то, что она влюблена в своего отца. И теряет ее по мере того, как она осознает правду. И он не выдерживает.

— Высший класс! — оценивает Семейон. — И как это только я раньше не додумался!

Они обмениваются поздравлениями. Пылают воодушевлением.

— Вы довольны? — спрашивает Сильвена Медье.

Тот не перестает удивляться тому, что можно запросто повернуть сценарий в любую сторону, но счел, что с его стороны привередничать было бы нелюбезно.

— Что ж, попробуем пойти по такому пути, — одобряет он.

Вернувшись домой, Сильвен долго смотрится в зеркало ванной комнаты. Ну какой же он врач-психиатр? Слишком молод, никакой солидности. И еще один момент. Лицо врача должно быть непроницаемо, как маска, скрывающая его чувства. Он никто. Но в таком случае на что актеру талант? Первый встречный-поперечный сыграет эту роль лучше его. Зато его партнерша Линда Клейн извлечет львиную долю из своей. Единственный волнующий момент, какой ему еще останется, это сцена самоубийства. И если зрители не обретут его вновь таким, каким он бывал прежде, то нечего и упорствовать.

Вернувшись домой, Марилен застаёт мужа в спальне. Он растянулся на кровати и дремлет, сраженный большой дозой снотворного.

— Мне нужно передохнуть, — бормочет он. — Глаза бы мои их больше не видели...

На следующий день Сильвен договаривается о выходном. Он уже забыл, как выглядит Париж в погожий день. Как только он спускается по авеню Фош к Триумфальной арке, солнце ложится на его плечо ладонью друга. Он шагает куда глаза глядят, ни о чем не думая. Перестав быть Вертером, Сильвен смахивает на больного, не оправившегося от шока, полученного в автокатастрофе. Он присаживается на скамью. У его ног прыгают, щебеча, воробьи. Как бы ему не пройти мимо подлинной жизни, так и не увидев ее!

Сильвен не спеша обедает поблизости от площади Звезды, но около трех пополудни им снова овладевает тревога, и он возвращается в Нейи, ускоряя шаг, как если бы внезапно понадобился больному. Пройдя через сад, он толкает стеклянную дверь и торопится снять трубку автоответчика. Голос Медье:

— Есть новости. Позвоните мне сразу, как придете домой.

Новость! Вот слово, которое потрясает. Сильвен набирает номер дрожащими пальцами. Медье на месте.

— Какая у вас новость? — спрашивает его Сильвен.

— Значит, так. Сегодня утром мы долго беседовали с Линдой. Я был с Жаком и Густавом. Она остановилась в «Наполеоне», и при желании вы тоже можете пойти ее повидать. Вчера вечером она прочла сценарий, и я сообщил ей по телефону, какие изменения вы уже приняли.

— И что? — нервничает Сильвен. — Она согласна?

— Согласна, то-то и оно. Роль Шарлотты ей очень нравится. Но она высказала нам соображение, которое, по зрелом размышлении, представляется вполне резонным. Мы говорили, что Шарлотте кажется, будто она равнодушна к Вертеру, который стал у нас ее врачом. Помните?

— Да-да, прекрасно помню.

— Так вот. Подметив в себе эту порочную склонность к собственному отцу, по мнению Линды, если кто и должен покончить самоубийством, так это Шарлотта. И честное слово, Линда права. Ее героиня не выдерживает мук совести, что вполне естественно.

Сильвен остолбенел.

— А как же я? — бормочет он. — Она крадет у меня мое самоубийство.

— Да будет вам! — уговаривает его Медье. — Не нужно драматизировать.

— Мне, актеру, в этой экранизации просто нечего играть. При таком раскладе я становлюсь чурбаном.

— Гюстав — парень ловкий и готов переписать вашу роль.

— Если я вас правильно понимаю, — кричит взбешенный Сильвен, — вы пошли на поводу у Линды! Даже не согласовав со мной. Но, черт побери, за кого меня тут принимают?

— Дорогой Сильвен, — вкрадчиво говорит Медье, — ведь вы вовсе не обязаны соглашаться.

— Ах! Разумеется, я не согласен.

— Послушайте, дорогой Сильвен, вы же не захотите довести дело до суда?

— Да мне на все плевать! — орет Сильвен. — Я хочу, чтобы мне вернули мое самоубийство.

— С вами не сговоришься.

— Извините! Извините! Это вы поступаете нечестно. Любой на моем месте реагировал бы точно так же.

— Ошибаетесь.

— То есть как это я ошибаюсь?

— А очень просто. Есть актер, который согласен сыграть вашу роль без предварительных условий.

— Меня бы это удивило.

— Ну что ж, поинтересуйтесь у Даниеля Марсьяля.

— Этот подонок?!

— Послушайте, Сильвен, я не расположен затевать распри. Если вы отказываетесь принимать то, что вам предлагают, мне не остается ничего другого, как искать актера на стороне. Я человек дела. Душевные перепады не по моей части. Так что подумайте. Только решайте безотлагательно. Самоубийство — тоже мне, проблема. Его всегда можно чем-либо компенсировать.

— Но только не самоубийство Вертера.

— Допустим. В доказательство моей примирительной позиции предлагаю вам немедленно приехать. А я вызову к себе Жака и Густава, и мы обсудим создавшуюся ситуацию. Согласны?

— Лишь бы от этого что-то изменилось. Вы себе представляете эту дылду с пушкой в руках? Смехота...

— О! Но у нее на сей счет есть мысль. Никакого пистолета! Яд!

Последний удар нанесен.

— Вы меня не уберегли ни от чего, — хихикает Сильвен и шмякает трубку. Ему ужасно хочется что-нибудь разбить. Он уже не держит себя в руках.

Он черкает записку Марилен на листке из блокнота: «Ушел к Медье. Возможно, задержусь допоздна. Они угробили мою роль».

Рука так дрожит, что выводит каракули. Как же Тельма была права! Надо поставить крест на всякой надежде о втором дыхании. Поставить крест на Дореле!

Сильвен смотрит на часы. 16 часов. Медье сказал «немедленно», но надо дать время Семейону и Мейеру добраться до места. Впрочем, на кой черт сдались ему эти двое, если он решил окончательно послать Медье куда подальше. Чем скорее он хлопнет у него под носом дверью, тем скорее обретет спокойствие. Но Сильвен не может не признать, что спокойствие — не его удел. Обида, которую он уже так долго сносит день за днем, теперь привела к разрыву. Он швырнет ему, Медье, это известие прямо в лицо. Возможно, после этого ему навсегда будет заказано сниматься в кино, но терять ему нечего. Разве он уже не стал жалким актеришкой на подхвате, которым манипулируют как кому вздумается, с которым обращаются как с последним ничтожеством? Он покажет всем им, этим мерзавцам, на что способен. В голове потоком проносятся обрывочные фразы... упреки, жалобы, ругательства. Он натягивает куртку, проверяет содержимое бумажника — да, денег ему хватит.

Сильвен вызывает по телефону такси, вешает трубку, уже машинально подключает автоответчик. Один жест увязан с другим. Он действует как хорошо отлаженный робот, выходит через застекленную дверь и, экономя время, пересекает сад.

«Ну и гадина! Посулил мне золотую роль, а потом по кусочку, садистски сам ее и

отнял».

Такси не заставило себя ждать. Бросив водителю адрес, Сильвен валится на сиденье. Его возмущение уже не так пышет жаром, языки пламени становятся тлеющими головешками. Их пыл обжигает ему щеки, а в груди гудит как в очаге. «Яд! Хороша, нечего сказать! Шлюха несчастная!» Шофер наблюдает за своим пассажиром, который разговаривает сам с собой. Он умеет распознавать причины перевозбуждения: ревность, депрессия, фанатизм — и не прочь поскорее избавиться от этого странного типа. А тот уходит, даже не дождавшись сдачи.

Сильвен садится в лифт. «Если он станет возникать, вмажу ему по физиономии». Все его тело дрожит, как мотор при перегрузке. Заметив в глубине коридора силуэт, он заставляет себя замедлить шаг из последней заботы о нормах приличия. Мужчина идет, заложив руки за спину, нагнув голову, словно погруженный в раздумья. Сомнений нет — он вышел из кабинета Медье. И тут Сильвен узнает его. Это Даниель!

Сильвен налетает на него, хватая за грудки.

— Сволочь! С тобой все ясно.

Раздается пощечина. Другая. Она звучит четко. Марсьяль пытается защищаться. На шум открываются двери. В коридоре начинается суматоха.

— Господа! Послушайте, господа!

Драчунов разнимают. Сильвену не хватает воздуха. Кровь молотком стучит в висках. Выбравшись из толпы, он убегает к лестнице.

Даниель пришел, чтобы спереть у него роль, черт бы его побрал! Сильвен пересекает холл. Он уже не держится на ногах, но от ужасающего прозрения леденящий гнев сменяется испепеляющим бешенством. Он входит в ближайшее кафе. Усаживается в глубине.

— Двойное виски!

Он пытается припомнить последние слова Медье. Что он, собственно, сказал? Он старался говорить примирительно... Как бы не так! И в то же самое время вызвал к себе Даниеля. Правда, все могло обстоять иначе, и Даниель, возможно, пришел просто узнать новости. Но в таком случае Медье ему бы сказал: «Я ожидаю Дореля». А Даниель ему бы ответил: «Я вернусь через час». Их встреча в коридоре — чистое совпадение.

История старая как мир. Сильвен сбежал из театра теней, где все — и те, кто издевается, и те, над кем издеваются, — играют в одной и той же пьесе театра абсурда. Он просит подать писчую бумагу. Алкоголь, разливаясь по всему телу, привел его в блаженное состояние. Он пишет:

Я покидаю вас, друзья. Я на вас не в обиде. Медье, вы подлинный негодяй, но это не ваша вина. Вы жрете других, чтобы они не съели вас. Во рту у вас торчат клыки, которыми вы вынуждены пользоваться. Вам ежедневно необходима ваша порция свежатины. На свою беду, я оказался в пределах вашей досягаемости, и вы подумали, что если сможете заарканить меня за четырнадцать миллионов, то еще легче заарканите Даниеля Марсьяля, заплатив ему на несколько миллионов меньше. Совместно с Линдой Клейн вы разработали премилый план избавления от меня. Я оценил его по достоинству. Сыграно как по нотам, и, само собой, Семийон и Мейер стали вашими соучастниками. Мера предосторожности! Почем знать, а вдруг в один прекрасный день вам выпадет крупный выигрыш в лотерее, именуемой кинематографом? Так что лучше уж быть в числе ваших друзей. Я же, как вы выражаетесь на своем жаргоне, has been^[29]. Меня можно

раздавить, ничем не рискуя, зато, если вы расквасите нос со своим «Вертером», вас втопчут в землю — надеюсь, вам это известно. О, громкий лязг жующих челюстей за кулисами того, что вы не боитесь называть «седьмым искусством».

— Гарсон! Повторить!

Сильвен протирает глаза. За окном фланирует толпа, обычная для четырех часов пополудни, — туристы, деловые люди, профессионалки тротуара. Как все это далеко! Он возвращается к своему письму.

Признаюсь, я и сам был мелким хищником. Меня интересовали не столько деньги. Нет, скорее мой гардероб, мой холеный вид — все то, что мне отраженно читалось в глазах у женщин. До этого я еще питал иллюзии. К примеру, Марилен. Бедняжка моя! Ведь ты самая бездарная из всех актрис, кто попался на моем пути. Я думал, что ты выходишь за меня, воздавая дань моему таланту. Какое! Тебя манила перспектива крупных контрактов. Даниель тебя не устраивал — он неудачник. Но при всем том, что я терпеть его не мог, должен признаться, что он, несомненно, головастее меня. Сумей ты отучить его от спиртного, и он смог бы далеко пойти. Но у тебя на это не хватило соображения. Все, что тебе нужно, это вкусно поесть! О, ты ничем не хуже всех других. Мой брат, если бы он только посмел, свистнул бы у меня из-под носа самые лакомые кусочки. И все остальные — паразиты, о которых не стоит и вспоминать! Там, где пахнет деньгами, там, словно по чистой случайности, объявляются и приятели — старые, о которых ты забыл и думать, и новые, чьи имена еще не успел запомнить. И вся эта братия весело лязгает челюстями, скребет ногтями, до тех пор пока от падали не останется ничего, кроме добела обглоданного костяка. И тогда честная компания расходится, облизывая губы или чистя перья, оставив после себя скелет. Мой скелет. Потому что я намерен распрощаться с жизнью. Как когда-то мой отец. Он — чтобы не угодить в лапы гестаповцев, а я — чтобы уйти от низости, жестокости, лжи. Впрочем, все едино.

— Гарсон... Повторить!

Алкоголь льет ему на душу елей умиротворения. Дышится уже легче. Он продолжает:

Ваша Линда Клейн покончит с собой, приняв гарденал, словно субретка. Какая дешевка. Ну а я покажу вам, как прощается с жизнью тот, кого зовут Вертер. Прощайте! Жалкие, ничтожные люди!

Аккуратно сложив листок, Сильвен убирает его в бумажник и, расплатившись, уходит. Легкий ветерок, налетевший с площади Звезды, слегка кружит ему голову. Он мог бы возвратиться домой и пешком, но как бы не ослабла его решимость. Времени пять вечера. Берта уже ушла, а Марилен еще не вернулась. Дома ни души. Самый подходящий момент, если успеть быстро добраться до дома.

— Приятного вам вечера, — вежливо прощается таксист, отъезжая.

Сильвен машет ему рукой. Где то времечко, когда перед ним распахивали дверцу! Просили у него автограф! Он пересекает сад, входит в свой кабинет через стеклянную дверь. Сбрасывает плащ. После пощечины Даниелю было бы весьма кстати подать на него жалобу и тем самым привлечь внимание к своей персоне. Слишком поздно, старик.

Сильвен садится за письменный стол и достает из ящичка револьвер. Удержать дуло прямо перед грудью трудно, тут нужны две руки. Такая поза немного комична. Семейон не режиссер, а бездарь. Ах! Сильвен чуть не забыл. Выложив письмо на видное место, он прикрывает глаза и спускает курок.

Нечто, пока еще безымянное, плавает в белой, а может, и зеленой массе. До ее поверхности еще плыть и плыть, а воздуха не хватает. И вдруг внутренний голос опасливо подсказывает, что нечто — это и есть я. От такой догадки все становится на свое место: вокруг меня цветные пласты воды и я всплываю со дна океана. Требуется невероятное усилие, чтобы понять, что его окружают светлые стены, а яркий свет слева — не солнце, а горящая лампа у изголовья кровати. Нечто стало мною, и я открываю глаза. Моя грудь в тисках повязки, но я жив.

В этом еще предстоит разобраться — такое никак не может быть правдой... А между тем я в состоянии чем-то пошевелить. Но чем? Я ощущаю прохладу простыни. Выходит, я шевелю ногой. Своей ногой. Я очень устал. Мое сознание туманится, но не пропадает. И я ощущаю разницу между небытием, как в коме, и безмятежным отсутствием, как во сне.

Новое пробуждение, на сей раз почти с ясной головой и лишь с клочками туманных воспоминаний. Сильвен отчетливо помнит лишь одно — решение покончить с собой. Не получилось, доказательством тому — плотные бинты, сжимающие грудную клетку. Он хотел избавиться от жизни, что в известном смысле ему и удалось. Он изнурен болезнью, но стал новым человеком. Откуда в нем такая уверенность, что он выживет? При всем том, что его туго запеленали, к носу и рту подсоединены резиновые трубки... он наверняка смертельно ранен. Тельма... Приходится напрячь всю память, чтобы вспомнить, что связано с этим именем. Воспоминания такие расплывчатые... Катафалк... Она видела катафалк... Нет! Рядом слышится голос: «Он пошевелил губами». Другой голос спрашивает: «Слышит ли он нас?» Ему бы так хотелось снова открыть глаза, сообщить что-то срочное. Но кому?

Голоса смолкли, но осталось чье-то присутствие, которое плавно перемещается. Но вот мать, шелестя, удаляется. Однако он все еще не один. Рядом с кроватью скрип. Возможно, скрипит стул. Его бдительно охраняют. Бояться нечего. Можно расслабиться и снова утратить себя. Время течет само по себе. Теперь таинственным образом настал день. Лампа не горит. Свет проникает через окно. Он обессилен, но мысль работает четко. Эта комната — больничная палата. Зачем его заставили вернуться к жизни? Чтобы потребовать отчета? Добиться извинений? Ему нечего объяснять. Оставленное письмо говорит само за себя. Егс размножат, прокомментируют. Сильвен позабавился, вообразив себе, как разгорается скандал — бешенство одних, притворная маска сострадания других. Выздоровев, он станет для всех них перебежчиком, предателем, прокаженным. И от него отвернутся все, начиная с Марилен. Отныне он своего рода эмигрант. Может, ему и вправду податьься в другую страну? Мысли свободно гуляют в его голове, он на них не сосредоточивается.

Дверь открывается. Над ним, улыбаясь, склоняется сестра милосердия.

— Тсс! Не пытайтесь говорить. Вас вызволяют с того света.

Она ставит ему термометр. В ее жестах никакой укоризны. По ее понятиям, самоубийца ни в чем не виноват, и Сильвен обретает душевное спокойствие. Он приподнимает голову, но из-за термометра во рту не может ее поблагодарить. Мысленно улыбаясь, он валится на подушку. Сестра ходит по палате. Вот она у штатива, с которого свисают трубки. Меняет капельницу, вынимает термометр. Сложив губы в знак одобрения, проводит ладонью по его

лбу.

— Меня зовут Габи. Не двигайтесь. Бояться больше нечего.

Бояться? Он никогда и не боялся.

— Вам уже не причинят зла, — добавляет она.

Сильвен пытается уразуметь смысл ее слов. Значит, его письмо уже предано огласке. Намекает ли Габи на врагов, которые довели его до самоубийства? Он вопрошает взглядом и с бесконечным трудом произносит:

— Сколько времени?

Ей понятны тревоги пациентов.

— Сколько времени вы находитесь здесь? — переводит она этот вопрос. — Вас привезли позавчера, под вечер. Так что лежите спокойно. Если будете вести себя хорошо, вам могут разрешить короткое свидание с женой. И разговаривать запрещено. И скоро дело пойдет на поправку.

Сияясь понять, как это ему больше не причинят зла, Сильвен засыпает. Он пробуждается от позвякивания медицинских инструментов и флаконов на тележке с перевязочными материалами. Хирург. Ассистенты. Какая же это болезненная процедура — смена повязки. Стоит ему вздохнуть поглубже, и грудь пронзает острая боль.

— Ему повезло, — говорит хирург. — Исход решили несколько миллиметров. В принципе сердце было обречено.

От резких запахов к горлу подкатывает кашель. Он изо всех сил преодолевает ужасную боль, как от удара кинжалом.

— Легкое задето, — продолжает хирург, — но это дело какого-нибудь месяца. Что ни говори, а случай неординарный: промазать, стреляя в упор!

Процедуры завершены. Кто-то измеряет ему давление и шепотом обращается к врачу:

— Визиты, само собой, отменяются, даже для жены. Пока что полный запрет. Комиссар — дело другое. Только пара минут. Понятно, Мишель?

Мишель — должно быть, так зовут студента-практиканта.

— Я прослежу лично, — заверяет тот.

В завершение хирург склоняется над Сильвеном. Он напоминает... Да, он похож на Пьера Брассера^[30]. Доктор дружески сжимает ему плечо и говорит:

— В другой раз будьте осторожнее.

«Осторожнее?» — думает Сильвен. Остерегаться чего? Кого? Несомненно, Медье. Видно, хирург тоже читал его письмо. До чего тяжело возвращаться к жизни, понять... Поскольку есть вещи, которые необходимо понять. Комиссар? При чем тут комиссар?

Тележка удаляется, и ноги шаркают уже у дверей. Голос хирурга: «Прошу вас!.. Позже!.. Позже!..» Потолок озаряет вспышка блица. Дверь прикрыли за собой с той стороны.

Вспышка фотоаппарата! Это и вправду была вспышка фотоаппарата! «Скажите на милость, — подумал Сильвен, — мое самоубийство их расшевелило. Так и вижу газетные заголовки: “Прежде чем покончить с собой, Сильвен Дорель свел счеты...”» Что-нибудь в таком духе. Выходит, он страдал не напрасно.

На этой радостной мысли Сильвен прикрывает глаза и погружается в сон.

Позже... Но что означает это «позже»?

...Все та же комната зеленоватого цвета, та же тумбочка у изголовья справа, а слева — тот же штатив, с которым он связан пуповинами. Однако уже прошло какое-то время, так как он чувствует себя крепче, немного лучше владеет собой — достаточно хорошо, чтобы

принимать решения. Он скажет, что ничего не помнит. У них есть письмо, и этого достаточно. Начни он исповедоваться, и ему придется извлечь на свет божий свои отношения с Марилен, Николая, Медье, и так без конца и края. Лучше уж положить конец всему сразу. Разве он не вправе утратить память? Посмотрим, как они отреагируют — все они. А почему бы ему не провести некоторое время в доме отдыха?

На этот раз он задумывается всерьез, старается рассуждать логично. Пора ему уже умерить пыл. Его бросает в жар. Хорошо бы промокнуть лицо.

— Габи, — позвал Сильвен и не узнал собственного голоса: хриплый, дрожащий, как у столетнего старца.

Между ним и окном возникла тень медсестры.

— Пить, — бормочет он.

Она подносит ему питье, так, чтобы он пил медленно, по глоточку.

— Вам уже лучше, — решает она. — Иду предупредить Мишеля.

Мгновение спустя к кровати подходит практикант. Сильвен видит за его спиной незнакомца. Плащ из темного габардина гармонирует с обстановкой палаты.

— Комиссару Шатрие нужно уточнить некоторые обстоятельства, — говорит Мишель. — Ограничьтесь ответом «да» или «нет». Отвечать подробней вы пока не в состоянии. — Он оборачивается к полицейскому: — Не утомляйте пациента!

Комиссар ставит стул прямо напротив Сильвена.

— Мне хочется вас ободрить, — шепчет он. — Вы вне опасности. Но ваша жизнь держалась на волоске.

Практикант слушает, наблюдая за лицом пострадавшего и готовый прервать визит в любой момент.

— Скажите, — продолжает Шатрие, — кто в вас стрелял?

Сильвен нем как рыба. Он так владеет собой, что на его челе нет и признака мысли. Он не моргая смотрит на комиссара, который вопрошающе глядит на Мишеля.

— Вы уверены, что он очнулся?

Практикант в свою очередь обращается к Сильвену:

— Господин Дорель... Вы поняли вопрос? Кто покушался на вашу жизнь?

Сильвен только мотает головой справа налево.

— Как это нет? — удивляется комиссар. — Вы что, забыли? Вы сидели за письменным столом. Кто-то вошел, возможно из сада, но это несущественно, и выстрелил. Стреляли в упор, о чем говорит прожженная дырка на вашем пиджаке. Значит, вы знаете убийцу. Будь он вам незнаком, вы бы не продолжали спокойно сидеть. Вы бы вскочили, возможно, подрались. Но нет, вы позволили ему подойти вплотную и не пошевелились. Следовательно...

Практикант обрывает его:

— Господин комиссар, вы говорите так быстро, что больной не успевает уловить смысл ваших слов. Пожалуйста, два-три четких вопроса — и на сегодня достаточно.

— Да, вы правы, — соглашается полицейский. — Господин Дорель, напрягите память. Ваш визитер — незнакомец? Вы никогда раньше его не видели? Да или нет?

— Нет, — выдавливая из себя Сильвен.

— Значит, он свой человек в доме?

— Нет.

— Вы не желаете отвечать?

— Нет.

— Значит ли это, что вы кого-то покрываете? Напрасно, потому что мое расследование продвигается, но с трудом, и мы могли бы выиграть время. — Комиссар отодвигает стул и встает. — Это ни на что не похоже. Ему наверняка известно, кто на него напал.

Взяв шляпу, полицейский готов уже шагнуть за порог, но, отдав себе отчет в том, что грубовато обошелся с пострадавшим, оглядывает его безжизненную руку на простыне, колеблется и, предпочитая ее не пожимать, откланивается.

— Скорейшего выздоровления, господин Дорель. До скорого.

Одумавшись, он возвращается и садится на прежнее место, несмотря на протесты практиканта.

— Один, последний вопрос, — заверяет он. — Господин Дорель, вы, по крайней мере, помните, как вернулись домой?

— Нет.

— Вот ведь, оказывается, в чем штука. — Крайне разочарованный, он обращается к Мишелю: — По-вашему, нормально, что пострадавший утратил память именно в тот момент?

Мишель уводит комиссара к двери, и до Сильвена доносится лишь их неразборчивое перешептывание. Когда дверь за ними закрывается, Сильвен остается в палате один, потрясенный новостью. Если полицейский подозревает, что совершено покушение на его жизнь, значит, револьвер и письмо не попали в руки следствия, сомнений нет. Такая мысль приободряет Сильвена, придает ему силы. Он не пожелал бы себе ничего лучшего, чем быть убитым, и прикидывает так и эдак. Такая версия логично увязывает все факты: кто-то забрался к нему в кабинет... прохожий... вор... безразлично, и, столкнувшись с ним нос к носу, выстрелил и скрылся. Ему достаточно долдонить: «Я забыл... Я уже ничего не помню...» Мозговая травма с перепугу — такое наверняка случается. И пусть себе комиссар уверяет, что расследование якобы продвигается. Вранье. Он будет всеми средствами добиваться его признаний, которые навели бы на верный след.

«А ведь я и вправду никого не видел!» — сказал себе Сильвен, но в следующий миг осознал, что у него в голове полная путаница. Как мог бы он кого-то увидеть, коль скоро сам и был тем, кто...

Сильвен позволяет себе вздремнуть. Но стоит ему вновь открыть глаза, как на него, подобно хищной птице, обрушивается вихрь мыслей. Если револьвер и письмо исчезли, значит, их кто-то взял. Но кто? Наверняка не случайный посетитель. Скорее, кто-то из близких. Тот, кто, обнаружив его бездыханное тело, решил, что его убили, и, не желая оказаться замешанным в драму, припрятал письмо и револьвер. Но почему? Ясное дело: во избежание огласки. Его письмо как бомба замедленного действия, чьи осколки способны ранить без промаха... по правде говоря, более или менее всех.

Сильвен продолжает обдумывать свою версию. Кто-то припрятал письмо. Ладно. Это еще звучит правдоподобно. Но вот оружие... Зачем прятать оружие? Было бы гораздо естественнее оставить пистолет рядом с трупом самоубийцы. Как вещественное доказательство. Расследование на этом бы и споткнулось. Тогда как при версии убийства все — от Марилен до Медье, не минуя Мейера и Семейона, — все они подвергнутся допросу с пристрастием, столкнутся с кучей неприятностей. Неужто этого кто-то желает? Ерунда. Такая версия не выдерживает критики. Разве что... речь идет о каком-то шантажисте, который напишет ему: «Письмо, доказывающее самоубийство, и пистолет с отпечатками

ваших пальцев находятся у меня. Жду выкупа». Нет, это отпадает. Человек, завладевший вещественными доказательствами, не мог знать, что врачи добьются невозможного и воскресят мертвеца. Перед ними находился явный труп. А чего ждать от трупа?

На сей раз домыслы совсем обессилили Сильвена. Габи констатирует повышение температуры и срочно вызывает практиканта. Тот прописывает успокоительные таблетки.

— Визит этого сыщика выбил больного из колеи, — объясняет он. — Больше никаких визитеров вплоть до нового распоряжения.

— Но его жена тут. И брат.

— Мне плевать. Пускай приходят в другой раз.

Слыша их разговор, Сильвен вспоминает безжалостные фразы своего письма. В какую калошу он бы сел, если, на его беду, его предали бы гласности! Имел ли он право писать столь злые вещи? И думает ли так на самом деле? Теперь его гнев поутих. Он ни на кого не в обиде. Чего бы он желал, так это обрести возможность обмениваться извинениями, как обмениваются подарками — ко взаимному удовольствию.

Время от времени Габи приходит удостовериться, что Сильвен безмятежно отдыхает. Она помогает ему приподняться на подушке. Он стонет.

— Лучше помолчите, — весело говорит она. — Возвращаясь из небытия, человек не имеет права хныкать. С вами произошло чудо. Поистине. Вас спас бумажник. А вы и не подозревали?

Вот еще одна тайна, которая требует разгадки. Их слишком много. Он сдается. И все же память против его воли, как зверь в клетке, упрямо кружит вокруг одного вопроса: кто и зачем мог похитить револьвер и письмо? По здравом рассуждении, этот человек наверняка не посторонний. Какой-то знакомый пришел с ним поговорить. А может, это Марилен вернулась домой со студии? Или Берта с покупками? Или Николая?.. Среди мужчин и женщин, которые не преминут его навестить, один наверняка виновный. Виновный! Слово не слишком сильное, поскольку несуразное вмешательство, перекрасившее самоубийство в покушение на жизнь, воспринимается им как преступление. Узнать бы теперь, кому оно на руку.

Сон. Пробуждение. Процедуры. Обход врача. Хирурга сопровождает доктор, который расспрашивает Сильвена. Должно быть, психиатр. Он терпелив и спокоен, но, сам того не ведая, подсказывает Сильвену линию поведения.

— Вы находились у себя в кабинете, помните?

— Нет.

— Тогда каково ваше последнее воспоминание — до того момента, как произошла драма?

— Моя драка с Даниелем Марсьялем.

— Да, нам стало известно про это по ходу расследования. Ну а что было потом?

— Ничего.

— Получили ли вы удар по голове?

— Не знаю.

— Скажите, вы вернулись домой пешком или вас подвезли?

— Нет.

— Когда вы дрались, вами владело сильное озлобление?

— Да.

— Очень сильное?

— Да.

— Будь у вас под рукой оружие, вы бы воспользовались им?

— Да.

Врач-психиатр и хирург отходят от его постели и совещаются, но Сильвен уверен: он в выигрышном положении. Конечно, психиатр будет и дальше донимать его вопросами, и надо быть настороже. Тем не менее его диагноз уже определился: психическая травма вследствие неконтролируемой эмоции, что обернулось амнезией. Что-то в этом роде. И никто не смог бы доказать обман. Никто... за исключением человека, завладевшего письмом.

Психиатр снова подходит к Сильвену.

— Не волнуйтесь, — говорит он, — память мало-помалу вернется к вам. Когда вам станет лучше, я обследую вас обстоятельнее. Не теряйте присутствия духа.

Он жмет ему руку. Хирург улыбается.

— Все идет своим чередом. Я доволен и разрешаю два-три визита, но коротких. Много не разговаривать!

Первый посетитель — Марилен. Она растроганно чмокает Сильвена в лоб.

— Как же ты меня напугал, — говорит она. — Войдя в кабинет, я приняла тебя за мертвого и сразу позвонила в полицию, а потом, кажется, упала в обморок. Видимо, ты был на пороге смерти. Еще несколько минут — и конец. Боже мой! — Она спешит извлечь из сумочки носовой платок и пару раз прикладывает его к глазам. — Затем посыпались вопросы, как будто во всем виновата я. Вот если бы я вернулась домой напрямик со студии... и сразу зашла в твой кабинет... Вот если бы мы лучше ладили между собой... Почему я знаю... И рылись по всему дому, якобы желая удостовериться, что у нас ничего не украли. Помнишь шкафчик, куда я прячу свои маленькие секреты? Они залезли и туда. Совали нос повсюду. Я была возмущена. Народу собралось видимо-невидимо! Даже перед домом. Журналисты, радиорепортеры... Ах! Клянусь тебе, для них это был настоящий праздник.

Сильвен слушает с величайшим вниманием, желая убедиться, что ее рассказ звучит правдиво, что в ее слова не прокрадывается ложь. Нет, не Марилен обнаружила письмо и револьвер. Он бы учуял фальшивую нотку.

— Вот, — говорит она, — я принесла самые интересные вырезки. Это развлечет тебя.

Она извлекает из конверта пачку статей и лихорадочно листает.

«На Сильвена Дореля совершено нападение у него дома, среди бела дня... Знаменитый киноактер находится в коматозном состоянии... Тайнственное преступление: неизвестный обрушивается на знаменитого киноактера Сильвена Дореля».

— Увидишь сам — в каждой строчке слово «знаменитый». А ты считал, что тебя забыли. Как же ты ошибался! Жаккель пространно рассказывал о тебе по телику. Он напомнил, что ты — сын героя Сопротивления... и что сам всегда стремился играть героических персонажей. И еще что-то лестное, я позабыла. В результате телефон не умолкает. Тебе это хотя бы приятно слышать?

— Ну конечно.

— Неприятно то, что Медье отказался от «Вертера». По крайней мере, на данный момент, из-за твоей стычки с Даниелем. Потому что она наделала много шума, чего ты не можешь знать. Я забыла тебе сказать, что Даниель задержан и находится под стражей.

— Неужели? Давно?

— Со вчерашнего вечера.

— Какой бред!

— Хорошо бы, ты оказался прав. Потому что я попала в нелепое положение. Мой второй муж в клинике, а первый — за решеткой. Некоторые газеты станут смаковать такую ситуацию.

— Мадам! Мадам! — вмешивается медсестра. — На сегодня достаточно.

— Ладно, убегаю.

— Принеси-ка мне завтра электробритву, — просит Сильвен.

Марилен чмокает его в губы. Похоже, треволения последних дней на ней не сказались. Газетные статьи, атмосфера всеобщего любопытства — это для нее своеобразный допинг. Она достигла пика славы. «Бедняжка Марилен! Что же я написал о ней в письме? — задается вопросом Сильвен. — Кажется, “полная бездарь”. Если бы она знала! Да она облила бы меня соляной кислотой».

— Совсем забыла. Твоя мама не смогла прийти — после известия о твоём ранении у нее началось что-то вроде нервного стресса. Ничего страшного, но ей прописали пару дней постельного режима. Николая при ней. Не беспокойся. Буду держать тебя в курсе. До завтра.

Послав ему воздушный поцелуй, Марилен исчезает.

— Ну вот, — говорит Габи, — у вас огорченный вид.

— Ничего подобного, — спешит опровергнуть ее Сильвен.

Однако заботы не оставляют его. Даниель за решеткой. Как это, однако, досадно. Почему он попал под подозрение? Правда, он подвергся оскорблениям и его избили. Полиция вправе думать, что он хотел мне отомстить. Но ведь от подозрений до обвинения — дистанция огромного размера. Так или иначе, о том, чтобы обнародовать правду, нет и речи. Знаменитый актер Сильвен Дорель не был, не может быть, не должен быть человеком, который кончает жизнь самоубийством... И даже не способен сделать это как подобает. Подумаешь! Даниеля отпустят на свободу, и все дела. А краткое содержание под стражей только привлечет внимание к его особе.

Газетные вырезки разлетелись по полу: Сильвен не может совладать с руками из-за повязки. Габи, которая в восторге от того, что замешана в трагедию, о которой пишут все газеты, приходит ему на помощь. Она зачитывает пациенту лучшие места.

— Послушайте-ка, господин Дорель: «Вот уже двое суток, как жизнь того, кто был любимцем зрителей, висит буквально на волоске. Следствию приходится трудно из-за отсутствия улик. Когда незадачливый Сильвен Дорель подвергся дикому нападению, он был у себя дома один, и, поскольку имел досадную привычку не запирает дверей своего дома, к нему кто угодно мог войти и выйти, не привлекая внимания соседей. Тем не менее энергичный комиссар Шатрие заявил нам, что побудительным мотивом преступления было не ограбление. Подтверждается и то, что Сильвен Дорель предполагал сниматься в главной роли в фильме немецкого продюсера. Желаем, чтобы тот, кого нарекли очарованным принцем, поскорее вернулся на съемочную площадку».

Или вот еще: «Состояние знаменитого киноактера все еще остается без изменений. Тот, кто бесподобно воплощал на экране трагическую судьбу таких персонажей, как Фредерик Шопен, Андре Шенье, герцог Энгиенский, теперь борется за собственную жизнь».

А вот заметка из газеты «Иси-Пари»: «Спасенный бумажником. Пуля, едва не сразившая Сильвена Дореля, наткнулась на пластиковую кредитную карточку “American

Express”, которую киноактер постоянно носил в бумажнике, и, чудом отклонившись, прострелила легкое, но не навлекла непоправимой беды. Сильвен Дорель нашел в себе силы сказать нам: “Я везунчик!”».

— Я ничего такого не говорил, — опровергает Сильвен. — Я был в бессознательном состоянии. Что за люди! Сочиняют всякие небылицы.

— Но в сущности, это правда. Вы счастливчик.

Подумав, Сильвен грустно улыбнулся.

— Я над этим никогда не задумывался, — сказал он, — но вы правы. Три года назад я попал в аварию — дело было в Италии, — но чудом не пострадал.

— Ага. Вот видите — вы везучий.

В дверь постучали.

— Впустить? — спрашивает Габи. — Вы не переутомились?

— Нет. Через это нужно пройти.

Медье. Он идет через комнату, протянув Сильвену обе руки. Он излучает дружеские чувства.

— Дорогой Сильвен! Застать вас в больнице, в таком состоянии!.. Ах, никогда не прошу себе нашу маленькую размолвку... Но это в прошлом, не правда ли? Быстрее выздоравливайте. Нас ждут другие проекты. С «Вертером», разумеется, покончено из-за всего этого. — Он указывает на газетные вырезки. — Представляете себе, что могло произойти, — продолжает он, — если бы я поручил вам роль Вертера. Фильм бы освистали. Вы стали бы героем, которого смерть обходит на каждом шагу. Читали статью в «Иси-Пари»? Везение! Об этом только и говорят. Мы больше не можем убивать вас на экране. Зрители кричали бы «бис». О том, чтобы дать роль Линде, уже не может быть и речи. Отныне зритель желает видеть одного Сильвена Дореля. В одночасье вы опять стали кинозвездой. — Наклонив голову, Медье смотрит по углам. — Вы уже получали предложения?

— Предложения? Какие предложения?

— Ладно, ладно... Короче, зачем мне вам все разжевывать? Лично я готов подписать с вами контракт на пять фильмов.

— Свяжитесь с моим агентом.

— То-то и оно. Я уже заручился ее согласием.

— Дьявол! — чертыхается Сильвен. — С вами мне просто будет некогда отдать концы.

— Вы даете мне слово? — настаивает Медье.

— Но о каких фильмах идет речь?

— Понятия не имею. Поживем — увидим. Главное — чтобы я мог на вас рассчитывать. Разумеется, на совершенно других условиях. — Медье благодушно смеется. — Стоит только дать себя убить, а об остальном позаботятся, можете не волноваться. Я тот человек, который готов взвалить на себя все остальное, — шутит он. — И для начала принес вам подарочек.

Медье извлекает из дипломата бутылку шампанского и водружает на тумбочку.

— Очень рекомендуется для восстановления сил. Выпейте за свои будущие успехи. Я покидаю вас. Заглянул к вам буквально на ходу.

Сильвен удерживает его, схватив за запястье.

— Какие у вас новости о Даниеле Марсьяле?

— Ну что ж... он задержан, и его допрашивают.

— Его не посадят в тюрьму?

— Думается, это зависит от вас. Вы намерены свидетельствовать против него? Если стрелял в вас он, то кому лучше знать об этом, как не вам?

— Я все забыл.

Медье понимающе хихикает.

— Меня это дело не касается, — изрекает он. — Давайте выздоравливайте скорее, дорогой Сильвен. Мы ждем вас.

Сильвен остается наедине со своими проблемами. Но в сущности, дилемма проста: или сказать им правду, или пусть считают, что на него совершено покушение.

«Если я признаюсь, что хотел покончить самоубийством, то потеряю все — рекламу, контракты, свой шанс вернуться на экран. Если же буду молчать, возможно, Даниелю грозит тюрьма».

При таком раскладе все выглядит хуже некуда, и Сильвен убеждается, что напрасно ищет логику там, где она неуместна. Начать с того, грозит ли Даниелю тюрьма. Комиссар, само собой, будет долго кружить вокруг этого своеобразного любовного треугольника — жены и двух ее мужей. Все трое — актеры, а значит, мастаки по части комедийного розыгрыша. Кто из троих лжет? А может, лгут все трое? Он станет допытывать их вопросами, но так ничего и не обнаружит, поскольку обнаруживать-то нечего. А значит, Даниелю ничто не угрожает. Так что ему лучше всего молчать, чтобы не спугнуть славу.

У Сильвена хорошее самочувствие. Он кладет руку на кучку газетных вырезок. Он уже не горит желанием их читать. Они просто кучка бумажек, доставляющих ему радость. Лицо очарованного принца обросло щетиной, как у бродяги, под глазами синяки, напоминающие грим, волосы слиплись от пота. И все же он улыбается самому себе при мысли, что его фото снова у всех перед глазами.

Сильвен впервые спит, не прибегая к помощи снотворного, и хирург, который приходит его перевязать, удивляется темпу заживления раны.

— В добрый час, — говорит он. — С такими ранеными, как вы, работать одно удовольствие. Только берегите себя, ладно? Благоразумие все еще необходимо...

Изучая кривую температуры, он спрашивает Габи:

— Визиты его не слишком утомляют?

— Нет. Я получаю от них большое удовлетворение, — заявляет Сильвен.

— Тем лучше. И все же я бы не хотел, чтобы наш пациент увлекался разговорами. Визиты — да, но не конференции. Все это убрать.

Хирург указывает на трубки, штативы с колбами. Он, как обычно, спешит. Кивок — и кортеж исчезает за дверью.

Не дождавись возвращения Марилен, Сильвен просит Габи одолжить для него бритву и снимает с лица ужасный лишайник, которым оно поросло. Взмах гребешка. Умывание туалетной водой на скорую руку — и вполне можно показываться на людях.

Габи протягивает Сильвену зеркало. Он долго рассматривает себя. Не бог весть что, мой мальчик. Жалкая мордаха, отмеченная перенесенным испытанием. Но глаза блестят. В конечном счете жизнь — прекрасная штука! В особенности когда ты сумел удержаться на волоске от того, чтобы потерять ее глупейшим образом. Теперь, когда кризис миновал, он не может понять, как его угораздило... То был другой Сильвен, и он умер. Возможно, он уже многие годы вынашивал мысль о самоубийстве.

Габи приносит утренние газеты. На первых полосах все еще муссируется таинственное преступление в Нейи. Но уже выдвигается гипотеза, которая не могла не прийти людям на

ум.

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА ПОЧВЕ СТРАСТИ?»

Общеизвестно, что Сильвен Дорель и Даниель Марсьяль ненавидели друг друга. Даниеля Марсьяля допрашивают в полиции. Любые новые данные способны подтолкнуть расследование».

«Какие такие новые данные?» — задается вопросом Сильвен. Уж не обнаружили ли письмо и пистолет? «Новые данные» не могут быть ничем иным. Внезапно тревога стиснула ему грудь, разбередила рану. А он-то и думать забыл про эту угрозу. Кому-то известно, кто-то держит в руках доказательства того, что он — обманщик. Будь им Даниель, он бы давно уже предъявил эти доказательства, чтобы отвести от себя вину. Тогда, может, это Николя? Николя был бы рад-радешенек устроить западню брату, нет — сводному брату, который открыто его презирает. Но если к Николя и попали случайно в руки письмо и пистолет, он не так глуп, чтобы взять их и отдать за здорово живешь. Он прибережет их, пока ему не представится случай извлечь из этого выгоду.

Нет! «Новые данные» — нечто совсем другое. Но что именно? Что? Сейчас он это узнает, поскольку комиссар Шатрие объявился снова. На сей раз он приветлив, пожимает Сильвену руку, осведомляется о здоровье. Усаживается. Похоже, никуда не спешит.

— Надеюсь, — не без иронии говорит он, — ваша память восстанавливается?

— Нет.

— Ну что ж, в таком случае попытаемся обойтись без нее. У меня есть доказательства, что Даниель Марсьяль приходил к вам незадолго до вашего возвращения домой. В самом деле, я додумался прослушать ваш автоответчик и обнаружил такую запись — помню ее наизусть: «Не в моих правилах получать пощечины и не давать сдачи. Либо ты объяснишь, почему ты накинулся на меня, либо я расквашу тебе физиономию. Я направляюсь к тебе и предупреждаю: если ты откажешься мне открыться, я учиню скандал. До скорого». Ясно или нет? Из этого я делаю вывод, что Даниель Марсьяль звонил вам вскоре после вашей стычки. После чего пошел к вам домой и выстрелил в упор. Так что признайтесь, господин Дорель, что все произошло именно так, хитрить бесполезно. Потеря памяти тут не сработает. Вы не хотите изобличать бывшего товарища — я склоняюсь перед вами, но мое мнение уже сложилось.

Он наблюдает за Сильвенем, который испытывает явное замешательство.

— Как видите, — добавляет он, — мне есть в чем обвинить Марсьяля. Но я не понимаю вас обоих, ни того ни другого. Вы утверждаете, что ничего не помните. А он клянется, что не виновен. Вопреки всякой очевидности.

— И что же он говорит? — спрашивает Сильвен.

— Он признает, что звонил вам, — хорошо еще, что он не подвергает сомнению факт записи автоответчика. Но, по его словам, идти к вам передумал. Он счел, что гнев — плохой советчик и такая встреча может плохо кончиться. Для меня это уже полупризнание вины. Так что, вернувшись к себе, он сел за бутылку — тоже судя по его словам — и так, от стакана к стакану, забыл про свою решимость. Разумеется, свидетеля и вообще никакого алиби у него нет. Но вы, господин Дорель, ведь вы не видели его у себя с револьвером в руке? Так признайтесь же чистосердечно. Что толку его покрывать?

— Господин комиссар, даю вам слово, я не прослушивал свой автоответчик.

— Ага! — ликует Шатрие. — Вот деталь, которая пришла вам на память.

— Да нет. Дело совсем не в этом. Вы же понимаете, что, прослушав такое сообщение, я запер бы все двери. Насторожился. Из новой дискуссии между нами ничего хорошего получиться не могло.

— Вы так говорите. Но мне очень хотелось бы точно знать мотивы вашей стычки. Даниель Марсьяль утверждает, что он их не знает.

— О-о! Я взъелся на него из-за роли, которую он пытался увести у меня из-под носа. Проблема чисто профессиональная.

Комиссар невольно рассмеялся.

— Решительно вы держите меня за круглого дурака, господин Дорель. Кого вы пытаетесь убедить, что можно устроить мордобой, не поделив роли!

— Будь вы из мира кино, вас бы это не удивило.

— А нет ли между вами соперничества... ну, скажем, из-за женщины?

— Нет!

— Даниель Марсьяль сказал, что вы могли бы способствовать карьере мадам Дорель. Но если бы она не ушла от него к вам, он помог бы ей лучше вас.

— Бредни забулдыги.

— Словом, вы признаетесь в своей нелюбви к Марсьялю?

— Да.

— Впрочем, он тоже не любит вас. И этого не скрывает. Похоже, он и не догадывается, что тем самым навлекает на себя подозрения. Спрашиваю в последний раз: почему вы его покрываете? Что мешает вам говорить? Должно быть, у вас на это есть веская причина. Я хочу ее знать. И можете не сомневаться, узнаю. Нет? Вы предпочитаете молчать? Ну что ж. До скорого, господин Дорель.

Он стремительно встал, плохо скрывая дурное расположение духа. Остановившись в двух шагах от двери, он оборачивается и бросает:

— Вам предстоит давать свидетельские показания в суде, под присягой. Не забывайте этого.

«Гром аплодисментов, — злобно думает Сильвен. — Он хорошо обставил свой уход со сцены! Старый комедиант!» Сильвен не может простить себе, что не прослушал запись на автоответчике. Обычно он никогда не забывал это сделать. И вот достаточно одного раза, чтобы... Он стер бы сообщение Даниеля, и сегодня ему не пришлось бы задаваться вопросом, стоит ли выручать из беды этого чертяку.

Его раздумья прерывает Габи. Она принесла почту. Писем двадцать. Девушка подносит к его лицу продолговатый конверт сиреневого цвета.

— Гм... как дивно пахнет, — говорит она. — Письма ваших поклонниц. Понюхайте.

Сильвен с душевным трепетом вдыхает пьянящий аромат славы.

— Хотите, я зачитаю? — предлагает Габи. Она вскрывает конверт. — Ну, что я говорила!

Сильвен, я с грустью восприняла, что вы тяжело ранены. Хочу, чтобы на одре страданий (Сильвен не в силах сдержать улыбку) вы знали — у вас есть друг, который мысленно с вами. Все эти годы я следила за вашей карьерой. Ваше фото неизменно красуется в моей спальне. Меня огорчало, что я перестала видеть вас на экране. Сможете ли вы вернуться и воплотить еще один образ рыцаря без страха и упрека, некогда

составлявшего объект моей мечты?

Теперь я замужем, но по-прежнему живу в мечтах и всем сердцем желаю вам вернуться на экран, чтобы утешать тех, кто разочаровался в жизни. Скорейшего выздоровления.

Патрисия

— Однако же! Скажите на милость, — бормочет потрясенная Габи.

Она вскрывает другое письмо. Оно написано детским почерком.

Мсье!

Мне всего тринадцать лет. Моя мама плакала, когда прочла про вас в газете. Она часто говорила мне о вас. Кажется, вы поэт. И как они посмели вас убивать! Мне хотелось бы иметь ваше фото с автографом. Мы повесили бы его в столовой и обе смотрели — ведь мы живем только вдвоем.

Морисетта

— Бедная девочка, — комментирует Габи. — Обещайте, что ответите ей. Я сделаю это за вас, если вы еще не в состоянии писать.

— Согласен. Прочтите-ка еще одно письмо, и достаточно. А завтра постараемся их порадовать.

— Может быть, ваша жена могла бы нам помочь?

— Нет. Она ужасно ревнива.

— Еще бы! Могу ее понять. Я точно знаю: на ее бы месте... Замнем... О, это письмо короче.

В свое время я любила вас, Сильвен, но не решалась вам признаться. С тех пор жизнь меня не щадила. Она предала и вас. Но может, две несчастные судьбы, слитые воедино, принесут нам крошечку счастья? Прилагаю ключ от моей квартиры. Воспользуйтесь им, когда пожелаете.

Кларисса

— Какое нахальство! — восклицает Габи и, заглянув в плотный конверт, извлекает из него плоский ключик. — Ну и ну! Надеюсь, вы ей не ответите.

— Я принадлежу им всем, — объясняет Сильвен, — точнее, принадлежал. Все это в прошлом. И все же, если в один прекрасный день я окажусь на экране, мне хотелось бы еще разок стать тем, кем я был... своего рода рыцарем без страха и упрека. Чтобы наполнить их мечтания. Габи, унесите все это. И не надо сетовать на судьбу.

Дверь приоткрывается. Появляется глаз и четверть лица.

— Можно?

Дверь открывается... Ева.

— Мой агент, — поясняет Сильвен. — Похоже, речь пойдет о делах. Но мы не переборщим. Обещаю.

Габи, насупившись, удаляется. Сильвен задорно улыбается.

— Глядишь, она приберет меня к рукам, — шутит он. — Ну что ж, как видишь, я понемножечку выкарабкиваюсь. Спасибо, что прибежала.

— Я появилась бы и раньше, — говорил Ева, — но предпочла переждать шумиху... Всех этих фоторепортеров и журналистов. Тебе есть чем похвастать — ты здорово преуспел в саморекламе. Я прекрасно понимаю — ты сделал это не умышленно, но все бурлит на Елисейских Полях. Итак, тебе и вправду лучше?

— Вроде бы. Пуля выбрала себе самую безобидную траекторию. Чудом отклонилась от сердца. Похоже, я вскоре вернусь домой. Последние перевязки мне сделают на дому. Никаких проблем. Ну как, ты встречалась с Медье?

— Ах! Какой же он скупердяй! Спит и видит, как бы подписать с тобой контракт — это теперь, когда ты привлекаешь всеобщий интерес, — но при этом не особенно раскошелиться. Меня тошнит от этих субъектов, которые рвутся делать фильмы, а в карманах у них негусто. Короче, мы поладили.

— Пять картин?

— Держи карман шире. Одна.

— А он ведь обещал.

— Естественно. Обещания дешево стоят. Я на него поднажала и добилась потолка — триста тысяч. Читай проект контракта. Я постаралась, чтобы под тебя не подложили мину, и добилась параграфа, который придется тебе по душе: сценарий подлежит обсуждению с тобой и должен быть тобой принят. О повторении таких номерочков, какие они вытворяли с «Вертером», не может быть и речи.

— Есть ли у него в планах какой-либо конкретный сюжет?

— Пока что нет. Это уже по части Семейюна. Что ты хочешь — он на него молится. Кстати, Семейюн намерен вскоре тебя навестить. Возможно, завтра.

— А Даниель? Какие новости у него?

— Пока ничего определенного. Но по-моему, его признают виновным. Стрелял в тебя он, кто же еще... Послушай, Сильвен, ведь мне ты можешь сказать все. Эта история с амнезией годится для газет. Я не верила в нее ни единой секунды.

Сильвен мгновенно прикинул: выгодный контракт, свобода выбирать сюжет... от этого по доброй воле не отказываются. А дальше поживем — увидим.

— Между тем это правда, — уверяет он. — У меня отшибло память.

Ева бросает на него опечаленный взгляд.

— Должно быть, у тебя есть свои резоны, — говорит она, — но ты меня знаешь: я не настаиваю. Она не ошибалась, твоя ясновидящая. Блицы, кровь, успех — все подтверждается. Если предстоящий фильм пойдет хорошо, ты вернешься на экран. Удачи тебе, дорогой. — Она по-матерински обнимает его, от нее пахнет одеколоном и табаком.

Сильвен ждет Семейюна. Стоит кому-то постучать в дверь, как он весь съеживается и от нетерпения в его груди все замирает. Но это вовсе не Семейюн, который так и не появляется, а его мать. Она приносит ему апельсины и плачет, потому что Николя может плохо кончить.

Психиатр, который донимает его вопросами. Тельма, которая шла к нему в больницу через весь Париж, чтобы нащупать его руку, принюхаться к нему. У нее по-прежнему серьезный вид. Она слушает его, но не слышит. Слова имеют для нее двойкий смысл, и истинным является не прямой, а обратный. Она качает головой, странным, сонным голосом бормочет:

— Да... Да... Возможно, страница и перевернута, но не окончательно. Я по-прежнему вижу вспышки блицев, крики...

— А катафалк?

— Продолжает катить. — Она таращит глаза. — Что я сказала?

— Вы сказали: «продолжает катить» — о катафалке.

— Не обращайтесь внимания. Клиника — не такое место, где можно сосредоточиться... из-за всех этих людей, страдающих тут от боли.

Потом они принялись говорить о том о сем — просто болтать.

А Семейюна все еще нет как нет. Какого черта он не идет! Сильвен не сумел бы объяснить, почему он ждет Семейюна с таким раздражением и надеждой, но факт то, что отныне только этот человек что-либо значит для него.

Марилен приходит, когда только может. Приносит газеты, журналы, письма. Сообщает, что у них в кинотеатре повторно демонстрируется «Герцог Энгиенский». Она — вестница успеха, но Сильвен слушает ее вполуха. Он не может признаться ей в том, чего ему постоянно недостает — роли. Он подышает из-за отсутствия персонажа, в которого готов вложить силы, уже возвращающиеся к нему. Ах, как же он сожалеет об упущенном Вертере!

— Ты меня слушаешь?

— Да, милая, да.

— Я сказала, что вчера вечером ему предъявлено обвинение.

— Кому — ему?

— Даниелю, кому же еще?

— Даниелю предъявлено обвинение?

— Ты невыносим, бедняжка Сильвен. Да, Даниелю предъявлено обвинение. А ведь это имеет к тебе прямое отношения. Если ты и уцелел, то отнюдь не по его милости.

— Как? Он признался?

— Нет. Детали пока не обнародованы. Надеюсь, ему влепят по меньшей мере лет десять. За содеянное. И пусть еще меня поблагодарит. Ведь стоило тебе сказать слово, и...

— Оставим этот разговор.

— Ты чересчур добр, в этом вся беда. Уверяю, на твоём месте я бы...

Сильвен не желает обсуждать эту проблему, но про себя обдумывает ее с разных сторон. Ему кажется очевидным только одно: что бы он ни сказал комиссару, тот ему не поверит. На месте комиссара он расвирепел бы, услышав: «Да, я пытался покончить с собой, но не могу это доказать, так как мое предсмертное письмо исчезло вместе с пистолетом». Какое-то время он считал, что для оправдания Даниеля достаточно его, Сильвена, искреннего признания. Но вот желал ли бы он снять с него обвинение — вопрос уже другой. И поскольку он по меньшей мере заводит в этой игре, то вправе прикидывать ходы и последствия. Однако игра приняла такой оборот, что он не всегда решается посмотреть правде в глаза. Факт то, что он ничего не может сделать для спасения Даниеля. Отныне надо полагать, что письмо и пистолет исчезли безвозвратно, а значит, Даниеля осудят.

Поцеловав мужа, Марилен уходит. А неотвязная проблема остается сверлить его мозг. Либо «вор» — некто затаивший зло на Даниеля, и в таком случае письмо и пистолет навсегда исчезнут, либо этот человек ненавидит его и в таком случае, используя письмо и пистолет в целях шантажа, станет вымогать у него деньги. Сильвен почувствовал, как почва словно ускользает у него из-под ног. Он закрывает глаза, сжимает кулаки и сосредоточивается на такой мысли: «Допустим, я вор, но меня интересуют не деньги Сильвена Дореля. Мне нужна его шкура. Я начну посылать ему выдержки из злополучного письма и стану доводить его до белого каления, пока он не разоблачит себя сам, опасаясь,

что в противном случае я обнаружю это письмо. И тогда ему останется либо смолчать, либо заговорить — в любом случае его карьере крышка. Более того, если Сильвен все же говорить откажется, добьюсь, чтобы о его подлости узнали журналисты. Подумать только! Человеку посылают фотокопию письма, с помощью которого он сможет доказать полиции, что хотел покончить жизнь самоубийством, а значит, Даниель Марсьяль не виновен, а он отмалчивается, спасая собственную карьеру. Он способствует осуждению безвинного! Так пригвоздим же подонка к позорному столбу! И пусть люди приходят смотреть на него и плюют ему в физиономию!..»

Сильвена прошиб пот. Он ищет, как бы себя успокоить. Поскольку он не может сказать, кто находится под подозрением — Даниель или же он сам, — это оставляет ему один шанс из двух. Раз вор не подает признаков жизни, тем хуже для Даниеля. Если он так или иначе объявится, это обернется катастрофой. Одно из двух. Орел или решка.

По счастью, подобные разгулы воображения, сжимающие ему горло, длятся не долго. Усилием воли Сильвен преодолевает их. Его мышцы, нервы, кости голосуют за жизнь, и он всплывает на поверхность, но иногда не обходится без повышения температуры, и тогда ему запрещают вставать, хотя вот уже два дня, как, поддерживаемый Габи, он делает свои первые шаги по палате. Ему также запрещено пользоваться телефоном, хотя аппарат у него под рукой и стоит ее только протянуть... эдакое постоянное искушение. В сущности, ему запрещено думать.

Габи лезет из кожи вон: все делает за него, обеспечивает контакты с внешним миром, то есть с падкими на сенсацию журналистами, которые околачиваются в больнице; она снабжает его газетами, в которых тайна дома в Нейи продолжает занимать полстолбца, случается, даже на первой полосе. Внимание публики переключилось теперь на то, что называют «случай Дореля». Неужто Дорель и вправду забыл, при каких обстоятельствах на него совершено нападение, или же он пытается кого-то покрывать? В споре на эту тему невропатологи приводят примеры амнезии, в частности как результат нарушенного кровообращения; в некоторых случаях она бывает продолжительной. Другие хроникеры, напротив, не без сарказма, напрямую говорят о симуляции. Так, например, Габриель Вуазен пишет, что Сильвен Дорель ведет себя благородно, а Гастон Мурье в «Экспрессе» заходит в своей оценке еще дальше. Его статья так и озаглавлена:

«БЕЗУПРЕЧНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

Зачем Сильвену Дорелю скрывать имя человека, покушавшегося на его жизнь? Ответ может быть лишь один: потому что он не может поступить иначе. И если искать обидчика в ближайшем окружении жертвы, расследование не составит никакого труда. Начнем с того, кто является самым близким для Сильвена Дореля человеком, — с его жены. Как установлено, она покинула телестудию не ранее чем через два-три часа после преступления. Врач-криминалист заявил, что жертва долго истекала кровью и была спасена только *in extremis*^[31]. Следовательно, жена Дореля находится вне подозрений. Брат Сильвена Дореля, со своей стороны, провел весь роковой день подле своей матери, что подтверждают несколько свидетелей. Вопрос о его виновности даже не встает. Ищут ли виновного в более широком окружении? Мы припоминаем, что актер работал над фильмом «Вертер» с его режиссером Жаком Семейоном и сценаристом Густавом Мейером; картину финансировала «Галлия-продюксьон». Тут также алиби тщательно проверены. Под подозрением остается один Даниель Марсьяль, над которым и нависли тяжелейшие подозрения, но который свою

вину отрицает. Если он не виновен, придется допустить, что преступление совершил человек-невидимка. Если же он виновен, то, несомненно, знает нечто такое, что вынуждает Дореля молчать. Вот почему тут уместно говорить о безупречном преступлении. Когда убийца, промахнувшись, оставляет жертву в живых, но заранее уверен, что она не выдаст его, имеешь дело со своего рода криминальным шедевром. Остается узнать, почему Дорель хотел бы пощадить Марсьяля. В этом, несомненно, и заключается вопрос вопросов».

Сильвен долго обдумывает эту фразу — прозрачно-ясную и абсурдную одновременно. Нет, Дорель не хочет пощадить Марсьяля. Что требуется узнать — это почему Марсьяль хочет пощадить Дореля, если только именно он и украл письмо и пистолет. В конце концов, ему было бы достаточно сказать: «Дорель хотел покончить самоубийством. Вот доказательства». А если он этого не говорит, значит, у него нет этих доказательств. И тогда остается одна гипотеза — о человеке-невидимке.

Этот Гастон Мурье, скорее всего, скрываясь под псевдонимом, разложил всю ситуацию по полочкам. Никто, за исключением Марсьяля. Войдя в кабинет мужа, Марилен нашла его там бездыханным, по всей видимости — мертвым, и тут же изъяла доказательства самоубийства, просто-напросто во избежание скандала. В этот момент она и не предполагает, что Даниель угодит в ловушку. И когда эта ловушка захлопывается за ее бывшим мужем, то объявить правду уже слишком поздно. Возможно, она даже и не против того, чтобы Марсьяля арестовали. Наконец-то она отыграется за все унижения, которые претерпела по его милости.

Честное слово, все получается очень складно. Если все это — дело рук Марилен, то он спасен. Но нет, исключено — ведь при таком раскладе она прочла бы письмо и, получив эту страшную пощечину, нанесенную им всем, уже не посчиталась бы ни с каким скандалом.

«Просто не знаю, что и думать. Как же мне все это осточертело! Ну что ж, будем считать, что это дело рук человека-невидимки», — заканчивает свои раздумья Сильвен.

И тут без всякого предупреждения заявляется Семейон. Семейон, который сотрясает воздух еще сильнее обычного. Он сменил дубленку на короткий поношенный макинтош. Швырнув его в изножье кровати, с веселым нетерпением пожимает Сильвену руку.

— Ах, Вертер, Вертер! — укоризненно говорит он. — Какого черта ты чуть было не дал угробить себя приятелю? И все же, понимаешь, я не склонен думать, что это Даниель. Он любитель заложить за воротник, но парень не злой. Ну а в остальном дело вроде бы идет на поправку, а? Хороший цвет лица! Свежая кожа! Ты еще дешево отделался. И когда же они выпустят тебя на волю? Ведь работать в этой конуре — не подарок. Тут нет даже пепельницы. У тебя там, конечно, будет вольготнее.

— Считай, деньков так через десять.

— Ладненько. Потерпим. Это не так страшно.

Схватив за спинку ближайший стул, он усаживается на него верхом.

— Хочу тебе также сказать, старик, что мне пришлось изрядно попотеть в поисках сюжета по твоей мерке. Он тоже хорош, этот Медье! Вообразил себе, что стоит щелкнуть пальцами, и такая история остановится перед тобой, как такси. Но у меня есть наконец недурственная идея.

Отогнув обшлаг рукава и взглянув на часы, он продолжает:

— Я купил по случаю старый «пежо», но у меня вечно нет монеток для автомата, а в некоторых кварталах с парковкой целая проблема. Так что объясню тебе в двух словах. Меня

навели на след газеты, когда писали про твою везучесть. Везучесть — такая штука, которая прилипает к человеку раз и навсегда. Это какое-то колдовство. Однако в хорошем смысле слова, понимаешь, к первому встречному-поперечному она не приходит.

— Да это просто-напросто удача, — раздраженно перебивает его Сильвен.

— Не говори так, старик. Ты в этом ничегошеньки не смыслишь. Не такая удача, которая раз-другой выпадает в рулетке. А примета существа исключительного. Везучий человек проходит невредимым сквозь огонь и воду, ему не страшны аварии, он как бы человек, которому на роду написано выжить при любых обстоятельствах. Вот поэтому на сегодня тема везучести очень киношная. Это нечто сверхъестественное, но к религии никакого отношения не имеет. Сечешь?

— Допустим. Ну и что дальше?

— А то, что помимо темы везучести мне также потребовался персонаж, стоящий в одном ряду с теми, каких ты уже сыграл.

— Ты забываешь, что все они кончили очень плохо.

— Да, знаю. Просто я хотел сказать — персонаж симпатичный, элегантный, романтический сверх всякой меры. Так вот, я нашел его. Более того, я его домыслил. Вообрази себе: герой с отличной фактурой. А? Офицер... И при всем при том — везучий. Не догадался? Это Бурназель, старик. Анри де Бурназель.

— Бурназель? Не тот ли, кто потопил свое судно?

— Э, нет. Ты перепутал войны. Мой Бурназель восходит к войне тысяча девятьсот тридцать третьего года в Марокко. Ах! Я изучил все досконально. Перекопал массу исторических материалов. Похоже, Бурназель был офицером исключительной отваги. Он стремительно бросался в атаку впереди своих солдат, и все вокруг получали ранения, тогда как он неизменно возвращался из сражения цел и невредим в своей форме красного цвета. Скажешь — везуха? Все дело в его одежде. Красный казакин с начищенными до блеска металлическими пуговицами. Доломан^[32]. Тут я могу ошибаться, но мне видится такой вот длинный, до пят, китель, разумеется — красного цвета. И к нему синее кепи с маленьким полумесяцем над козырьком. В таком одеянии ты будешь смотреться как картинка, клянусь. Погоди, забыл главное. В один прекрасный день, а именно двадцать восьмого февраля тысяча девятьсот тридцать третьего года, Бурназель получил приказ свыше больше не надевать эту свою яркую форму, которая слишком бросается в глаза неприятелю. Он подчинился приказу и был убит.

Красиво, а? Какой фильм! Ясное дело, на съемки мы поедem не в Риф... А в пески Эрменонвиля, что тоже весьма эффектно. Мы также изменим имена. Мне очень нравится это звучное имя — Бурназель. Но мы не вправе распорядиться славой национального героя по своему усмотрению. На сей счет Медье очень щепетилен.

— Согласен, — допускает Сильвен. — Идея интересная. Но это всего лишь идея. А не сюжет.

— Да-а! Тут ты просто припер меня к стенке. Потому что жизнь Бурназеля — прямая линия. Ни малейшего отклонения, ни малейшей шалости. Он был не из тех молодцов, которые живут в свое удовольствие. Так что нам придется додумывать. Но у меня как раз есть еще одна идея. Может, ты слыхал про отца Фуко?

— А как же!

— Он прожил бурную молодость.

— Вполне возможно.

— Значит, так... Ты следишь за моей мыслью? Мы берем отрезок жизни отца Фуко до обращения к вере и прививаем его к биографии капитана Бурназеля. У нашего персонажа будет молодость одного — с его проказами и карьера другого — с его везухой. И все останутся довольны. Тут тебе и шуры-муры, и идеалы.

— От целомудрия вы не помрете.

— Какое, к черту, целомудрие! От меня требуют историю. Я ее рожаю. Рожаяю — это для красного словца. Мне остается сесть и написать ее, но в общих чертах у нас она есть. И если ты согласен, я пошел за сценаристом.

— За Густавом Мейером?

— Нет. Мейер — барахло. Он всегда воображает, что умнее его нет. А мне нужен сценарист, которому говоришь: делай так, и он делает, как ему сказано. Нет, я подумываю о Жераре Мадлене. Он неплох. Написал две или три вещицы, которые прошли не без успеха. Я приведу его к тебе, когда пожелаешь.

Еще взгляд на часы.

— Черт! Если со штрафом обойдется, считай, что мне повезло. Значит, мой план тебе ясен. Фуко, Бурназель, везуха. Убегаю. Скажи-ка, а ведь эта малышка, которая за тобой присматривает... меня бы долго уговаривать не пришлось. До завтра. Чао!

Тишина в палате восстанавливается. Сильвен обдумывает странный прожект Семейюна. Но в сущности, не более странный, чем прожект «Вертера», а ведь он тогда соглашался. Что представляет собой сценарий, правдоподобный с виду, но лишенный стиля и еще не воплощенный в образы?

Это болванка — все равно что деревянный манекен для портнихи. Не следует торопиться, ввязываясь в это дело. Сначала навести справки. Прочсть, что написано об Анри Бурназеле. А потом предоставить действовать этому Семейюну, чьей энергии Сильвен завидует. И очевидно, как только контракт будет подписан, объявится человек-невидимка, вымогатель, и потребует свои комиссионные, ибо сомнений нет — за тайной скрывается грязный шантаж в целях вымогательства. Теперь Сильвен в этом глубоко убежден. Из всех гипотез, какие он сформулировал для себя, такая — простейшая, а значит, и самая вероятная. Ну что ж — он заплатит. И снимется в фильме. Сыграет Бурназеля. И почему бы везучести Бурназеля не распространиться и на него самого?

Успокоившись, расслабившись, Сильвен дремлет до прихода Марилен. Милашка Марилен! Она помогает ему приподняться на подушке. Прибирает на прикроватной тумбочке. Какие новости? Так вот. Друзья Даниеля суетятся, пытаясь склонить общественное мнение в его пользу. Даниель выбрал себе адвокатом мэтра Борнава.

— Борнав поможет ему выйти сухим из воды, — говорит Марилен.

— Не скажи. Мне нанес визит Семейюн. Он может кое-что нам предложить.

— Мне тоже?

Какой внимательной, какой трогательной она вдруг стала. Глаза преданной собаки, ожидающей ласки.

— Да, я так думаю, — говорит Сильвен. — Но не будем обольщаться. Поищи мне информацию об Анри Бурназеле. Посмотри в историческом разделе «Ларусса». Там найдешь полную справку.

— Кто такой этот Бурназель?

— Объясню тебе, как только разберусь с этим сам.

— Господи, когда же мне дадут стоящую роль?

Ее прямодушие обезоруживает. Она непременно верит в свой талант. Ей и в голову никогда не приходило, что она ничего особенного собой не представляет. Мила, слов нет, но лишена подтекста, той женственности, которая составляет особую прелесть представительницы женского пола.

Сильвену ужасно хочется сделать ей приятное. Ему никак не удастся припомнить, что именно написано о ней в том злосчастном письме. Что-то злое-презлое.

— Я прослежу, — обещает он.

Она присаживается в изножье кровати.

— Понимаешь, мне так хочется получить роль в духе тех, какие играет Фейер^[33].

Сильвен так и подскочил.

— Эдвиж Фейер? Ничего себе!

— А что? Думаешь, мне не сыграть даму из буржуазной среды?

— Я поговорю с Семейоном. Решаю не я.

— Ах! Вот видишь. Ты сразу идешь на попятную.

Сильвен спрашивает себя, а не будет ли он смешон рядом с Марилен. «Как жаль, что не все исполнители в фильме на уровне его сюжета!» Такие слова можно будет прочесть в рецензии. Марилен смажет его возвращение на экран.

— Не мучь меня, Марилен. Прошу.

Марилен направляется к зеркалу в туалетную комнату подновить макияж.

— Кстати, — бросает она, — я опять виделась с Шатрие. — Она произносит слова с паузами, так как одновременно подкрашивает губы.

— Что ему от тебя надо?

— Да все то же.

Она возвращается, глядясь в карманное зеркальце.

— Идиотские вопросы, — продолжает она. — В данный момент ему интересно, в какой позе я тебя застала — свисали ли у тебя руки или они лежали на письменном столе. И потом, не сдвинула ли я что-нибудь на нем невзначай, пока звонила в полицию.

— И что же ты ему ответила?

— Что он начинает мне надоедать. Что правда, то правда. Как будто у меня было время смотреть на то, на се и опять на то. Да я уже не знала, на каком свете нахожусь, и мои руки дрожали так, что я с трудом набирала номер полиции. Как ты глуп со своими вопросами. Стоит мне обо всем этом только подумать, я начинаю плакать. И немудрено.

Приложив к ресницам салфетку, она снова удаляется в туалетную комнату.

— Знаешь, — сообщает она оттуда, — дома тебя ждет обильная почта. О-о! Ничего интересного. Открытки с любезностями. Как если бы эти подонки, которые все эти годы тебя знать не знали, не переставали тебя любить. Считай, что Даниель оказал тебе неоценимую услугу. Кстати, угадай, что сказал мне вчера вечером по телефону Мерсье. «Сильвен наверняка вернется на экран. Эта пуля обернется для него крупным выигрышем!» Он в своем репертуаре, этот Мерсье. Занятный тип.

Марилен появляется снова, как новенькая, и старательно натягивает перчатки.

— Что бы такое принести тебе завтра, зайка?

— Несколько моих фотографий, пожалуйста. Я поставлю на них автографы для тех, кто мне сюда написал.

— Я могла бы сделать это за тебя.

— Мне необходимо хоть чем-то заняться. И подумай о Бурназеле.

Марилен уходит. Габи приходит. Никакой возможности побыть одному.

— К вам пришел какой-то господин и спрашивает, можно ли ему вас повидать. Его зовут Жерар Мадлен.

Сценарист! Он не заставил себя ждать.

— Разумеется. Пусть войдет.

Мадлен подходит к кровати. С виду очень моложав. Производит впечатление человека неловкого и смущенного. «Он робеет», — подумал Сильвен и испытал позабытую радость.

В руках у Мадлена защитный шлем, и он высматривает, куда бы его положить. На нем черная блестящая форма мотоциклиста. Он бесшумно садится на стул, как заблудившийся Фантомас.

— Семейон мне все объяснил, — поясняет он. — И попросил меня прийти.

Мадлен оглядывает палату.

— Вы считаете, мы могли бы приступить к делу прямо здесь?

— Нет, — отвечает Сильвен. — Мы будем работать у меня дома, но подготовить почву можно и тут. Не стану скрывать, у меня слабое представление о Бурназеле. Семейон упоминал про Риф. Что такое этот Риф?

— Сам я там не бывал, — чистосердечно признается Мадлен. — Риф — горный массив где-то на юге Марокко. Своего рода пустыня.

— Наподобие Сахары?

— Ничего похожего. Судя по нескольким снимкам, какие мне удалось раздобыть, там сплошной галечник. Вообразите себе Овернь, но при этом сплошь горные пики, осыпи, сьерры. И ни единой травинки. Потрясная декорация!

— Похоже, она вас очень вдохновляет.

— Это правда. По-моему, чтобы чувствовать себя там в своей тарелке, надо самому быть человеком непредсказуемым, крутым, неуравновешенным... сорвиголовой, один на один с отвесными скалами. Это важная ремарка для характеристики нашего героя.

«Литературщина чистой воды, — говорит себе Сильвен. — Он симпатяга, этот малый, но Семейон быстро отобьет у него всякую охоту разглагольствовать».

— Придется все снимать на натуре.

— Дорогое удовольствие, — возражает Мадлен, — но в нашем распоряжении Испания или Югославия.

— И с кем же сражался там Бурназель?

— Вот этот момент — самый щекотливый. Он сражался с берберами. И сколько бы мы ни переносили действие во времена колониализма, фильм предназначен для современного зрителя, который станет его смотреть сегодняшними глазами. Медье не хочется прослыть империалистом и расистом. Однако у меня есть задумка. Помните голливудскую картину «Пропавший патруль»? Там враг остается невидимым от начала фильма до конца. И это воздействует на зрителя гораздо сильнее, чем если бы на экране мельтешили бурнусы. Так вот, таким приемом можно было бы воспользоваться и нам.

— Но тогда вопрос, кто же убил Бурназеля, навсегда останется без ответа, — удивляется Сильвен. — А вы не боитесь тем самым загубить легенду о Бурназеле?

— В том-то и дело! — вскричал Мадлен. — В нашей истории нет и речи о том, чтобы показать забияку — критики нас за это сотрут в порошок, — но человека, смело идущего на смерть по мотивам, которых я пока что не знаю. Но мотивы эти наверняка любовного характера. Поняли? Так что враг остается у нас чем-то абстрактным, анонимным. В

сущности, враг нашего героя — он сам, собственной персоной.

— Словом, вы подменяете сражение на поле боя психологическим конфликтом?

— Вот именно. Разве не такого персонажа вы хотели бы сыграть?

— Да, — задумчиво отвечает Сильвен. — Да, может быть. Я просто задаюсь вопросом а не займусь ли я тут совращением героя, как совращают малолеток?

Мадлен рассмеялся.

— Да нет же, — говорит он. — Просто мы делаем сегодня фильм с образами прошлого. Иными словами, современный вестерн. Потому что приключения Бурназеля — вестерн чистой воды.

Сильвен перебрался из больницы домой. Ему все еще предписана осторожность. Он должен жить, насколько это возможно, в замедленном темпе. Перед его уходом Габи, расплакавшись, поцеловала его, и между ней и Марилен чуть было не разыгралась сцена, тем более неуместная, что их подстерегали многочисленные журналисты и фоторепортеры. Сильвену пришлось лавировать между вопросами двоякого рода: «А правда ли, что вы собираетесь сниматься?» и «К вам начинает уже возвращаться память?..» Марилен на ходу отвечала за мужа. Когда машина тронулась с места, к дверцам, как осенние листья, прилипли ладони и лица, а вспышки блицев хлестали Сильвена по глазам. Он чувствовал себя усталым и счастливым.

А между тем некоторые газеты все еще обрушивались на него, поскольку Даниель возвещал теперь о своей невинности пуце прежнего. Мэтр Борнав заявил журналисту, бравшему у него интервью: «Я не подвергаю сомнению чистосердечие пострадавшего, однако не могу заставить себя не считать странной его внезапную утрату памяти, что наносит моему клиенту все больше урона. В конечном счете она оборачивается для него завуалированным обвинением. Не желая сваливать вину на бывшего приятеля, Сильвен Дорель предпочитает молчать, ссылаясь на то, что забыл сцену покушения, — а это позиция двусмысленная, равнозначная словам “я предпочитаю не вспоминать”. Но если Даниель Марсьяль не виновен, вопреки всему тому, что явно говорит не в его пользу, тогда я спрашиваю вас, кого же покрывает Сильвен Дорель?»

Это заявление наделало много шума. И Сильвен подумывает о том, кого однажды назвал человеком-невидимкой. Он ничего не может ни сделать, ни сказать. У него равные основания и для страха, и для надежды. Он подобен одинокому путнику под черным от туч небом. И его единственное прибежище — сценарий о Бурназеле. А тот продвигается ни шатко ни валко, так как Семейон все время разрывается на части. Он то звонит: «Еду!» — и не приезжает. А то ссылается на отсутствие времени, а минуту спустя заявляется впопыхах и удивляется, что Мадлена нет. «Безобразие! Я ему покажу! Завтра мы будем корпеть до тех пор, пока у нас искры из глаз не посыплются».

Сильвен собрал о Бурназеле все, что смог, — несколько статей, книгу. Оказалось, что этот прославленный герой — образ, дающий пищу как сердцу, так и уму. Сильвен живет в его обществе, восхищается им; он ощущает себя перед ним, как начинающий пианист перед Моцартом. Засыпая, он бродит по его стопам в горных ущельях, теснинах Северной Африки и по гребню Антиатласского хребта. Ему хотелось бы стать хищной птицей, чтобы летать над умопомрачительным переплетением оврагов, остроконечных отвесных скал и крутых обрывов в долины, откуда можно обрушиться на конвой горцев, уцелевших при сражениях в Атласских горных кряжах или в Тафилалеге; на шайки свирепых воинов, которые не берут врагов в плен...

Сильвену приходила на ум такая мысль: его папа был бы вполне достоин стать соратником Бурназеля. Возможно, аптекарь относился к людям той же закалки, что и этот офицер. И вот он, презренный Сильвен, воплотит такой характер на экране. Сыграть Вертера было бы куда проще. Передать отчаяние любви каждому по плечу. А вот хладнокровно принести себя в жертву!.. Ибо в конце концов Бурназель взбирался, можно сказать, ступенька за ступенькой по круче Бу-Гафера, заведомо зная, на что идет, не защищенный красным костюмом. Смерть подбиралась к нему все ближе: вот она в двадцати, пятнадцати, десяти шагах...

Сильвен думает о своем жизненном опыте. У него за плечами свой Бу-Гафер. Только он бросился в смерть не очертя голову, а подобно лунатику, который падает с балкона. Тогда как Бурназелю пришлось осознанно идти на неминуемую гибель, заведомо зная, что «это случится там». У Сильвена хватает воображения представить себе эту картину и, съездившись в кресле, оттолкнуть от себя. Нет! Такая роль ему не по плечу. Разве что Семейон придумает, как приблизить образ Бурназеля к нему. Почему бы у этого офицера не могло быть расхожих причин искать смерти? Да-да — резонов мужчины, а не резонов солдата. Но лучше всего было бы предоставить молодому сценаристу свободу действий. В конце концов, возможно, он-то и приближается к истине со своей дерзновенной идеей современного вестерна. Сильвен задает ему сакраментальный вопрос:

— А вы не считаете, что можно представить дело так, как если бы у Бурназеля имелись личные мотивы распротиться с жизнью? Не принизит ли это его образ?

Все трое собрались у него в кабинете. Семейон только что присоединился к ним. Он ест сэндвич.

— Не обращайтесь на меня внимания, ребятки. С утра некогда было пожрать.

Не переставая жевать свою ветчину, он задумывается и с полным ртом изрекает:

— Не слабо, старичок. Согласен — героизм заключается в том, чтобы умереть по мотивам, которые не являются личными. Но ты спросишь меня, кому нынче это по плечу? Разве что камикадзе, готовому пырнуть себя кинжалом за идею, хотя она и выше его понимания. Так вот, для меня это фанатизм. Фанатик — такой тип, который, проявляя героизм, получает свою долю личного удовлетворения!

— Выходит, — уточняет Сильвен, — вы не верите в самоотверженность?

— Нет. Если бы она существовала, было бы кому рассказывать истории рыцарей «Круглого стола», которые нынче годятся только для детей.

— Я тоже их люблю, — бормочет Сильвен, вздохнув с облегчением.

— Тогда поехали дальше, — предлагает Семейон.

Он встает, стряхивает крошки, прилипшие к брюкам, обходит письменный стол и приглашает Сильвена уступить ему свое место.

— Сначала мне нужно кое-что вам объяснить, — говорит он. — У меня уже давно есть своя теория, но она продолжает работать. Поскольку мы ведем речь об историях, я спрашиваю вас, а что такое история? Заткнись, Мадлен. Я обращаюсь с вопросом к Сильвену.

— Ну как же, — отвечает тот. — История — это рассказ, а что же еще?

— Садись, двойка. Ты не смыслишь в этом ни бельмеса. Чтобы история состоялась, твой персонаж, то есть ты сам, — главный герой. Правильно я говорю? Так вот, он должен натолкнуться на препятствие. Препятствие — вот что движет историей. Не веришь — возьми любой роман, любую пьесу. «Британик»^[34] или там «Бубурош»^[35]. Эта теория

находит себе подтверждение на каждом шагу. Ты либо убираешь препятствие со своего пути — пример тому Нерон, отравивший Британика, — либо препятствие не дает тебе вздохнуть — случай с Бубурошем. Я называю это коллизией.

— И что дает эта ваша теория Бурназелю?

— Тут я пас. Для того мы и собрались, чтобы это обмозговать. Первое, что пришло мне в голову, — у нашего героя мог быть карточный долг, вот вам пример препятствия. Не имея возможности его оплатить, он ввязывается в опасную кампанию и расплачивается собственной жизнью. Видишь, несмышлениш, на первый случай это сгодится.

— Именно про это вы и хотите рассказать? — спрашивает Сильвен сценариста.

— Нет, — протестует тот. — Мы не собираемся делать роман в фотографиях. Мы просто хотели вас приободрить. Покуда у нас нет под рукой ничего, кроме главного героя — Бурназеля (назовите его как угодно). Семийон стремится вам доказать, что, танцуя от этой печки, можно построить законченный сценарий, используя прием наплывов.

— Прием коллизий, — поправляет его Семийон. — Проблема в том, что нам неизвестно, какое препятствие не смог бы преодолеть Бурназель.

— А что, если правдоподобного препятствия не существуете?

— Тогда не остается ничего иного, как вернуться к отправной точке, — терпеливо объясняет Семийон, — и сделать Бурназеля осовцем^[36].

Он раскатисто смеется.

— Ха! Ха! Мой цыпленочек. И кто останется при этом в дураках? Сильвен.

Глянув на часы, он вскакивает:

— Черт! Опять меня оштрафуют. К счастью, транспортные расходы оплачивает Медье. Продолжайте без меня. До завтра.

Они по-приятельски тузят друг друга.

Семийон насвистывает за дверь. С его уходом Мадлену и Сильвену больше нечего друг другу сказать. Только что они чувствовали уверенность. Теперь они во власти сомнений.

— Будь бы только у нас имя взамен Бурназеля, — вздыхает Мадлен. — Что ни говори, а историческое имя впечатляет.

Они ищут подсказку по путеводителю Мишлена... Департамент Дордонь... Носель?.. Не фонтан. Савиньяк? Не пойдет — оно ассоциируется с капитаном Фракассом. Марколес?

— Не звучит, — замечает Мадлен. — Это надо признать.

Имя Бурназель вызывает совсем иные ассоциации.

— Нашел, — кричит Сильвен. — Ламезьер!

Они жуют это имя, пробуют на вкус, оседают языком и губами. Да, Ламезьер, пожалуй, подойдет.

— Может быть, оно звучит недостаточно благородно, — замечает Мадлен. — Отдает нотариусом.

— Или сельским врачом, — отмечает Сильвен.

— Вот именно. Окончание на «-зьер» довольно распространено среди представителей буржуазии.

— А что, если назвать его де ла Мезьер? — предлагает Сильвен. — В три слова.

— Ах! Замечательно! — воодушевляется Мадлен. Но тут же мрачнеет, шевелит губами, вытягивает их, щелкает языком. — Де ла Мезьер, — медленно выговаривает он. — А вы не находите, что на этот раз возникает образ корсара? И даже немножко пирата? Но ведь наша история могла бы с таким же успехом разворачиваться и на воде, верно?

— Де ла Мезьер, — как бы читает по слогам Сильвен с отсутствующим взглядом дегустатора, гоняющимся за решающим нюансом привкуса, и не может удержаться от смеха. — Как будто мы пробуем сыр, — шутит он.

Внезапно у Сильвена сжимается сердце. Ведь куда письмо и пистолет еще гуляют по белу свету, он не вправе смеяться.

— Ладно, — говорит он. — Проголосовали за де ла Мезьера. Но прошу вас, не станем повторять «Вертера», который в конце концов растягивался во все стороны, как жвачка. Я от этого слишком настрадался. Мы рассказываем историю солдата. И точка.

Они еще немножко поболтали. Мадлен отмечает, что не следует упускать из поля зрения тему везучести героя. Впрочем, Бурназель — он же де ла Мезьер — по собственной воле идет навстречу смерти, отказавшись от красного казакина, который оберегает его от гибели, и тем самым лишается шансов на спасение.

— Я думаю о душераздирающем финале, — в заключение говорит Мадлен. В отсутствие Семейона он не прочь разыгрывать роль режиссера.

Правда, и Семейон сплошь и рядом ворует у Мадлена его привилегии сценариста. Тут уж кто кому сильнее отдавит ноги.

Берта приносит почту, и Мадлен откланивается. Еще одна стопка писем. Но взгляд Сильвена зацепился за голубой конверт — наверняка из магазина стандартных цен, и его сразу осеняет. Адрес выведен палочками наподобие ростков бамбука. Эдакая затейливая китайская иероглифика.

*Господину Сильвену Дорелю
30-бис, улица Боргезе
92200, Нейи-сюр-Сен*

В конверте всего одна короткая строчка:

Это еще не конец, тоже выведенная бамбуковыми палочками.

Сильвену не хватает воздуха. Он упирается грудью о край письменного стола — в том самом месте, где пытался покончить собой, и замирает, словно боится, что при малейшем движении рана откроется снова. Итак, выбор сделан: принимаются за него, а не за Даниеля. Что же еще не кончено? Нервный срыв, толкнувший его на самоубийство? Выходит, эту фразу следует толковать как угрозу.

Сильвен пытается разгадать смысл подразумеваемой угрозы. «Это еще не конец». Однажды я довел себя до самоубийства. И начну заново? Нет! Скрытый смысл записки вовсе не в этом, с чего бы укравшему его письмо и пистолет стремиться уничтожить человека, который хотел себя уничтожить и без него и ни в ком не нуждается, чтобы все начать сначала? С другой стороны, должен же этот тип соображать, что его угрозы не могут восприниматься всерьез, поскольку адресованы тому, кому прекрасно известно — убийцы нет, а есть только незадачливый самоубийца.

Сильвен сжимает себе виски обеими руками. А не следует ли ему поставить в известность полицейского комиссара? Но ведь фраза-то сама по себе безобидная. Она может значить все, что угодно. Смысл, заложенный в ней, понятен ему одному. Послушайте-ка! А что, если таинственный корреспондент вовсе не тот субъект, который украл письмо и пистолет? Ведь он-то, как и полиция, предполагает, что его убийца промазал. В таком

случае почему бы он вздумал рисковать и подменить его собой? Почему бы ему не дожидаться момента, когда убийца повторит свой поступок? И более того. Данный субъект, само собой, думает, как и все, что жертва знает, кто покушался на ее жизнь, и не хочет его разоблачать. И поскольку считается, что я-то его знаю, зачем ему посылать мне анонимку? Я бы немедленно установил его личность. В таком случае зачем мне злостно утаивать его имя?

Сильвен чувствует себя заблудившимся в лесу гипотез, в туманных дебрях. Он перечитывает письмо снова и снова. «Это еще не конец». Обманывать себя бесполезно. Шантаж налицо. К чему доискиваться, а кто же украл вещественные доказательства самоубийства. Никто не мог их украсть, кроме человека-невидимки. Неоспоримо лишь одно: они находятся в чьих-то руках. Никто... кто-то! Эти слова дубасят Сильвена, как кулаками.

Появляется Марилен.

— Ну и ну! Я уже пять минут зову тебя обедать. Ты что, не слыхал?

Приоткрыв ящик письменного стола, Сильвен запикивает туда почту.

— Прости, — извиняется он, — я потерял счет времени.

Сильвен садится за стол. Есть ему не хочется.

— Дела продвигаются? — спрашивает Марилен.

— Я бы не сказал. У нас есть отправная точка, но все остальное пока что окутано мраком неизвестности.

Он с отвращением отодвигает коробочку с ампулами, содержащими тонизирующий препарат, который слывет очень эффективным. Тонизирующее средство для Бурназеля — это уже черный юмор.

— Как он — ничего, этот сценарист? — интересуется Марилен.

Она пытается завязать разговор, но Сильвен тянет с ответами. Нет, окончательный контракт еще не подписан. Надо подождать, пока сценарий оформится. Да, это дело нескольких дней. В конце концов, возможно... Все зависит от Семейона. Нет, они не забывают о хорошей женской роли.

— В сущности, — осторожно говорит Марилен, — тебе на это плевать. Да-да, достаточно на тебя посмотреть. Не знаю, о чем ты думаешь.

Она отодвигает тарелку, закуривает «Голуаз» и, выдыхая дым, стелющийся над жарким из телятины, уточняет свою мысль:

— Не знаю, о чем ты думаешь, но наверняка не обо мне. Как прикажешь это понимать: муж неделями не прикасается к жене?

— Ведь я был ранен, — оправдывается Сильвен.

— Хорошенькая отговорка! А теперь, не потому ли, что ты ранен, из тебя не выдавишь и словечка, ты дуешься, самое большее, что от тебя услышишь, — «добрый день — спокойной ночи». Ты витаешь в облаках, как впервые влюбившийся школьник. Любой женщине понятно.

— Понятно что? — вскипает Сильвен.

Марилен раздраженно гасит сигарету о край тарелки; тем не менее она еще сдерживается.

— Понятно, что ты завел любовницу. Она-то и стреляла в тебя, а ты не хочешь ее изобличить. Вот в чем заключается правда! О! Не трудись напускать на себя вид оскорбленной невинности, бедняжка Сильвен. Уж мне ли не знать ваши мужские повадки. Не забывай, что я жила с Даниелем, который врал на каждом шагу. И он был мастак по части вранья — этого у него не отнимешь. А вот ты! У тебя на лбу написано; «Внимание! Я вру!»

Так кто же она, эта любовница? И почему эта баба хотела тебя убить?

Сильвен слушает ее, испытывая чувство, похожее на равнодушное отчаяние. Стол между ними, словно неодолимая преграда. Теперь слова Марилен едва доходят до его сознания.

— Нет у меня никакой любовницы, — раздосадованно отговаривается он, словно имеет дело с придирчивым таможенником.

— Ты считаешь меня круглой дурой?! Прибереги придумку об амнезии для газет. Ты кого-то укрываешь — слепому видно. Если бы тебя ранил Даниель, ты бы давно сказал, ты был бы рад-радешенек от него избавиться. Кстати, посидеть за решеткой ему полезно. Будет время протрезветь.

— Нет у меня никакой любовницы, — твердит свое Сильвен.

Марилен извлекает следующую сигарету из пачки, по-прежнему лежащей возле ее тарелки, рядом с ломтиком хлеба. Ее рука дрожит, и пламя зажигалки тщетно ищет кончик сигареты.

— Заметь, я не делаю из этого драму, — говорит она.

Наконец-то сигарета прикурилась. Прикрыв глаза, Марилен вдыхает дым, словно живительный кислород.

— Я не делаю из этого драму, — продолжает она, — но и не хочу выглядеть кретинкой. Когда приятельницы, облизываясь, спрашивают меня: «Как поживает он, бедняжка? Какой ужас — потерять память в его возрасте», — это звучит так, будто я замужем за слабоумным старцем. Вот почему я спрашиваю тебя еще раз — как друг, а не мегера: кто она?

Сильвен передергивает плечами. К чему спорить? Что тут объяснять? Для придания себе веса он тянется к бутылке. Опережая его, Марилен ставит бутылку рядом со своим прибором.

— Прошу тебя, отвечай, — продолжает она. — И обещаю больше не возвращаться к этой теме. Ладно? Ты завел любовницу. Мне тяжело, однако в конечном счете это всего лишь преходящая неприятность. Но мне хотелось бы услышать, как такой неисправимый эгоист — уж я тебя знаю — умудрился настолько потерять голову, чтобы рисковать своей бесценной жизнью? Роковая любовь?

— Моя бесценная жизнь, — грустно бормочет Сильвен. — Знала бы ты, как мне на нее плевать.

— Давай, — настаивает Марилен. — Смелее. Хочешь, я облегчу тебе задачу? Эта баба приперла тебя к стене. Она предъявила ультиматум: «Я или она!» Но ты готовился играть Вертера. А Вертер и супружеская измена никак не вяжутся. И ты стал уваливать. Как это на тебя похоже! У нее иссякло терпение. И она хотела тебя прикокнуть. А ты играешь на публику, разыгрываешь благородного героя, куда там.

— Какой же ты можешь быть злокой, — вздыхает Сильвен.

— Любящий становится злым, — объясняет она. — И ты испытал это на собственной шкуре. Взгляни на меня. Я люблю тебя — и я тоже, представь себе. И наверняка сильнее, чем она, коль скоро сношу и твое молчание, и твои выпады. В надежде, что тебе предложат роль, которая сделает тебя счастливым. Я почувствовала бы себя счастливой, зная, что счастлив ты, — да-да, это сущая правда. Ведь мне так мало нужно. Лишь бы сыграть время от времени хоть крошечную роль: горничной, няни, девушки с фермы. Я стала для тебя подобием силуэта, не так ли? Еще шаг, и ты меня забудешь.

Марилен стремительно встает из-за стола. Только бы не расплакаться у него на глазах. Она убегает и запирается в спальне. Сильвен остается один; его пальцы машинально

разминают хлебный мякиш.

Послушавшись внутреннего голоса, он пошел бы умолять Марилен открыть ему дверь: все бы ей рассказал: «Я пытался покончить с собой. Нашло какое-то безумие. Прости меня». А она ответила бы ему со своей жестокой улыбочкой, какая была у нее только что: «Ты пустил себе пулю в сердце, потом, спрятав пистолет, уселся на прежнее место, готовый умереть? Такое достойно премии за лучшее исполнение мужской роли!» Он оказался в глухом тупике. И как сказал тот, другой: «Это еще не конец». Короткая фраза, которая сулит все, что угодно: ежечасную тревогу, невыносимые семейные сцены, бесчестье...

Сильвен наливает себе большой стакан вина, звонит Берте, приглашая ее убрать со стола, и уходит к себе в кабинет. Он пытается разобраться в создавшейся ситуации, но мысли разлетаются, подобно листве, опадающей по осени под порывами ветра.

Телефон. Тоска зеленая. Звонит Медье.

— Как поживаете, дорогой Сильвен?

— Мог бы и лучше.

— Да, Семийон так мне и сказал. Он считает, что вы чуточку рохля.

— Что-что?

— Думаю, он хотел этим сказать, что вам не хватает огонька. Нужно привыкнуть к его лексикону. Это правда, дорогой Сильвен? Сейчас не время дрейфить. Все, с кем я говорил о нашем проекте, в бурном восторге. Людям начинает приедаться вся эта серятина, наводнившая наши экраны. Разумеется, о том, чтобы повторить «Трех бенгальских стрелков», нет и речи. И все же почему бы нам не создать что-нибудь значительное и даже выдающееся? Знаете, что сказала мне вчера вечером Одетт Ферра — пресс-атташе в «Парамаунт»? «Вот роль для Дореля. Зря мы не привлекаем его к работе чаще!» Она права. Считайте себя мобилизованным, дорогой Сильвен. Вы нужны кинематографу! Вы еще не совсем оправились после ранения? Тем хуже. Отвечайте, как на переключке: «Здесь». И вложите в этот фильм весь пыл своего сердца.

— Постараюсь.

— Спасибо. И можете на меня рассчитывать. Всегда готов вас поддержать.

Повесив трубку, Сильвен спрашивает себя: «И что меня дернуло сказать ему “постараюсь”? Я согласился плыть по воле волн. Я тухлятина, плывущая по течению».

Сильвен идет на кухню и, не осознавая присутствия Берты, сам готовит себе чашку растворимого кофе. Он хотел бы напрочь память, но та противится, не давая ему вспомнить точные выражения письма. Он вроде бы написал: «Вы, Медье, вы просто подлец...» Или, пожалуй, еще хлеще: «Вы настоящая сволочь!» Ну и видик же будет у этого Медье, когда письмо обнародуют, чего и следует ожидать. Его письмо — граната, от которой взлетят, к черту, и продюсер и фильм — вся постройка. Так почему бы не опередить события? Почему бы не сойти с трека немедля, сославшись на переутомление?

Сильвен расхаживает по кухне с чашкой в руке. Правда заключается в том, что, хотя надеяться больше не на что, он продолжает надеяться. Все последние годы он питал столько надежд, что это стало порывом, сдержать который в одночасье ему не по силам.

Уже не он цепляется за Бурназеля, а Бурназель цепляется за него. Но Бурназель — везунчик. Везучесть, которая способна охранить их обоих.

Снова телефон. Сильвен реагирует на его звонок, как собака на свист хозяина. «Опять надо идти!» И идет.

— Привет! — говорит Семийон. — Мадлен меня известил. Мезьер — это хорошо. В

качестве имени предлагаю Альфонс. Это как раз на середине между Танкредом и Жан-Лу. Не вельможа, но и не плейбой. Потому как в делах подобного рода следует метить в самую точку. Ладно. Теперь вот еще что. Я раздобыл несколько фотографий Бурназеля. Не бог весть каких. Но оказывается, в те времена brave мужчины носили усы. Генерал Жиро, генерал Катру — все как один усатые. Так что отращивай усы.

— Все, что угодно, — вскричал Сильвен, — только не это! Начать с того, что усы мне не пойдут. На худой конец, согласен на фальшивые, но не более того.

— Фальшивые! Шутить изволишь. На очень крупных планах это всегда бросается в глаза. А я как раз намерен снимать крупным планом под занавес, понимаешь, когда ты идешь на верную смерть. Так что давай! И не ворчи. Отращивай усы. Только без дураков. Не тонкие усики. Ты ведь не Зорро. А наподобие зубной щетки — мужественно, но не выпячивая. Это дело трех недель. Что касается натуральных съемок, то я подумываю о Южных Альпах. Там есть засушливые места, которые подойдут нам один к одному. Я командирую туда на разведку своего ассистента. Ты, правда, с ним еще не знаком. Я вас познакомлю. Он приходится сыном нашему немецкому партнеру. Славный малый и киноман. Он с ходу загорелся, не в пример тебе.

— Что?..

— Да. Не в обиду тебе будет сказано. Невооруженным глазом видно, что ты никак не раскачаешься. Никак не подключишься к общему делу, как будто ты в него мало веришь. Но это придет. С завтрашнего дня работаем как черти. Мы доканаем эту историю. Кстати, если тебя осенит насчет названия — запиши. Название фильма — магнит, и нужно, чтобы оно притягивало, но ненавязчиво. Я дал такое задание и малышу Мадлену. Он предлагает «Побоище». Но это как раз из тех названий, каких следует избегать. Лично я хотел бы... Не знаю, чего бы я хотел. Что-нибудь броское, но в то же время благонамеренное. «Перст Божий»... «Третий час»... или же «Смерть праведника». Понимаешь, нам требуется благословение, и «Нувель обсерватор», и «Ла Круа». Если у тебя есть мозги, то самое время ими пошевелить. Чао!

Сильвен смутно припоминает, что именно он написал про него в своем письме: «Семийон — ваш сообщник...» Прочтя такую фразу, он озверевает пуще прочих.

Сильвен глотнул кофе. У него был горький привкус желчи.

Семийон является, как обычно, с опозданием. Он извлекает из кармана куртки банан, очищает его, комично напевая гнусавым голосом: «Люблю бананы — они без косточек». Затем плюхается в кресло, вытягивает ноги, зевая, подтягивает к себе пепельницу на ножке и бросает кожуру в ее чашу.

— Семийон до смерти устал, — изрекает он. — Ну так что вы придумали тут нового, ребятки? Что-что? Когда у вас такие физии, мне все ясно.

Он достает трубку с обугленным бортиком и набивает ее большим пальцем в артритных узлах.

— А между тем все проще простого, и тут вовсе не требуются мозги вундеркинда. Ответьте-ка мне на вопрос, который я задал вам в прошлый раз: «Какое препятствие непреодолимо для нашего Альфонса де ла Мезьера?»

Молчание. Семийон глотает дым маленькими порциями, словно наслаждаясь чем-то вкусным.

— Как? — удивляется он. — Никто ничего не придумал? Послушайте, что такое, как

правило, препятствие? А? По-моему, это ситуация, которая вам неподвластна. По причине слабинки в характере... Скажем так: недостатка, возобладавшего над всем остальным.

Семийон смеется утробным смехом, который разбирает его, как спазмы, отчего на сорочку сыплется раскаленный пепел. Он небрежно стряхивает его тыльной стороной ладони.

— Эти слова не мои. Успокойтесь. Так говаривал Мейер. У него была «теория семи смертных грехов», а у меня «теория коллизий». Мы с ним два сапога пара и, бывало, здорово чудили в Высшей киношколе. Заметьте себе, его придумка вовсе не так уж и глупа. В тот вечер мы подвыпили. Ничего крепкого и ровно столько, чтобы поразмыслить над своими возможностями. Мейер принимал себя за Канта. Мы спорили до одури. «Семь, — твердил он, перебирая пальцы и икая, — семь смертных грехов (ик!). Ты имеешь гордыню, зависть, ску... (ик!), то бишь сластолюбие... Сластолюбие — это мерзопакостно...» Он запутался в пальцах. Мне пришлось одолжить ему свои... «Чревоугодие, гордыня... Есть еще седьмой... Этот встречается... (ик!) редко». И он огляделся, словно только что его потерял. Я повел его к себе в библиотеку глянуть в словарь. Седьмым грехом оказалась лень.

Позабыв про все свои тревога, Сильвен от души смеялся. Чего бы он не отдал за такое вот умение балагурить, хорошо подвешенный язык, как у Семийона.

— Ну все, — сказал Семийон. — Хватит трепаться. Вам бы только шутки шутить. Итак: танцуйте от печки — от главного недостатка в характере нашего героя, — и вы получите желаемое препятствие. По Мейеру, существует семь драматических ситуаций, и только семь. Сейчас мы убедимся в его правоте. Начнем с гордыни. Итак, для нашего героя уступить в чем бы то ни было — тут выбор за нами — или не уступить — всегда вопрос чести.

Он стучит трубкой по ладони над пепельницей, и вокруг нее рассыпается пепел.

— Вообразите себе, что наш де ла Мезьер — своего рода сорвиголова. Его отец — высшее должностное лицо, ну, скажем, прокурор республики. Его мать, конечно же, из богатой семьи промышленников. А наш Альфонс отвергает все условности своей среды. Он проводит вечера на танцульках; затевает драки, попадает в аварии. Но все заканчивается для него благополучно. Беда обходит его стороной — не надо забывать про везение. В конце концов он идет добровольцем на военную службу. Но скверный характер остается при нем. Он вызывается участвовать во всех опасных операциях и продвигается по служебной лестнице. Короче, мы выходим на случай с Бурназелем. В моей подаче все это кажется несколько упрощенным. Но когда вы читаете в киноальманахе краткое содержание фильмов, шедевры и те кажутся не бог весть чем.

— А зависть — что дала бы она? — спрашивает Сильвен.

Семийон чешет за ухом кончиком трубки.

— Тут, милаша, дело тоньше. Это почти что твой случай, да не в обиду тебе будет сказано. Марсьяль и ты — приятели еще со школьной скамьи. Вы оба поступаете в театральное училище. Оба заканчиваете ее *ex aequo*. Оба влюбляетесь в одну и ту же женщину и по очереди женитесь на ней. Перенесем-ка все это на историю нашего героя и заменим кино армией. Там тоже один завидует другому и всячески старается обскакать соперника.

Семийон воодушевляется, вскакивает с места, подносит к глазу руку, закруглив пальцы в виде лорнета.

— Каждый из вас получил приказ взять высоту. Я вижу, как вы продвигаетесь под градом пуль. Чтобы сравнять шансы, Альфонс, сбросив казакин, устремляется вперед. И вот

он выполнил задание первым. Но тут его сразила пуля. Великолепный кадр! Как бы это смотрелось! Волей-неволей, а зритель сопоставил бы жизнь и кино. Фильмы с ключом — ничего лучшего не придумаешь!

— Я пойду еще дальше, — изрекает Мадлен, еще не бравший слова. — Главный у нас, разумеется, Дорель. Поэтому нужно найти такой ход, чтобы его соперник, то есть Марсьяль, натолкнул его на мысль сбросить свой казакин, что было бы для него верным средством спровоцировать убийство ненавистного человека.

— Ах! Просто супер! — заходится Семейон. — Видишь, Сильвен... Но ты, похоже, не в большом восторге.

— Гм... дайте подумать... — бормочет Сильвен. — А не станет ли такой фильм похож на некую историю мести?

— Ну и что в этом плохого? — начинает возражать Семейон, но осекается.

Входит Берта с почтой в руках, и Сильвен, похолодев до мозга костей, оглядывает конверты. Ничего подозрительного. Помимо писем пришло два пакета.

— С вашего позволения, — извиняется он и вскрывает пакеты.

Два сценария! Сколько уже месяцев и даже лет ему никто ничего не отправлял, тогда как, бывало, с каждой почтой он получал сценарии, робкие предложения дебютантов или тексты, предоставляемые продюсерами на его суд. Сильвен растроган. Эти две рукописи наводят его на мысль о лососе, который возвращается метать икру в водоем после того, как воду очистили. А между тем в сердце его по-прежнему сплошная муть. Сильвен бережно укладывает пакеты возле телефонного аппарата.

— Итак, мы говорили...

— Мы говорили о грехе зависти, — напоминает Мадлен. — Похоже, ты не загорелся, тогда как мне думается, у нас в руках хороший сюжет, если копать его вглубь.

— Я предпочел бы сначала пройтись по всем вариантам, — настаивает Сильвен. — Что там у нас после зависти?

— Скупость, — сообщает Семейон. — Скупость — дитя тщеславия. К примеру, ты утаиваешь сведения, которые обязан был сообщить своему командиру. Допустим, ла Мезьеру дали задание разведать слабо исследованную территорию...

— Случай Ливингстона, — комментирует Мадлен.

— Точно. Он обнаруживает алмазные россыпи, а у него всего три нашивки и жалкие заработки. Разумеется, я опускаю перипетии, подвергающие его везучесть суровому испытанию: удав, львы — словом, картина тебе ясна. А в придачу на него нападают дикари, которых он непременно должен усмирить, если хочет...

— О! Хватит! — взмолился Сильвен. — Все это из арсенала фильмов категории «Б». А не могли бы мы целиться выше?

— Мы к этому уже подошли, — заверяет его Семейон. — Пока что мы примеряем варианты. Если ты останавливаешься на сластолюбии, то выходишь на избитую историю благородного сердца, загубленного ненасытной любовницей.

— Янингс в «Голубом ангеле»^[37], — говорит Мадлен.

— Отпадает, — сдаётся Семейон. — Мсье подавай что-нибудь новенькое? Тогда боюсь, что и обжорство нас далеко не уведет. Не сделать же из де ла Мезьера алкоголика? Или жертву ревности: капитан де ла Мезьер дерется на дуэли из-за женщины. Он убивает соперника, но теперь красавица от него с ужасом отворачивается. И тогда он добивается перевода в Марокко, где упорно ищет смерти, однако впустую — ведь он же везунчик.

— Чушь собачья! — решительно отмел Сильвен. — Пока вы не станете принимать эту историю всерьез, ни к чему путному мы не придем.

— Какой же он у нас, однако, сердитый, — говорит Семейон. — Итак, я продолжаю петь свои куплеты. На очереди — леность. Давай, лапочка, успокойся. Пробежимся по дорожке, пока не разогреемся. Меня лично устраивает вариант зависти.

Остановившись за спиной Мадлена, он кладет руки ему на плечи.

— Тебя тоже, а, несмышленьш? Чуешь? В этом что-то есть. Короче, танцуем от соперничества.

Он становится прямо перед Сильвенем.

— Пойми меня правильно, лапочка. Речь идет не о соперничестве мужиков из-за бабы. Или между спортсменами. А о соперничестве высочайшего класса, когда один заявляет другому: «Я значу больше тебя». Соперничество завоевателей полюса, если тебя больше устраивает. Это тебе уже не фильм категории «Б».

— Или соперничество между Маршаном и Кичнером, — встревает Мадлен.

Семийон хлопает себя ладонью по лбу — его осенило.

— Все в порядке. Если танцевать от этой печки, история выстраивается сама собой. Ах, дети мои, на сей раз у нас полный порядок.

Под тяжестью вдохновения Семейон плюхается в кресло. Воздев глаза к потолку и сведя кулаки под подбородком, он шепчет:

— Погодите... погодите... не перебивайте... Сильвен, ты капитан де ла Мезьер... Даниель Марсьяль тоже капитан... Вы знакомы еще со школьной скамьи в Сен-Сире, где готовят офицерские кадры, вы друзья-соперники... Вы поочередно женитесь на одной и той же женщине — следует использовать реальные ситуации всякий раз, когда это возможно. И вам обоим дают задание. Марсьяль отправится во главе колонны в Тимбукту и поднимется на север, навстречу той колонне, которой командует де ла Мезьер. Речь идет о необходимости составить карту дислокации непокоренных племен. Частые стычки с туарегами, везучесть — все это я опускаю... Важно, кто же пойдет скорее, проявит себя лучше, находчивей, смелее. Наконец обе колонны подходят с двух сторон к началу крутого спуска, где прочно обосновались повстанцы. Кто возглавит решающий натиск после многочисленных попыток, потерпевших провал? Победы добьется Сильвен, который и сложит там голову. Вот вам путеводная нить.

Он окидывает Сильвена взглядом портного, который снимает мерку.

— Тебя устраивает?

— В идеале, — вмешивается Мадлен, — хорошо бы, они играли оба. Один против другого. Марсьяль и Дорель! Вот это была бы афиша!

— Умоляю вас! — взмолился Сильвен.

— Он прав, — соглашается Семейон. — Если бы Марсьяля выпустили на свободу за отсутствием улик... И по-моему, все уже идет к прекращению уголовного дела за отсутствием состава преступления. Что бы тогда помешало вам играть вместе? Два соперника, которые примиряются на поле брани. Жизнь их противопоставила. Кино свело их вместе.

Он поднимает руку.

— Помолчи! Возражения потом. А сейчас дай нам заниматься делом. Мне уже видится потрясающий сценарий.

Его прерывает телефонный звонок. Сильвен снимает трубку, слушает, шепчет в сторону

Семийона: «Из секретариата Буvara»^[38].

— Урра! — восклицает Семийон и без спросу хватается вторую трубку.

На другом конце провода слышится приглушенный голос, как бы извиняющийся за бестактность.

— Ходят слухи, что вскоре вы приступаете к съемкам...

— Да, совершенно верно.

— Правда ли, что это будет продукция «Галлия-продюксьон»?

— Правда.

— А не могли бы вы уже сейчас рассказать о распределении ролей?

— Это было бы преждевременно.

— Но вы, несомненно, получите важную роль.

— Конечно. И жена моя также.

— Кто ваш режиссер? Нам сообщили, якобы Жак Семийон.

— Так оно и есть.

— А сценарист — Мадлен?

— Совершенно верно.

— Хорошая творческая бригада. И разумеется, это Марсьяль стрелял в вас? (Смешок пересмешника.) Вы отказываетесь отвечать? А не согласитесь ли вы выступить по радио в программе Буvara?

Семийон мотает головой в знак несогласия.

— С удовольствием, — говорит Сильвен. — Только я все еще не в лучшей форме.

— Ну что ж, вам перезвонят. Спасибо.

— Уф! — выдыхает Семийон, пока Сильвен вешает трубку. — Бувар способен вытянуть своими вопросами всю подноготную, не успеешь и глазом моргнуть. Он Сократ по части светских сплетен. Я вовсе не желаю, чтобы о наших планах прознали слишком многое. Еще чуть-чуть — и он бы выведал у тебя все, как бы невзначай. Но очень хорошо, что они тобой интересуются.

— С вашего позволения, — говорит Мадлен, — я ретируюсь. Завтра я буду трудиться дома. Но послезавтра принесу законченный литературный сценарий. Согласны?

— Ступай, она ждет тебя не дождется, — шутит Семийон. — А тем временем мы, старики, еще немножко покорпим.

Дождавшись, пока Мадлен выйдет в сад, Семийон раскуривает трубку.

— Знаешь, ведь я твой друг, — начинает он. — Именно поэтому я безошибочно угадываю, что на душе у тебя кошки скребут. Давай выкладывай все начистоту, старикан. Без колебаний. У меня создалось впечатление, что ты все еще никак не оправился после ранения. Возможно, нам следовало повременить, прежде чем привязать тебя к новому сценарию. А? Я прав?

— Да нет, не думаю.

— Тогда что же происходит? Ты перестал выходить из дому. А газеты хотя бы читаешь? Ты даже не осознаешь, что стал звездой, что твоя ссора с Марсьялем — главное событие этого месяца в Париже. Ты просто обязан воспользоваться этим обстоятельством, выходить на люди. О-ля-ля! Я знаю не одного человека, которые охотно поменялись бы с тобой местами. Но ты, похоже, чего-то боишься.

Сильвен молчит. Он с изумлением открывает для себя, что Семийон, быть может, ему и вправду друг. А почему бы и не Медье? И многие другие, кого он беспричинно ненавидел.

— Дело не в этом, — бормочет он.

— Ах! Ты говоришь со мной, как пациент с врачом! — вздыхает Семийон. — Может, тебе не по душе мой стиль работы? По-твоему, я разыгрываю из себя шута? Склонен халтурить? Ты хочешь, чтобы я себя раскритиковал?

— Сейчас я тебе объясню, — начинает Сильвен.

— Валяй! Давно пора.

— Бурназель... Не знаю, как бы это сказать... Я чувствую, что мне до него очень далеко — вот в чем беда. В моей жизни есть много такого, что он бы презирал.

Семийон дает время трубке погаснуть. Он удрученно смотрит на Сильвена.

— Предложи мне сыграть кого угодно, и я бы всей душой, — продолжает Сильвен. — Но только не Бурназеля!

— Начнем с того, — заявляет Семийон, — что Бурназеля больше нет. Есть де ла Мезьер. И потом, какого черта! Много ли ты знаешь актеров, которые сами были на высоте своих прототипов? Ты гредишь, право слово. Эй, проснись-ка, милый! Ты что, собираешься продемонстрировать нам свои муки нечистой совести? В сущности, чего мы хотим, ты и я? Создать персонажа, который был бы живым, сложным, с плюсами и минусами, как и любой человек. А не бронзовую статую. Вот почему я думаю, что идея Мадлена хороша. Ты против Марсьяля. Но ты, как таковой, против такого Марсьяля, какого знаешь только ты один, поскольку много с ним общался. Вымысел? Лично мне на это плевать. Какой-то вымысел просто необходим. Но у каждого своя правда. Мне требуется твоя — вот и все. И если я заполучу также правду Даниеля, считай, что наша взяла. Ну как, по рукам?

— Попытаюсь, — смиряется Сильвен.

Он провожает Семийона до калитки, а на обратном пути обдумывает слова режиссера. Правда? Эта история соперничества двух армейских офицеров правду не выявит. Бурназель — человек, который меньше всего пекся о своей персоне. «Я, — думает Сильвен, — был обязан сразу же снять с Даниеля подозрения в покушении на мою жизнь. Что удерживает меня от этого?» Лучше такими вопросами никогда не задаваться.

Сильвен вскрывает несколько конвертов, зевает; он слышит, как в столовой Марилен разговаривает с Бертой. Почему это сегодня его не приглашают обедать? Он бредет в столовую. Марилен уже сидит за столом. Лицо злое. Настроение скверное. У Сильвена нет никакого желания ссориться. Он усаживается, как послушный ребенок, которого отругали. Но вскоре тишина, едва нарушаемая позвякиванием столовых приборов, становится невыносимой. Притворившись, что не замечает враждебности Марилен, он удовлетворенно сообщает:

— Сегодня утром мы славно потрудились.

Марилен не поднимает глаз. Он спешит присовокупить:

— Сценарий все еще не написан, но ты получишь хорошую роль. Хочешь, я тебе расскажу, на чем мы остановились?

Марилен кладет себе на тарелку еще ломтик семги, два листика салата. У нее непринужденные, естественные, чуть скучающие жесты путешественницы, которая обедает в ожидании поезда.

— Я уже говорил тебе про Бурназеля, — продолжает Сильвен. — Так вот, Бурназель...

Он рассказывает жене про жизнь и смерть офицера. Оспаривает ее возражения, как если бы Марилен участвовала в их беседе.

— Да, — говорит он, — такой вопрос невольно возникает. Но я бы ответил тебе... —

Или же, силясь рассмеяться: — Такая мысль могла прийти в голову только женщине.

Марилен застыла, как глыба льда. Только ее взгляд переходит от застекленной двери к потолку. Она тут одна. Старательно жует, чтобы не расползеть. Наконец встает из-за стола.

— А десерт? — вскипает Сильвен.

Марилен выходит из столовой, не реагируя. Сильвен, швырнув на стол салфетку, звонит Берте.

— Что с ней происходит? — спрашивает он горничную.

— С мадам? Понятия не имею. Она не в настроении с самого утра. Вам письмо.

— Письмо? Какое еще письмо?

— Письмо как письмо. Мадам велела отдать его вам, когда она уйдет из дому.

— Ну так ступайте же за ним, чего вы ждете?

Берта возвращается и протягивает Сильвену конверт, который он немедленно вскрывает. В нем лежит другой, сложенный вдвое. Узнаваемый почерк. Пальцы его дрожат, как при высокой температуре.

*Мадам С. Дорель
30-бис, улица Боргезе
92200, Нейи-сюр-Сен*

Старательно выведенные палочки. Он извлекает из конверта сложенный вчетверо листок бумаги. Его мысли забегают вперед. Они предприняли атаку на нее. Конец света! Развернув бумагу, он узнает свой почерк.

Тебя прельстит перспектива выгодных контрактов. Даниель тебя не устраивал. О, этот зубовой скрежет за кулисами того, что вы осмеливаетесь называть «седьмым искусством». Вы, полные ничтожества...

Неизвестный принял меры предосторожности и, сняв ксерокопию с письма, рассылает фрагменты. Эти фразы еще сравнительно не так уж оскорбительны. Никакой возможности откреститься: Марилен прекрасно знает почерк мужа и, должно быть, уже извелась, задаваясь вопросом: что же все это означает? У кого находится письмо, предназначавшееся ей, которое Сильвен так и не отправил? Может, он написал его из желания сделать приятное своей любовнице? Ибо это странное письмо со всей очевидностью доказывает, что существует женщина, ради которой он решается писать всякие гадости. Даже купюры дают основание предполагать, что в письме еще немало других издевок. Что ответить ему на такие упреки? Какие оправдания могли бы оградить его от нападков жены?

Сильвен машинально складывает записку и возвращает в конверт. Он вернет его Марилен, жалобно признаваясь: «Я не знаю. Не понимаю». Ему не дает покоя тревожная мысль, неотвязная, как оса. Сколько бы он ее ни отгонял, она больно жалит его. «Признайся!» Но и это не выход из создавшегося положения. Ведь его правда смахивает на шутку сомнительного характера. Если он признается Марилен в том, что хотел покончить самоубийством, это будет не смешно — ведь пистолет исчез. С другой стороны, она вправе рассмеяться ему в лицо, если он попробует утверждать, что забыл про это письмо тоже.

Сильвен вызывает Берту.

— Постарайтесь припомнить, мадам действительно велела вам отдать мне это письмо,

когда уйдет из дому?

— Да, мсье.

Внезапное подозрение толкает его в гардеробную. Но нет — оно оказалось ошибочным. Марилен ушла без вещей. В течение ужасной минуты он думал, что жена его бросила. При ее вспыльчивости, задыхаясь от бешенства, прочитав: «Все вы просто ничтожные людишки», она вполне была способна перебраться в гостиницу, а возможно, пойти на крайность.

Сильвену видится лишь один выход из создавшегося положения — отступить. Отказавшись от роли ла Мезьера без объяснений, он погорит безвозвратно. Что он предпочитает: потерять фильм или потерять жену? Медье ему не простит. Но и от Марилен тоже ничего хорошего теперь не жди. Однако какой же страшный рок преследует его? Может, было бы хорошо посоветоваться с Тельмой? Но у него нет желания узнать про свое будущее. У него нет никаких желаний. Он перечитывает то место из словаря «Ларусса», где говорится о Бурназеле^[39]: «В последние дни перед отъездом на фронт его нервозность заметно растет — он даже и не пытается ее скрыть. Ему не сидится на месте. Им движет какая-то внутренняя тревога, прогоняя из кабинета, заставляя расхаживать по касбе^[40], скакать на коне по пальмовой роще, возвращаться за свой стол, чтобы тут же его покинуть, кружить по командному пункту».

«Я дошел точно до такого же состояния, что и он, я чувствую себя затравленным зверем. Чего от меня ждут? Чтобы я почитал себя за ничтожество? Сам по себе я ничего не значу, это верно. Но мой персонаж? Играю ли я Бурназеля или капитана де ла Мезьера, я не имею права исказить образ своего персонажа. Пусть даже он подается и несколько упрощенно, несколько условно — все равно я обязан оберегать его от искажений. Я имею полное право защищать свой внутренний мир».

Сильвен тоже не находит себе места.

Марилен вернулась поздно. Услышав шаги, Сильвен окликает жену, и она заходит в кабинет. В глазах ее никакого сердитого блеска. Неужто примирение возможно?

— Не знаю, что и думать, — говорит Сильвен, — ты ушла из дому так внезапно.

Марилен спокойно садится. Закуривает «Голуаз».

— Я навещала твою маму, представь себе. Бедная старуха! Ты визитами ее не балуешь.

— Как она поживает?

— Да так себе. Варикозные вены — штука болезненная. Она еле-еле ходит. Все время расстраивается. Из-за тебя. Из-за твоего брата.

Сильвен думает: «Продолжай. Говори. Это помогает преодолеть злобу».

— Приходил инспектор полиции. Наводил о нем справки, — продолжает Марилен. — В связи с угоном машины. Дело темное. Не сегодня завтра он угодит за решетку. И потом, ей хотелось узнать, правду ли пишут в газетах относительно твоего фильма. Знаешь, она страшно гордится тобой. А ведь гордиться-то нечем.

Сильвен протягивает руку — осмотрительно, словно боится испугнуть птицу, и сжимает запястье Марилен. Она и не высвобождается.

— Читал? — спрашивает она.

— Да.

— Это написал ты?

— Да.

— Неужели ты думаешь, что мне и вправду не хватало Даниеля? Не хочешь отвечать?

— Я не могу.

— Это *она* вынудила тебя писать эти кусочки письма? Господи, до чего же мужчины глупы. А что это? — Наклонившись к его лицу, она проводит пальцем под носом. — Неужели ты воображаешь, что у нас на глазах пелена? Невооруженным глазом видно, что ты отращиваешь усы. Пока еще под носом у тебя только жалкий пушок, но через месяц ты станешь неотразим. Вот уж *она* обрадуется. А за усами, несомненно, последует развод? Стоит ли держаться за мужа-ничтожество? Только заруби себе на носу — на развод я не соглашусь. Никогда! И предам гласности письма, которые она не преминет заставить тебя писать.

— Не кричи.

— Но я не кричу.

— Усы мне понадобились по роли.

— Обманщик!

— И этот кусок письма — часть текста, который я набросал для самого себя. В тот день я был зол и подавлен. Одинок.

— Ты не был одинок — ведь кто-то завладел им и теперь шлет мне цитаты. Не станешь же ты морочить мне голову, утверждая, что у тебя его выкрали.

— Согласен, — бормочет Сильвен. — Тут все говорит против меня.

Марилен встает, иронически улыбаясь.

— Хорош он, капитан... как его там величают? Из тех, кто не осмеливается признаться, что заимел подружку, но все же да здоровствует Франция.

— Клянусь, что...

— Ясное дело. Когда мужчине нечего сказать в свое оправдание, ему остается одно — давать клятвенные заверения.

Марилен нежно проводит ладонью под его подбородком.

— Милый Сильвен, — изрекает она. — А ведь твоя мама права. Уж лучше бы ты стал фармацевтом. Куда же ты поведешь меня ужинать?

— Разве ты хочешь...

— Ну да. Отныне ты от меня ни на шаг. Пусть *она* подышает от ревности.

Странный вечер. Они отправились ужинать к «Липпу». Пожимали там множество рук. Сильвен пребывал как в тумане. «Да, понемножку, мерси... Сушая правда, я возвращаюсь издалека... Худшее уже позади... О! Это всего лишь проект... Ну что же, спросите у Семейона».

Автоматические ответы. Автоматические улыбки.

Марилен блещет всем, чем только можно. Блещат и драгоценности, и глаза. Для всех присутствующих она — олицетворение вновь обретенного успеха. Но пока метрдотель удаляется, она, не переставая улыбаться, шепчет:

— Вон та выдра, справа от меня, рядом с лысеющим толстяком, не говори мне, что это не *она*!

В этой игре «обмен шпильками» Сильвен обречен на проигрыш. Он решает отмалчиваться. А Марилен забавляется, продолжая выводить мужа из себя.

— Ты выбрал этот ресторан неслучайно. Уверена, что *она* тоже находится здесь. Посмотришь — я вычислю ее.

Легкий поклон в сторону вошедшей пары.

— Ты тоже мог бы кивнуть им, — укоряет Сильвена Марилен. — Это же Бельяры. Ну и

страхолюдина. Впрочем, все они страшенькие. Надеюсь, у тебя-то со вкусом все в порядке.

— Тебе не кажется, что ты перебарщиваешь?

— Так я всего лишь жалкое создание, — парирует она. — Разве не ты это написал?

Склонив к мужу голову как бы в порыве нежности, Марилен шепчет:

— На какие ласковые слова я вправе рассчитывать в следующем письме?

И тут он вспоминает фразу: «Ты самая бездарная актриса из всех, кого мне дано было встретить».

У Сильвена кусок встал поперек горла. Марилен наблюдает за ним и ехидно улыбается:

— Давай говори, не смущайся.

Он передергивает плечами.

— По-твоему, я уродка? Нет? Дело не в этом? Тогда, значит, ты все еще не простил мне, что я была женой Даниеля? Эта заноза осталась в твоём сердце?

Марилен умолкает, выжидая, когда помощник официанта закончит разделявать рыбу. Сильвен неприметно промокает лоб платочком из верхнего кармашка. Она близка к истине и остро чувствует запах ненависти, но еще не догадывается о ее силе. А вот после нового письма, которое получит, возможно, завтра и где прочтет: «Ты самая бездарная актриса...» Как можно такого рода оценки предать огласке?

Сильвен прикрывает глаза, пытаясь сосредоточиться. Чего ему, в сущности, страшиться Марилен? Она станет метать громы и молнии, осыпать его упреками. А потом будет вынуждена успокоиться. Она не из тех, кто разрезвонит на весь свет: «Сильвен утверждает, что я бездарь». Ему дышится уже легче. Розовое вино, на которое он налегает сверх меры, прочищает мозги. Сомнений нет — таинственный враг задумал его со всеми рассорить. Он разошлет каждому по порции письма: «Вы, Медье, негодяй каких мало...» или еще: «Мой брат, если бы он только посмел, свистнул бы у меня из-под носа лучшие куски...» Подумаешь! Медье наслушался еще и не такого. Николая не в счет. Значит, задетые персоны поостерегутся разглашать инцидент с письмом. Страшны лишь газеты. Попади его письмо на их страницы — и ему крышка. Но ничто не доказывает, что обладатель письма стремится именно к этому. Зачем ему губить свою жертву, если куда забавнее ее изводить?

Марилен наступает под столом ему на ногу.

— Ответишь ты мне наконец?

Сильвен смотрит на нее, но мысли его далеко.

— Извини, я задумался над нашим сценарием. Это твоё соображение о Даниеле, который... Нам следует вернуться к этому разговору. Тема соперничества может быть увлекательной, и если ты не прочь нам помогать...

Сильвен угадывает, что Марилен уже готова сложить оружие. Она тоже одержима кино. Вначале роль. А ревность — увидим потом.

— Способна ли ты рассказать про свою жизнь с Даниелем? Нарисовать объективную картину?

— Конечно. В той мере, в какой это касается Даниеля. Я расскажу Семеййону все, что он пожелает. Все же ты странный человек, согласишься; тебя не поймешь. И если Семеййон меня спросит: «Кто такой Сильвен?» — я буду вынуждена ответить: «Понятия не имею. Я даже не уверена, существует ли такой». Закажи мне мороженое, и вернемся домой. Все эти люди меня утомляют.

В тот момент, когда они позвали гардеробщика, прибежал метрдотель и протянул Сильвену меню.

— Господин Дорель, прошу вас... Для моей дочки. Она будет просто-таки счастлива.

И Сильвен черкает автограф.

— И вы, мадам.

Рука Марилен слегка дрожит.

— Благодарствую.

Домой они возвращаются молча. Сильвен направляется было в спальню для гостей.

Марилен удерживает его за рукав.

— Ты покидаешь меня?

— Разве так не лучше?

— Дурачок!

— Сюрпризик от шефа, — объявляет Семейон.

Он приволок объемистый сверток и со вздохом облегчения водрузил его на письменный стол.

— Оттянул всю руку.

— Что это? — любопытствовал Сильвен.

— Сейчас увидишь. Поддай-ка ножницы.

Семийон разрезает бечевки, туго перехватывающие грубую оберточную бумагу.

— Мой чемодан набит грязным бельем. Пришлось обойтись первым, что попало под руку.

Расправив обертку, он извлекает на свет божий одежду из красной материи, закрученную в сверток как попало.

— Ваша шинель, мой капитан.

В развернутом виде шинель, придерживаемая за кромку рукавов, кажется впору великану.

— Набрось-ка на себя. И это еще не все.

Он швыряет на спинку кресла доломан, брюки, кепи.

— Придется все хорошенько отутюжить. Немного освежить. Попроси свою бабу... пardon... жену. Я вообразил себе, что мы уже в Африке. Только не вздумай донимать меня вопросами, соответствует ли этот костюм эпохе. Почему я знаю, как одевался этот Бурназель. Он был порядочным оригиналом. Я взял эти вещи напрокат, якобы для бала-маскарада. Как-никак, а костюм помогает создать себе представление о персонаже.

И тут является Марилен. Она еще незнакома с Семейоном. Сильвен знакомит их без излишних церемоний. Марилен сразу растаяла и сложила руки перед костюмом, словно он предназначен ей. Потом взяла шинель и, приложив к груди, очень по-женски, обернулась к Сильвену.

— Давай-ка примерь.

— Ты думаешь?..

— Разумеется, — говорит Семейон. — Нам не терпится посмотреть на тебя в этом облачении.

Он заговорщицки улыбается Марилен, пока Сильвен перекидывает на согнутой руке брюки и куртку.

— Куда пошел? — спрашивает Семейон.

— Я... в спальню.

— Тоже мне, красная девица. Не стесняйся! Он у вас всегда такой?

— Всегда, — шутит Марилен.

Сильвен смущен, счастлив и ворчлив в одно и то же время. Он сердится на них. Он сердится на себя за то, что сердится на них. Он чувствует себя смешным в этих брюках-юбке, которые топорщатся вокруг ног.

Семийон раскурил трубку и отклонил голову, как бы присутствуя при показе мод. Марилен восседает на подлокотнике.

— Что-то не так — материя топорщится вокруг левой лодыжки, — замечает Семийон. — Как ты считаешь?

Он обратился к Марилен на «ты», но тут же спохватился:

— Прощу прощения. На работе я со всеми на «ты». Ты не против?

— Да нет же, нет, — спешит заверить его Марилен.

— Шинель ему великовата, — продолжает Семийон.

— Ее несложно подогнать по фигуре, — успокаивает Марилен.

Они принимаются обсуждать эту проблему, как два профессиональных портных. Сильвен стоит перед ними неподвижно, с глупым видом. Манекен, да и только. Как ему хотелось бы остаться одному перед зеркалом и деталь за деталью выстроить образ своего персонажа.

— Поворачивайся, — велит ему Семийон, — только не спеша. Брючный пояс пришелся тебе явно выше талии. Ладно, сойдет и так. Теперь шинель. Очаровательно! Но со спины она висит. Марилен, у тебя найдутся булавки?

Та бежит в гостиную.

— Примерь-ка кепи, — требует Семийон. — Да нет же, опусти чуточку набекрень. Как Габен... помнишь, в фильме «Сердцеед»? Вот-вот. Отлично!

Марилен возвращается с булавками. Отложив трубку на письменный стол, Семийон опускается на четвереньки.

— Передай-ка мне булавки.

Он медленно ползает, носом касаясь пола, и разговаривает, приоткрывая только уголок рта, как арестант.

— Стой прямо. Тут что-то неладно.

— Вы чересчур укоротили, — замечает Марилен.

И вот она тоже садится на корточки. Сильвен не осмеливается наклонить голову и посмотреть, что у них получилось. Они ползают вокруг его ног, обмениваются советами, позабыв о нем и думать. Забавляясь, как два приятеля.

— Я укололся, — пришептывает Семийон. — Задал же он нам задачу, черт полосатый.

— Осторожно, — молит его Марилен. — Вы колете мне пальцы. Складка выше.

Наконец они отстраняются от Сильвена и по-портняжьи усаживают на паласе.

— Хорош герой — ничего не скажешь, — оценивает Семийон. — Ничего удивительного, если ему всю дорогу везет.

Вскочив на ноги, он хватается двумя пальцами материю, с тем чтобы растянуть шинель во всю ширину.

— Все дело в том, — объясняет он Марилен, — что парень спрятан в пальто, как тореадор за своей мулетой. Бык уже не знает, где же он. Пули тоже. Они наудачу решают пальто и всякий раз мимо.

— Вы ни во что не верите, — выговаривает ему Марилен.

— Ошибаетесь, моя дорогая. Я железно верю в этот фильм. Мы вылезем из кожи вон,

лишь бы попасть в «номинацию»^[41], как выражаются на голливудском жаргоне. Ступай, сынок. Поглядишь в зеркало.

Он дружески хлопает Сильвена по заду, как будто подбивая на перевоплощение.

— Присоединишься к нам в столовой, — бросает Марилен. — Вы не откажетесь с нами перекусить? — обращается она уже к Семеййону.

— И даже основательно поесть, — снисходит тот. — Я еще даже не пил кофе — забыл купить. Такова участь несчастных холостяков.

Сильвен прикрывает за собой дверь в ванную. Там висит зеркало, в котором человек в красном облачении отражается во весь рост.

— Бурназель, — бормочет он.

Глядя на себя в костюме очередного персонажа, Сильвен всегда волнуется. Он словно меняет кожу. Его мечта постепенно материализуется. Он начинает шевелиться, проверяет зрение, ощупывает рот, щеки. Бурназель оживает в своем облике — в красной шинели, которая вошла в легенду. Подобно Лазарю, он движется в царстве теней. Раздвинув полы, чего доброго, увидел бы еще на своем животе рубцы, а точнее, стигматы добровольного мученика. И к нему приходит желание сопротивляться противнику, вознамерившемуся его обесчестить. Личность, подобная Бурназелю, не капитулирует. Сильвен всматривается в свои глаза. Он силится распознать свою подлинную душу и говорит ей, сосредоточившись всем своим существом: «Я не позволю им превратить меня в посмешище!» И поскольку мальчишество всегда соседствует в нем с волнением, прикладывает руку к козырьку, отдавая честь самому себе.

Заметив Сильвена в тот момент, когда он возвращается за своей одеждой в кабинет, Берта так и застывает на месте.

— Как же вы хороши собой, мсье! Мадам должна вами гордиться. А что мне делать с этим?

Она протягивает Сильвену пакет. Не иначе как подарок. Бывало, он получал массу подарков — портсигары, зажигалки, часы-браслеты. Он разыгрывает пресыщенность перед Бертой, которая все еще смотрит на него восторженными глазами.

— Положите в прихожей. Вскоре последует много других. Не стоит беспокоить меня по мелочам.

— Чья это форма? — интересуется горничная, проводя ладонью по шинели.

— Спаги^[42].

На пороге столовой появляется Семеййон с сэндвичем в руке.

— Пойду переоденусь, — докладывает Сильвен.

— Не надо, давай приходи как есть, мы на тебя еще не нагляделись. Клянусь, вдвоем вы способны произвести настоящий фурор.

— Вдвоем?..

— Ну да — ты и твой соперник. Забыл, что ли? Он будет одет в точно такую же униформу. Я только что пересказал наш сценарий Марилен.

Он усаживается на место, отхлебывает кофе.

— Она полностью согласна. Она, Даниель и ты — оживший роман. И я воспользуюсь им! Разумеется, Даниель пока что для нас недостижим. Даже если бы его и освободили из-под стражи, думаю, он отказался бы от роли. А жаль! Но он нам сейчас и не потребуется. Есть Марилен, которая опишет ваш любовный треугольник, расскажет нам все и без него. Понимаешь, главное для меня — узнать все подробности про вашу молодость: как вы

встретились, что толкнуло Марилен вначале к Даниелю, а потом к Сильвену. Тебе это неприятно?

— Да, пожалуй, — признается Сильвен и смотрит на жену. — А тебе? Тебе приятно выставлять нашу жизнь на всеобщее обозрение?

— Подумаешь, — передергивает плечами Марилен. — На экране все будет переиначено.

— Вот так! — победно ликует Семийон. — Кинематограф непременно должен черпать материал в реальной жизни, если только мы не хотим возвращаться к пройденному — фильмам типа «Трое из Сен-Сира» или «Четыре белых пера». Что интересует меня — эти годы, когда вы были еще студентами и Марилен почему-то два раза подряд выходила замуж за своих приятелей. Ведь в конечном счете все трое вы находились в приятельских отношениях. А приятели слишком хорошо знают друг друга, чтобы сочетаться браком.

— Да-а, — соглашается Марилен, — я знала их как облупленных. Мы вместе готовили сцену, подавали друг другу реплики, бесконечно шлифовали образы. Это все равно что жить голышом.

Сильвен слушает ее, стиснув зубы.

— Извини за вопрос, — говорит Семийон, — и решай, отвечать тебе или нет. Прежде чем стать мужем, Марсьяль уже был твоим любовником?

— Да... И Сильвен тоже. Особого значения это не имело. Когда готовишься к конкурсу, лучше уж заниматься любовью, чем глотать снотворное.

— Выходит, у тебя был выбор. С таким же успехом ты могла сначала выйти за Сильвена. Так почему же ты начала с Марсьяля?

— Лично я знаю, — резко вмешался Сильвен. — Она считала его умнее меня. Думала, он станет вторым Жуве^[43].

— Это правда? — спросил Семийон.

— Да, правда, — призналась Марилен.

— Ты вышла за него из тщеславных побуждений? Мне важно это знать, чтобы не дать маху в плане военной табели о рангах. Ведь два младших лейтенанта вроде бы имеют равные шансы продвижения по служебной лестнице, и все же генералом станет один, а не другой. Ситуация, схожая с «Большими маневрами» Рене Клера. И к тому же реалистичная. Вместе с тем чтобы стать жертвой игры, женщина ведет ее. Но почему ты бросила Даниеля ради Сильвена? Тоже из тщеславных побуждений?

— Конечно, — ответил за жену Сильвен.

— Тебе слова не давали. Пусть мне ответит Марилен.

— Сказать нелегко, — бормочет Марилен. — Пожалуй, я восхищалась Даниелем. И пожалуй, любила Сильвена. Честно говоря, не знаю. Знаю лишь то, что Даниель меня разочаровал. Он все испоганил.

— Он много пил?

— Да.

— Мне придется подыскать что-то другое, — решает Семийон. — Представляешь, какую морду скорчит Медье. Ба, нетрудно вообразить, что Даниель играет в картишки, залезает в долги.

— Так оно и есть.

— Просто замечательно! — ликует Семийон. — Смотрите, как все складненько получается. У нас фигурирует студентка Института искусств по классу живописи —

сохраним божественную атмосферу... Мы потакаем дурным вкусам некоторых зрителей, но тут уж ничего не попишешь. Она частенько встречается с двумя курсантами Сен-Сира. Марилен подаст нам такой образ в лучшем виде. И в первой части фильма мы опишем перипетии отношений в любовном треугольнике.

— Выходит, главную роль играет тут Марилен, — отмечает Сильвен.

Семийон грубовато хлопает его по спине.

— Только послушайте его! Уже склочничает. Вот увидите — когда я представлю ему сценарий, он для сравнения пересчитает реплики, свои и своих партнеров. Ничего подобного, старик. Ведь умираешь у нас ты. Тебя и выбрали потому, что ты уже имеешь такой опыт. Я хочу сказать: ты это уже проходил. Когда актер — твой соперник — закроет тебе глаза в горах на пяточке, усеянном трупами, весь зал будет рыдать. Ах! Какая жалость, что Марсьяль в кутузке! А вас обоих ждет «Сезар»^[44].

— Я запарился в этом облачении, — жалуется Сильвен. — Продолжайте работать, а я иду переодеваться.

Ему не везет. То ли от жары, то ли из-за того оборота, какой принял их разговор. По пути он хватает пакет, оставленный Бертой на столике в прихожей. Что в нем может быть? Он довольно-таки объемистый и для подарка тяжеловат. Адрес отправителя не указан. Сильвен сует пакет под мышку. Он думает над словами, которые только что изрек Семийон: «Перипетии отношений любовного треугольника». У него опять, и отчетливее прежнего, такое впечатление, что Семийон идет по ложному пути. Человек, который в молодости вел разгульную жизнь, подобно отцу Фуке, а впоследствии на него нашла божья благодать и он стал святым отшельником в пустыне, — таких примеров таинственного обращения к Богу хоть отбавляй. Во всем этом и по сей день остается много неразгаданного. Но в данном случае одно не вяжется с другим — существует натяжка в психологически неоправданном превращении молодого гуляки в человека долга, каким стал герой фильма в зрелом возрасте. Сильвена не покидает ощущение неубедительности: переход от «У Максима» к Сахаре — это еще куда ни шло, но вот от «Лидо» к Рифу — такое ни в какие ворота не лезет. И если поворот от разврата к вере еще допустим, то от некоторых излишеств к безумию героизма — в такое верится с трудом. Бурназель никогда не был распутником. Сильвен, актер Божьей милостью, уверен, что Семийон трактует его образ произвольно. В угоду зрелищности фильма. Правда характеров — это премило. Но есть еще низменная правда — перипетии отношений любовного треугольника. Кроме того, Сильвена волнует мысль, которую он затрудняется сформулировать, но она травит его душу, как ностальгия, утрата... Уже тогда, когда он делал ставку на роль Вертера...

Перерезав бечевку, Сильвен обнаруживает под оберткой коробку, похоже из-под обуви.

«Только бы мне состояться, — думает он. — Не как мужчине — на это он, пожалуй, не способен. Но как актеру. Таков единственный способ вырваться из оков и чего-то достичь...»

Сняв крышку, Сильвен невольно отпрянул, как перед змеей. На ватном ложе в коробке лежит пистолет — тот самый, каким он хотел покончить с собой. Он узнает его шестым чувством. Легкие царапины на рукоятке... и потом... и потом все остальное. Он так часто смотрел на него, снова и снова переживая эту сцену: черный «ситроен», остановившийся перед аптекой. Двое мужчин в черных фуражках с лакированным козырьком, черных шинелях, черных перчатках... Гестаповцы...

Выходит, страшный момент настал. Пистолет — последний из друзей. Бедный папа!

Колебался ли он? Ни единой секунды. Сильвену известно, как кончают с собой. Между ним и его отцом, которого он не знал, существует нечто большее, чем кровное родство. Есть соучастие братьев по оружию. Он осторожно вынимает пистолет и тут обнаруживает, что магазин пуст. В стволе ни одной пули. Пистолет обезврежен. Тогда почему враг послал его?

Сильвен возвращает оружие на ватное ложе, напряженно прислушиваясь к всплескам речей Семейюна, которые доносятся из столовой. Только бы его не застучали с этой уликой в руке. Он маскирует коробку рядом книг на библиотечной полке. Руки приходят в движение. Он раздевается. Бросает на кресло красную униформу спаги. Почему ему прислали этот пистолет, а не очередную выдержку из его письма? Может, сочли, что настала пора положить конец испытанию? Может, дали понять, что ставят на этом точку и отныне он может жить спокойно? Возможно, маленькая война закончена?

Сильвен машинально натягивает брюки, пуловер. Он пока еще не решается обрадоваться. И не без основания. Ибо его потрясает новая мысль. С этим пистолетом он при желании мог бы доказать полиции, что хотел покончить жизнь самоубийством. Там у них имеются специальные приспособления для опознания оружия, выпустившего пулю, извлеченную из тела. Разумеется, его спросят, а где же находился пистолет все это время. Извините, это уже их не касается. Им придется принять факт как таковой. С того момента, когда он, считавшийся жертвой покушения на жизнь, сдаст полиции револьвер, из которого в него стреляли, и заявит: «Я пытался наложить на себя руки», все встанет на свое место.

Сильвен застывает, как если бы малейшее резкое движение грозило нарушить ход мыслей.

«Да, — говорит он себе, — теперь все объясняется. Я лгал, утверждая, что якобы забыл сцену, разыгравшуюся в моем кабинете. На меня никто не нападал. Я сам поддался импульсу самоуничтожения». Вопрос: «Но как вы умудрились спрятать пистолет?» В ответ — молчание. Пусть комиссар думает что угодно. Вопрос: «Прослушали ли вы сообщение Даниеля Марсьяля, записанное на автоответчике?» Ответ: «Нет». И это сухая правда. Вопрос: «Коль скоро вы могли передать нам пистолет, то почему довели дело до облыжного обвинения Марсьяля?»

Тут ноги Сильвена подкосились, и он был вынужден сесть, не в силах унять бешеное сердцебиение при мысли, что теперь, вновь овладев пистолетом, может неопровержимо доказать факт самоубийства, а значит, и вызволить Даниеля из тюрьмы. Безотлагательно! И что тогда? К воротам тюрьмы устремится свора фоторепортеров, журналистов. Газеты запестрят крупными заголовками: «Невиновность Даниеля Марсьяля наконец признана!», «Судебной ошибки удалось избежать!». На телевидении начнется ажиотаж. И успех опустится на плечи Даниеля, подобно райской птице...

«Нет, только не это», — бормочет Сильвен. Ибо ему видятся еще и другие заголовки на первых полосах газет: «Вероломство Сильвена Дореля»... или же: «Коварство»... или же: «Предательство». Слова, ранящие до крови. Он вспомнил, что однажды, в больнице, угадал то, что происходит с ним сейчас. Но тогда это было умозрительно... и еще терпимо. А вот сейчас...

В соседней комнате гогочет Семейюн. Не иначе как хорохорится перед Марилен. Сильвен сжимает кулаки. Он прекрасно видит — его хотят припереть к стенке. Хватит ли ему мужества донести на самого себя? Или же ему следует помочь, толкать его, честного и отважного офицера?

Семийон показывается на пороге столовой.

— Идешь? — спрашивает он. — Нечего переваливать всю работу на мои плечи!

Три дня они работали без передышки. Мадлен являлся каждое утро ровно в девять. Вслед за ним — Семейон, полный бодрости, чертыхаясь из-за неурядиц с контролерами на автостоянке. Марилен, заглянув в кабинет, просила вызвать ее в случае необходимости. И они впрягались. Мадлен сидел за письменным столом, чтобы фиксировать ценные идеи и реплики — не доведи господь что-нибудь забыть; Семейон, не присаживаясь, расхаживал из угла в угол, приставляя ладонь козырьком, словно ему режет глаза яркость его гениальных озарений. Жизнь втроем возобновилась: ее месят, перебирая на тысячу ладов. «А что, если...» — начинает один, предлагая новый краткий вариант содержания, который прочие вежливо выслушивают. «А что, если...» Неужто это наконец та счастливая находка, которая послужит основой сценария? Они спорят до одури, в очередной раз идут по ложному пути. «Это напоминает мне историю», — начинает Семейон. Истории — его слабость. У него полны ими карманы, и он сопровождает свой рассказ жестикуляцией, как если бы кормил голубей. Он заливается смехом, красный как рак, доходя до икоты: «Ну? Ну? Здорово, правда?» А секунду спустя напускает на себя серьезность: «И все это не то! Наша телега что-то никак не сдвинется с мертвой точки».

Он набивает трубку и, сменив тон, доверительно сообщает: «Я нашел ему имя, нашему субчику, — Раймон Вильдье. Чтобы вечно не повторять: Даниель... Марсьяль... Тем более что если Марсьяля даже выпустят на свободу — заметьте, презумпция невиновности еще не есть ее доказательство, — то весьма сомневаюсь в его желании работать с нами. Я предположил такое сотрудничество без всякой надежды на его согласие, сами понимаете. Итак, у нас есть де ла Мезьер и Вильдье. А между ними двоими — девушка, пока еще безымянная. Условно назовем ее Катрин. Так что же может произойти между ними троими? Знаю, в общем и целом мы себе это уже представляем. Но теперь мне нужна раскадровка. Слышишь, Мадлен?»

И они снова погружаются в свои мысли. Сильвен старается не думать о пистолете.

— Неприятность заключается в том, что с офицерами у нас будут связаны руки. Вот имей мы дело со студентами, и они были бы развязаны. Я даже задаюсь вопросом, а не следует ли нам отказаться от армейской среды?

Семийон передергивает плечами.

— Видал, какую морду скорчил наш Сильвен? Он сейчас как расшвыряет. Однажды ему уже насолили, когда, посулив Вертера в полном объеме — со всеми вздохами и ахами, — потом урезали до карманного формата и под конец отняли самоубийство. Так что сейчас мы одной рукой отнимаем Бурназеля, которого предложили другой!..

Пауза. Наконец Мадлен отваживается:

— Да какие тут могут быть, к черту, свидания? Парни из Сен-Сира большую часть времени безвылазно находятся на полуказарменном положении. Так что судите сами, насколько правдоподобно это соперничество из-за девушки-парижанки!

— Верно, — уступает его доводам Семейон. — Но ведь оба наших молодца, готовясь к поступлению в Сен-Сир, жили в Париже. Я живо себе представляю их на подготовительных курсах. «Генрих Четвертый», или как там — «Людовик Великий»... А значит, любовный роман у них завязался еще в Париже. — Он шагает от стены к стене. Загорается. Перед его глазами уже сменяются кадры фильма. — Куда занятнее, — утверждает он, — если в завязке им по восемнадцать лет.

— И это при всем том, как они выглядят сегодня? — не без ехидства спрашивает Мадлен.

Семийон застывает на месте, словно громом пораженный.

— Зараза! А ведь ты прав.

И все-таки обескуражить его невозможно.

— А мы чуточку состарим. Натянем годков так на двадцать. Подгримируем. Представим дело таким образом, будто они два или три раза не проходили по конкурсу. И даже, слушай сюда, пусть Вильдье поступает в академию на год раньше ла Мезьера. Не в обиду тебе будет сказано, Сильвен. Это же вовсе не означает, что ты осел и мы условились, что ведешь игру ты. Хе-хе, ребятки, все становится на свои места, и вы прямиком выходите на бракосочетание с Вильдье, свадебную церемонию по всей форме — скрещенные шпаги над головой жениха и невесты и прочее. Лучше не придумаешь, уверяю вас. Сынок, пометь-ка все это у себя.

Несмотря на тоску смертную, Сильвен поддается общему настрою. Но теперь он уже твердо знает, что Семийон идет по ложному пути и эти телячьи восторги завершатся дешевкой. Но он знает и то, что его имя во вступительных титрах не появится. Он никогда не станет этим альфонсом де ла Мезьером. Ему было бы нелегко объяснить почему. Такая уверенность пришла к нему постепенно, как приходит заря или сумерки. Никакого отношения к разорванности его сознания это не имеет. Все куда тоньше и проще; его мысли как бы принимают другую окраску. И на душе наступает умиротворение. В нем творится нечто таинственное. Остается дать этому «нечто» созреть. А пока ему забавно внимать Семийону, поддакивать тому кивком — он так нуждается в одобрении, чтобы собраться с силами.

Около одиннадцати Сильвен устремляется в прихожую. Берта как раз выкладывает почту на ломберный столик. Он пробегает глазами адреса. Ничего тревожного. И он возвращается на свое место.

— А что, если... — говорит Мадлен.

Утро близится к концу. Марилен зовет их обедать. Она предпочитает держать их под рукой — если Семийон уводит Мадлена из дому перекусить, до пяти вечера их не жди.

— Сардины в масле, рагу, камамбер. Меню вас устраивает?

— Ты — королева, — отвечает Семийон.

Они шумно рассаживаются в столовой. Семийон самовольно берется раскупоривать бутылки.

— Это напоминает мне одну потрясную историю, — завладевает он разговором. — Я работал тогда у Франжю ассистентом, и мы снимали документальную картину. Действие происходило в Вандее, в средневековом замке — заметьте себе, всамделишный замок, без дураков, с галереей навесных бойниц, подъемными мостами и все такое прочее!

Рассказчик он замечательный. Переходя к эпизоду про лошадь, которая, закусив удила, понесла галопом по настилу, и подъемный мост зашатался, засунув салфетку за ворот, Семийон встает — он и есть обезумевшая, заартачившаяся лошадь. Так и хочется ему аплодировать.

— Пришлось взбивать яичные белки, имитируя пену на лошадиной морде, — в заключение говорит он. — Это была кляча, которую впрягали в катафалк, — ее одолжил нам местный мэр. Другой лошади под рукой не оказалось.

Марилен прыскает со смеху. Она пожирает Семийона восторженными глазами.

Наконец-то она заполучила его, своего режиссера. Может, он и приведет ее к триумфу.

— Угощайтесь, — настаивает она. — Вы ничего не едите.

И Семийон ловким движением запускает в рот остатки рагу.

— Кстати, о Даниеле Марсьяле больше ни гуту, — сообщает он Марилен.

— Ах! Это мне больше по душе! — вскричала та. — Даниель тут, Даниель там — я уже сыта этим по горло. Знаете, ведь мне это неприятно.

— Отныне его зовут Раймон Вильдье, — твердо заявляет Семийон. И сурово добавляет: — И с Бурназелем покончено, как с Марсьялем. Первый, кто упомянет эти имена, платит штраф.

Сильвен его одобряет. Он понимает, что Семийон, сам того не желая, сжигает все мосты. С одной стороны ла Мезьер, который перестал его интересоваться, а с другой — Бурназель, воплощающий лучшее, что есть в нем самом.

После десерта они устраивают себе длинный перекур с кофе, и Семийон подводит итог.

— Видишь ли, — обращается он к Марилен, — что меня смущает, так это время действия. Эта эпоха так далека от нас. Подумать только, этот Бурна... пардон, ла Мезьер родился в тысяча восемьсот девяносто восьмом, следовательно, в тысяча девятьсот восемнадцатом ему было двадцать. Выходит, я должен показать в картине — как это тогда называлось? — «безумные годы». Ты себе представляешь, какая это работа, какие расходы? К тому же я плохо чувствую эту эпоху. Само собой, вместо войны в Рифе можно было бы подыскать что-либо другое. Существуют Индокитай, Алжир, Латинский квартал в годы войны в Алжире почти что стоит мая шестьдесят восьмого! Наш треугольник мог бы образоваться во время какой-нибудь уличной демонстрации. Только ведь при таком раскладе был бы утрачен эффект красного казакина. Конечно же, рядом с ней белесая форма парашютиста не идет ни в какое сравнение. С другой стороны, признайся, потребуется немалое нахальство, чтобы построить фильм, который держался бы на одном лишь эффекте костюма. Сильвен, тебя не затруднит примерить его еще разок?

Сильвен направляется в кабинет, где на стуле лежит аккуратно сложенная форма спаги. Берта идет следом.

— Я не решила повесить ее в гардеробной, — извиняется она. — Ведь эти господа приходят сюда каждый день. И еще я не хотела вас беспокоить. На ваше имя пришел пакетик. Его доставили с утренней почтой — в одиннадцать часов. Наверное, подарок. Но мсье не велел себя беспокоить ни по какому поводу. Так что я оставила его на кухне.

— Ступайте за ним.

Он слышит голос Марилен.

— Берта! Сливовой водки! — кричит она.

— Водку принесете потом, — распоряжается он. — Быстрее на кухню!

До возвращения Берты Сильвен успевает снова облачиться в брюки и алый долман. Она протягивает ему пакетик, и в самом деле малюсенький. Наклейка с машинописной надписью — копия той... Дрожащей рукой он хватается с письменного стола нож для разрезания бумаги. Вспоров упаковку, обнаруживает деревянную коробочку с крышечкой, которая скользит по пазам. На ватном ложе, как драгоценность, блестит патрон калибра 7,65. Он прекрасно знает, что именно 7,65. И не только это. Три шага — и он уже в библиотеке, где извлекает из тайника пистолет. Сунув патрон в магазин, без труда досылает его в ствол. Ему приходит в голову безумная мысль: «В меня стреляют». Звучит абсурдно, а между тем так оно и есть. Выждав три дня, несомненно предоставляя ему время прийти с

повинной, теперь ему досылают пулю, как бы открывая по нему огонь. Другого толкования нет. Чего от него ожидают, стало ясно как божий день: либо он заговорит и оскандалится на всю оставшуюся жизнь, либо смолчит даже сейчас, и тогда...

Из соседней комнаты его вызывает Семейон:

— Ну какого шута ты там валандаешься? Сколько тебе нужно времени, чтобы одеться?

— Уже иду, иду, — успокаивает его Сильвен. — Минутку.

Оставив револьвер в библиотеке, он набрасывает красное пальто на плечи. «В меня стреляют», — повторяет он про себя.

Когда он входит в столовую, Семейон присвистывает от восхищения.

— Как бы я ни брыкался, — признается он, — а этот костюм продолжает меня потрясать. А вас? В нем определенно что-то есть. Давай ходи! Пока ты у меня на глазах, мне скорее придет на ум, как нам его обыграть.

Сильвен делает несколько шагов, и Семейон его останавливает.

— Не так, старина, ты движешься как манекен, а мы не на показе мод. Этот костюм должен стать для тебя второй шкурой. Доставь мне удовольствие — носи его дома постоянно. Да-да! Работай в нем. Жри. И все прочее.

— У Сильвена утомленный вид, — замечает Марилен. — У тебя что-нибудь не ладится?

— Просто эта шуковина оттягивает ему плечи.

Он доликает в ликер на два пальца водки.

— Держись, капитан! Твое здоровье. Еще один, кого бедуинам не одолеть. Жать, однако, — продолжает он, — что это чертово пальто появится лишь во второй части фильма. Поэтому предлагаю следующее. Мы начинаем с атаки. Свист пуль. Этот... не Бурназель, а как его там? Ла Мезьер. Никак не привыкну. Так вот. Ла Мезьер перезаряжает ружье. Пули уже изрешетили его пальто. Фельдгегерь... Так, что ли, его называют? Словом, парень, который передает приказы свыше. Так вот, он является с приказом капитану сбросить пальто. Мадлен, ты во всем этом потом разберешься. Слышь?! И, лишившись своей везучести, Мезьер смертельно ранен. Перед глазами умирающего проходит вся прожитая жизнь. Flash back^[45]. Таким образом, фильм и начинается красным долманом, и завершается — кто-то накрывает им труп. «Дзинь! Дзинь!» — под занавес играет духовой оркестр. In ze rocket^[46], птенчики мои.

— Flash back вроде бы уже вышел из моды, — не без ехидства вернул Мадлен.

Похоже, эти двое не больно ладят. Сильвен слушает их откуда-то издалека, из необозримой выси, из недоступного им тайника. Он скорее склонен принять сторону Мадлена-сценариста. Семейон все время по-гурмански причмокивает, пережевывает пресную кашу общих мест. Он пересмотрел на своем веку слишком много фильмов. И уже не знает, где кончаются цитаты, а где начинается оригинальное творчество. Нет, не с ним, как ведущим в связке альпинистов, достигнут они вершины шедевра. Но теперь все это уже не так важно!

Семийон скатывает салфетку и пропускает через кольцо.

— Пошли-ка, ребятки, пора приниматься за дело. Марилен, ты тоже идешь с нами.

Они снова проходят в кабинет.

— Меня не устраивает, — продолжает Семейон, — что ваша история прежде всего история мужчин. Правда, там есть такой эпизод, когда этот... ну как его там... ла Мезьер увел жену Вильдье. Но этого недостаточно.

— Надо, — вмешивается Мадлен, — чтобы женщина была сквозным персонажем,

скрытой пружиной всей истории, но я еще не совсем вижу, как это сделать.

— А ты, Сильвен? — спрашивает Семейон. — Ты видишь?

— Нет. Ни малейшего представления. Разве что...

— Давай смелее.

— Разве что она ненавидит обоих мужчин.

— О! — изрекает Семейон. — О! Это вовсе не такая уж бессмыслица. Обратная сторона любовного романа — все тот же любовный треугольник, правильно? Что ты думаешь по этому поводу, Марилен?

Марилен углубилась в раздумье.

— Это не лишено смысла. При условии, если в этой истории фигурирует вторая женщина.

Она поворачивается лицом к Сильвену:

— У Мезьера есть любовница. Почему бы и нет? И вот она...

«Она ухватила за такой вариант, — думает Сильвен. — Вторая женщина! При всем том, что и одной-то уже хватает за глаза, чтобы водить их обоих за нос!»

— Нужно копать глубже, — заявляет Семейон, набивая трубку.

Затяжное молчание. Сильвен размышляет.

После первой пули придет вторая, третья. Поначалу в обойме их было семь. Первой выстрелил отец, когда в аптеку ворвались гестаповцы. Второй — он сам, когда промазал в себя. Выходит, оставалось пять. И они придут к нему все пять, в хорошенькой коробочке. С интервалом в пару дней. И если он не перестанет сопротивляться, если не сделает жеста, какого от него ожидают, фотокопии его письма начнут ходить по рукам — вот ведь что ему нельзя упускать из виду.

Сильвен позволяет себе помечтать. Он тоже идет на встречу с замаскировавшимся врагом... как Бурназель. Еще двадцать метров... еще десять...

Звонок заставляет его подскочить. Он подходит к телефону.

— Дорель на проводе.

Звонит Медье.

— Ах! Дорогой Сильвен, счастлив услышать ваш голос. Ну как дела? Продвигаются?

Продюсеры опасаются, что киношники бьют баклуши.

— Как вам сказать, — отвечает Сильвен, — мы собрались вчетвером. Похоже, дело продвигается.

— Тем лучше. Как же я мечтаю о красивом фильме! Только что я беседовал с Лелюшем. Ему идея нравится. Он сказал мне: «Для Канн уже поздновато, но для “Деллюка” — самое время»^[47].

— Да, — бормочет Сильвен, плохо скрывая безразличие. — Слова ободряющие.

— Дайте мне Семейона, — просит Медье. — И трудитесь прилежно.

Сильвен передает трубку Семейону, который с ходу заводится.

— Потрясная идея, босс. Потом расскажу. Дорель в форме офицера спаги? Это нечто! Вы заполучите натуру в Марокко? Вот здорово! Это куда лучше Испании. Знаете мой девиз, шеф? Как на суде присяжных: правда! Ничего, кроме правды! Вся правда!.. Что-что? Понадобятся ли нам верблюды?

Семийон вопрошает глазами всех присутствующих, которые, однако, примолкли. Но это его не обескураживает, и он не теряет.

— Да, безусловно понадобятся. Караван, снятый контржуром^[48], бредет по гребню

песчаных дюн — зрители это просто обожают. Нет. Окончательного названия у нас пока нет. «Госпожа удача»? Да, мы думали об этом. Лично я опасаюсь, как бы такое название не приняли за имя знаменитой актрисы. Говорят же «госпожа Каллас». Но если вы полагаете... Так или иначе, не берите в голову. Мы уложимся в намеченные сроки.

Он вешает трубку и потирает руки.

— Давайте, зайчики. Поехали дальше.

— В Сахаре, — привередничает Мадлен, — обитают не верблюды, а дромадеры. Одногорбые верблюды.

— Какая тебе разница? — обиделся Семейон. — Подумаешь, одним горбом меньше. Тебе только бы придраться!

И работа возобновляется. Сильвен делает вид, что активно сотрудничает: он подражает трем остальным, а те, глубокомысленно прикрыв глаза, наигрывают на подлокотнике кресла, как на клавишах, меняя позу ног, закидывают одну на другую попеременно — словом, переживают муки творчества. Но его собственные мысли текут в совершенно ином русле. Они хотели, чтобы он был Бурназелем. Он поймал их на слове. Он не умел жить. Не умел любить. Он целиком и полностью отдавался горькой страсти к кино. Щедро оплачиваемая ретушь угодливых фотографов создала ему идеализированный имидж. Некое подобие реального образа. Инфантильная досада толкнула его на мысль эффектно разыграть преждевременную смерть. Марионетка! Зомби! Но теперь все будет по-другому. Наконец-то он нашел роль по себе. Они полагали, что терзают его? Как же они ошибались!

Он пройдет к славе через дверь легенды. И безотлагательно! К чему тянуть?

Сильвен бесшумно встает с места. Открывает дверь своей домашней библиотеки. Другие никак не реагируют. Они блуждают по по man's land^[49] бесплодных поисков. Нужно побыстрее сунуть пистолет в карман.

— Сию минутку, — бормочет он.

Дверь бесшумно за ним прикрывается. Берта на кухне — моет посуду. Юркнув в ванную, он предстает перед своим двойником в зеркале. Фильм умрет одновременно с ним самим. Бедный Медье! И бедная Марилен, обманутая и на сей раз. Все они побежденные. Он смотрит на Бурназеля в зеркало. Бормочет: «По крайней мере, ты... и я вместе с тобой... мы победим».

Сильвен медленно сбрасывает с плеч красное пальто, сжимает в руке пистолет. Посылает своему зеркальному отражению горькую улыбку.

«Везение, — бормочет он, — его не существует в природе». Быстрым движением руки Сильвен подносит дуло пистолета к виску и спускает курок.

— Алло!.. Говорит Медье... Дорогой Даниель, как же я обрадовался, узнав, что вас наконец выпустили на свободу. После самоубийства Дореля это, разумеется, уже не могло заставить себя ждать. Подобная смерть — загадка. И я-то знаю, во что она мне обошлась. Я хотел бы побеседовать с вами на эту тему конфиденциально, и как можно скорее. Погребение отложено из-за необходимости расследовать обстоятельства, произвести вскрытие и других формальностей. Оно состоится наконец-то завтра утром на Пер-Лашез, где у семьи Дорель фамильный склеп. Я вынужден туда пойти, сами понимаете. Будет немало любопытного. Газеты только и пишут, что об этом самоубийстве... и о вас, дорогой Даниель. Все те, кто вас подозревал, теперь спешат выказать вам свое уважение. Это великолепный, неординарный рекламный козырь. Тем более неординарный, что тайна

остается неразгаданной. Дорель покончил жизнь самоубийством — достоверный факт, не нуждающийся в доказательствах. Но вот что же произошло с ним в первый раз? В него стреляли? Полиция прямого ответа не дает, разумеется. О! Я спокоен... Ваше дело будет прекращено. И о нем вскоре перестанут говорить. Однако сейчас вокруг него еще много шума, оно у всех на устах. Вот потому-то я вам и звоню. Приличия ради... Но какого черта! Дорель меня жутко подвел. Мне во что бы то ни стало нужно предпринять срочные шаги. Пообедаем-ка вместе завтра, после похорон. Я приглашу и мадам Дорель, поскольку она находится в таком же затруднительном положении, как и я сам. Я был намерен дать ей роль в фильме, который мы готовили, и теперь обязан компенсировать неустойку, поскольку она, как и вы, фигура жертвенная. Все это я объясню вам при личной встрече. Ах, дорогой Даниель! От какого же превосходного фильма я вынужден отказаться! Фильм, трактующий проблемы чести и мужества. Но самоубийство Дореля свело все мои усилия на нет. Я подумал было, не попросить ли вас сыграть его роль, но это все равно что напялить на вас башмаки покойника. Газеты обрушатся на нас со своими нападками. Что ж, тем хуже... У Семейона есть в запасе идея получше. Вот увидите. У него задатки крупного кинорежиссера. Я доверяю его суждению, но мне не хочется вас дольше задерживать. Свидание завтра, у меня. Так будет удобнее. Я объясню вам суть моего проекта. Он понравится вам — уверен. До завтра... Договорились!

— Алло, Даниель! Здравствуй, дорогуша... Что? За ночь ты перестал узнавать мой голос? Проснись, ленивец. Ты приобрел в тюрьме скверные привычки... Нет! О том, чтобы идти к тебе, не может быть и речи. Мы должны держаться осмотрительно и еще немножко переждать. Нас не должны засечь вместе. Нельзя дать им повод думать, что Сильвен, возможно, убил себя по моей, по нашей милости. Одному Богу известно, что люди могут напридумать! И глядишь, ненароком попадут в самую точку. Но мы могли бы вместе пообедать, ничем не рискуя. Медье приглашает нас к себе. Он говорил мне о таком проекте, что я до сих пор не приду в себя. Он всячески рекомендовал мне не проболтаться, но это сильнее меня. Знаешь, о чем он подумывает? О новой постановке «Графа Монте-Кристо», не более и не менее. Он утверждает, что позволительно экранизировать этот роман Дюма каждые двадцать лет. Он дает тебе роль Эдмона Дантеса, безвинно пострадавшего пленника замка Иф, кем ты сейчас и являешься в глазах широкой публики. А я — я буду твоей неверной Мерседес. Его постановщик, этот коротышка Семейон, вбил ему в голову, что фильмы с тайной — самые кассовые. Представляешь себе, дорогуша, какое везение! Правда, ты его предусмотрел, но тем не менее — какая роль для меня. Для нас обоих, куда там!.. Ты знаешь, похороны в одиннадцать. Без отпевания, естественно. Все будет улажено в два счета... Итак, свидание в половине первого, у Медье. Только ни гугу! Я тебе не звонила. Ты ни о чем не знаешь. До скорой встречи, любовь моя!

Даниель заметил горстку людей справа от центральной аллеи. Он взволнован и

останавливается перед утопающей в цветах могилой Аллана Кардека. Старая женщина сосредоточилась на своем, взывая к этому апостолу спиритизма. «Может быть, она верит, что он тут, рядом с нею, незримый, но внимательный, готовый прийти на помощь. В конце концов, а что я знаю о мертвых?.. Если ты меня слышишь, Сильвен, я хотел бы кое-что тебе сказать. Хотя все это организовал я, тем не менее подлинная вина не моя. И не Марилен. У тебя еще не было достаточно времени на то, чтобы порвать все нити, связывающие тебя с землей. И мне нужно помочь тебе оторваться от нее».

Поодаль сверкали блицы фотоаппаратов. Марилен выдавливает из себя две слезинки и падает в обморок, поддерживаемая Евой, которая вернулась из Лондона к самой развязке. «Какая замечательная актриса! А ты и не подозревал, Сильвен. Ты считал ее бездарной, и с этого слова все пошло-поехало. Я должен тебе объяснить, бедная душа! Это Марилен обнаружила твой “труп” по возвращении со студии. Она сочла тебя мертвым. Прочла письмо, оставленное тобой. Какой удар! Потеряв голову, она тотчас позвонила мне. Да-да! Ты не мог знать, что мы с ней... Понимаешь ли, кончилось тем, что мы и не переставали быть супругами. А ты? Ты так мало уделял ей внимания!»

Даниель отходит в сторону, пока немолодая особа в трауре кладет на могилу букетик полевых цветов. Он вспоминает про телефонный звонок Марилен, который застал его врасплох. Что оставалось ему делать? «Что сделал бы на моем месте ты, Сильвен? Ведь если бы твое письмо предали гласности, ответственность за твое самоубийство пала бы на нас. Выходит, его следовало скрыть. Но следовало также изъять пистолет — так или иначе, а твое самоубийство вовлекло нас в ужасно скандальное дело. В таких случаях мысль срывается молниеносно, и я в один миг обзрел все аспекты проблемы. Если письма больше нет, если оружия больше нет — полиция окажется перед лицом таинственного преступления, а твоя смерть утратит характер личной драмы, рискующей погубить нас в общественном мнении. Я диктовал Марилен линию поведения. Мы оба считали свое дело правым. Но как на беду, существовал эпизод с автоответчиком, и меня арестовали. Вот с этого момента я и задумал всех перехитрить. Прости меня, Сильвен!»

Даниель прошелся среди могил. Как тяжело вести тяжбу с мертвым. «Ты должен верить мне, Сильвен. Я сразу сообразил, что если дело примет для меня плохой оборот, то при посредстве Марилен я всегда сумею выкрутиться, предъявив письмо в доказательство твоего намерения покончить с собой. Следовательно, мне нечего было страшиться, и я мог отсиживаться, ограничиваясь заверениями о своей невиновности. Ты прекрасно видишь, какая сложилась ситуация. Я был уверен, что время работает на меня. Между нами, Сильвен, да разве бы ты и сам не отказался от подобной удачи, когда вся пресса занята тобой одним? Наоборот, ты подпитывал бы такую рекламу. Вот и я тоже — я позволял расти ставкам на этом аукционе.

Я хорошо знал, что в тот день, когда полиции станет известно, что ты хотел себя убить, ты сможешь считать себя конченным человеком. И тогда уж мы — Марилен и я — возьмем реванш. Да вот только Марилен было этого мало. Ты приводил ее просто в бешенство. И в конце концов она пожелала, чтобы ты наложил на себя руки. Ведь ты ужасно ее унизил. Так что око за око — тебе тоже надлежало испить всю чашу унижения до дна. Вот почему она так изводила тебя, бедный мой старик».

Внизу толпа начинает редеть. Даниель скрывается в боковой аллее. Он видит издали, как с кладбища уходит Марилен, приложив платочек к губам, сгорбившись, опираясь на Еву. Даниель выжидает еще с минуту и, когда воробьи снова завладели кладбищем, наклоняется

подобрать гвоздичку среди цветов, возложенных на свежую могилу Аллана Кардека, и направляется к розовому склепу Дорелей. Он долго собирается с мыслями и наконец кладет цветок на могильную плиту.

«Пистолет, — бормочет он, — пуля... Это придумал не я...»

Больше книг на сайте — Knigolub.net

ТОМА НАРСЕЖАК О ПЬЕРЕ БУАЛО

«Его изобретательность феноменальна и основана на любопытном свойстве ума. Обыденность его не интересует. Зато все, что выходит за ее рамки, околдовывает».

«Ничем не пренебрегать – дело чести. Буало работает не ради денег, не ради славы, но для одного-единственного удовольствия – быть достойным самого себя».

ПЬЕР БУАЛО О ТОМА НАРСЕЖАКЕ

«Нарсежак – великолепный романист, по воле случая ставший на путь детективного романа, потому что детективный вирус давно уже был у него в крови».

«Нарсежака прежде всего интересуют обыкновенные люди, подвергающиеся в наших историях большей или меньшей угрозе».

ISBN 978-5-699-52853-0

9 785699 528530 >

ТОМА НАРСЕЖАК О ПЬЕРЕ БУАЛО

«Его изобретательность феноменальна и основана на любопытном свойстве ума. Обыденность его не интересует. Зато все, что выходит за ее рамки, околдовывает».

«Ничем не пренебрегать — дело чести. Буало работает не ради денег, не ради славы, но для одного-единственного удовольствия — быть достойным самого себя».

ПЬЕР БУАЛО О ТОМА НАРСЕЖАКЕ

«Нарсежак — великолепный романист, по воле случая ставший на путь детективного романа, потому что детективный вирус давно уже был у него в крови».

«Нарсежака прежде всего интересуют обыкновенные люди, подвергающиеся в наших историях большей или меньшей угрозе».

---

notes

Тушеные телячьи ножки *(ит.)*. *(Здесь и далее прим. ред., кроме особо оговоренных.)*

Мистраль — сильный и холодный северный или северо-западный ветер, дующий с гор Южной Франции.

Жозеф Ньепс (1765–1833) — французский изобретатель, родился в Шалон-сюр-Сон, один из создателей фотографии.

TEE — трансъевропейский экспресс. (*Прим. перев.*)

Акумея — ценная порода розового дерева.

Проститутка по вызову (*англ.*). (*Прим. перев.*)

Голландский джин, производимый в городе Схидам.

Обет, посвящение (*лат.*).

Положение в обществе (*англ.*).

Имеется в виду восстание националистов, входивших в организацию «Фронт национального освобождения» в 1954 г. Военные действия продолжались до марта 1962 г., в июле того же года была провозглашена независимость Алжира.

Лидо — остров близ Венеции. *Здесь*: шикарный ресторан в Париже. (Прим. перев.)

Одеон — театр в Париже. *(Здесь и далее прим. перев., кроме особо оговоренных.)*

Андре Шенье (1762–1794) — французский поэт, почитатель поэзии Древней Эллады, в то же время увлеченный современной ему философской мыслью, в своем творчестве стремился объединить эти свои пристрастия. *(Прим. ред.)*

Френе (наст. имя и фамилия Пьер Лоденбах) (1897–1975) — французский актер, выступал в «Комеди Франсез», затем перешел в театры на Бульварах.

Фредерик Россиф — известный французский кинорежиссер-документалист.

Одна первая премия на двоих (*лат.*).

Франсуа Перье (1919–2002) — видный французский актер театра и кино, театральный деятель, лауреат многих премий, в 1951–1965 гг. — директор театра «Мишодьев».

«Ролан-Гаррос» — крупнейший крытый спорткомплекс в Париже.

Подрезка, прием в теннисной игре (*англ.*).

Закусочная (*англ.*).

«Апокалипсис сегодня» — знаменитый антивоенный фильм американского режиссера Фрэнсиса Копполы о войне во Вьетнаме.

Рукопожатие (*англ.*).

«История любви» — нашумевший голливудский фильм-мелодрама, где любящие молодые люди принадлежат к разным социальным слоям общества. *(Прим. ред.)*

Анри Жорж Клузо — французский кинорежиссер. «Дьяволицы» — его экранизация романа Буало-Нарсежака «Та, которой не стало».

Лунный свет (*англ.*). Здесь ирония: «из пустого в порожнее».

Будь что будет (*ит.*). (*Прим. ред.*)

За кадром (*англ.*).

Прощайте *(исп.)*. *(Прим. ред.)*

Здесь: весь в прошлом, отжил свой век (англ.).

Пьер Брассер (1905–1972) — известный французский актер театра и кино. Снимался в фильме режиссера Марселя Карне «Дети райка» (1943–1944).

В последний момент (*лат.*).

Доломан (от венг. *tolmaуe*) — гусарский мундир, расшитый шнурами. (*Прим. ред.*)

Эдвиж Фейер (1907–1998) — первая леди французского театра — актриса, которой писали роли такие драматурги, как Кокто, Жироду, Ануй.

Британик — герой одноименной трагедии Жана Расина (1669) — сын римского императора Тиберия и Мессалины.

Бубурош — герой одноименной пьесы французского драматурга и писателя Жоржа Куртелина (1858–1929).

ОАС — секретная армейская организация в годы войны Франции с Алжиром.

«Голубой ангел» — фильм — любовная драма с участием немецкого актера Эмиля Янингса и Марлен Дитрих.

Бувар — радиокментатор новостей культуры.

Выпуск 1973 г., статья Жана д'Эсма «Бурназель, человек в красном, становится легендой». *(Прим. авторов.)*

Касба — крепость в странах Северной Африки.

Номинация, или выдвижение кандидатур, предшествует ежегодной церемонии присуждения высшей премии — «Оскар».

Спаги — солдат французской конницы в Африке.

Луи Жуве (1887–1951) — известный французский актер театра и кино.

«Сезар» — премия, присуждаемая во Франции лучшему фильму года, актерам — исполнителям женской и мужской роли и т. д. — по аналогии с премиями «Оскар», присуждаемыми в Голливуде.

Возврат в прошлое (*англ.*) — прием киноповествования.

Дело в шляпе (*искаж. англ.*).

Речь идет о присуждении ежегодных премий.

Операторский прием — съемка против света.

Ничейная земля *(англ.)*.